

ПИНОККИО

(Pinocchio)

Carlo Collodi

1. КАК МАСТЕРУ ВИШНЕ ПОПАЛСЯ КУСОК ДЕРЕВА, КОТОРЫЙ ПЛАКАЛ И СМЕЯЛСЯ, КАК РЕБЕНОК

Жил-был...

«Король!» — немедленно воскликнут мои маленькие читатели.

Нет, дети, вы не угадали.

Жил-был кусок дерева.

То было не какое-нибудь благородное дерево, а самое обыкновенное полено, из тех, которыми в зимнюю пору топят печи и камины, чтобы обогреть комнату.

Не знаю уж, какими путями, но в один прекрасный день этот кусок дерева оказался в мастерской старого столяра.

Старика звали мастер Антонио, но весь свет именовал его «мастер Вишня», так как кончик его носа был подобен спелой вишне — вечно блестящий и сизо-красный.

Мастер Вишня страшно обрадовался, обнаружив полено, и, весело потирая руки, пробормотал:

— Этот кусок дерева попался мне довольно кстати.

Смастерю-ка я из него ножку для стола.

Сказано — сделано. Не мешкая, он взял острый топор, чтобы очистить кору и придать дереву форму ножки.

Но не успел он занести топор, как рука его так и повисла в воздухе — из полена послышался тонкий, умоляющий голосок:

— Не бейте меня!

Можете себе представить, какое сделалось лицо у доброго старого мастера Вишни.

Изумленный в высшей степени, он начал водить глазами по мастерской, чтобы узнать, откуда взялся этот голосок. Но в комнате никого не было.

Он заглянул под верстак — никого.

Посмотрел в шкаф, который обычно держал запертым, — никого.

Сунул голову в корзину с опилками и стружками — никого.

Наконец открыл ставню и поглядел на улицу — тоже никого.

Может быть... — Я все понял, — захихикал он и почесал под париком.

— Голосок мне просто померещился.

Значит, снова за работу!

И он опять взялся за топор и нанес превосходнейший удар по деревяшке.

— Ой, ты мне сделал больно! — завопил знакомый голосок.

Для мастера Вишни это было уже слишком. Глаза у него от страха полезли на лоб, рот раскрылся, язык свесился до подбородка, так что старик стал похож на одну из тех удивительных статуй, какими в старину украшали фонтаны.

Снова обретя дар речи, он начал рассуждать вслух, хотя еще заикался от страха:

— Кто же все-таки крикнул «ой»? Здесь ведь нет ни одной живой души.

Может ли быть, чтобы кусок дерева плакал и вопил, как ребенок?

Нет, никогда не поверю!

Это же самое обыкновенное полено, как две капли воды похожее на все другие поленья. Если бросить его в огонь, можно прекрасно сварить на нем добрый горшок бобов.

А если... кто-нибудь влез в полено, а?

Что ж, тем хуже для него.

Сейчас я ему покажу!

С этими словами он схватил несчастное полено обеими руками и начал безжалостно бить его об стену мастерской.

Затем он прислушался — не раздастся ли снова стон или вопль.

Он ждал две минуты — ни звука; он ждал пять минут — ни звука; десять минут — ни звука.

— Я понял, — сказал он наконец, сконфуженно ухмыльнулся и взъерошил свой парик.

Голосок, крикнувший «ой», мне действительно только померещился.

Значит, снова за работу!

А так как его испуг еще не совсем прошел, он, дабы не потерять бодрости духа, начал негромко напевать, как делал это обычно.

Отложив топор в сторону, он взял рубанок, чтобы гладко обстругать полено. Но только он начал водить рубанком взад-вперед по дереву, как снова услышал тот же голосок, который, захлебываясь от смеха, выговорил:

— Ах, перестань, пожалуйста!

Ты щекочешь меня по всему телу!

На этот раз мастер Вишня свалился как громом пораженный.

Когда он позже пришел в себя, то увидел, что все еще валяется на полу.

Лицо у него было перекошено, а сизо-красный кончик носа теперь от страха стал темно-синим.

2. МАСТЕР ВИШНЯ ДАРИТ КУСОК ДЕРЕВА СВОЕМУ ДРУГУ ДЖЕППЕТТО, КОТОРЫЙ ХОЧЕТ ВЫРЕЗАТЬ ИЗ НЕГО ЧУДЕСНЕЙШЕГО ДЕРЕВЯННОГО ЧЕЛОВЕЧКА, СПОСОБНОГО ПЛЯСАТЬ И ФЕХТОВАТЬ, А ТАКЖЕ КУВЫРКАТЬСЯ В ВОЗДУХЕ

В это мгновение раздался стук в дверь.

— Войдите, — с трудом выговорил столяр, но встать на ноги не смог.

В мастерскую вошел старый, но еще бодрый человек, по имени Джеppetто.

Дети из соседних домов, желая подразнить его, придумали ему прозвище Кукурузная лепешка — его желтый парик выглядел точнехонько, как кукурузная лепешка.

Джеppetто был очень вспыльчивый старичок.

Горе тому, кто назовет его Кукурузной лепешкой!

Он сразу приходил в такое бешенство, что никакая сила не могла его укротить.

— Добрый день, мастер Антонио, — сказал Джеppetто.

— Что вы подделываете на полу?

— Преподаю муравьям таблицу умножения.

— В добрый час!

— Что привело вас ко мне, дядюшка Джеppetто?

— Ноги!..

Знайте, мастер Антонио: я пришел сюда, чтобы просить вас об одном одолжении.

— С превеликим удовольствием, — ответил столяр и приподнялся с пола.

— Сегодня утром мне пришла в голову одна идея.

— Слушаю вас.

— Я подумал, что неплохо было бы вырезать такого отменного деревянного человечка.

Но это должен быть удивительный деревянный человечек: способный плясать, фехтовать и кувыркаться в воздухе.

С этим деревянным человечком я пошел бы по белу свету и зарабатывал бы себе на кусок хлеба и стаканчик винца.

Что вы на это скажете?

— Bravo, Кукурузная лепешка! — воскликнул тот самый голосок, который доносился неведь откуда.

Когда дядюшка Джеppetто услышал, что его обозвали Кукурузной лепешкой, он от гнева побагровел, как перец, и яростно закричал на столяра: — Как вы смеете меня оскорблять?

— Кто вас оскорбляет?

— Вы сказали мне «Кукурузная лепешка»!

— Это не я сказал.

— Так кто же, я сам?

Я заявляю, что это сказали вы!

— Нет!

— Да!

— Нет!

— Да!

Они горячились все больше, затем от слов перешли к делу, схватились, стали кусаться и царапаться.

Когда бой окончился, желтый парик Джеppetто был в руках мастера Антонио, а седой парик столяра — в зубах у Джеppetто.

— Отдай мне мой парик! — закричал мастер Антонио.

— А ты отдай мне мой, и мы заключим мир.

После того как старички обменялись париками, они пожали друг другу руки и поклялись быть добрыми друзьями на всю жизнь.

— Итак, дядюшка Джеппетто, — сказал столяр в знак примирения, — какую услугу я могу вам оказать?

— Не дадите ли вы мне дерева, чтобы я мог сделать деревянного человечка?

Мастер Антонио поспешно и не без удовольствия бросился к верстаку и достал тот самый кусок дерева, который нагнал на него такого страха.

Но, когда он передавал полено своему, другу, оно сильно рванулось, выскользнуло у него из рук и свалилось прямо на тощие ноги бедного Джеппетто.

— Ох!

Как вежливо вы преподносите людям свои подарки, мастер Антонио!

Вы меня, кажется, сделали калекой на всю жизнь.

— Клянусь вам, это не я!

— Значит, я?

— Виновато это дерево.

— Это я и сам знаю, но ведь вы уронили мне его на ноги.

— Я не ронял!

— Обманщик!

— Джеппетто, не оскорбляйте меня, иначе я назову вас Кукурузной лепешкой!

— Осел!

— Кукурузная лепешка!

— Корова!

— Кукурузная лепешка!

— Глупая обезьяна!

— Кукурузная лепешка!

Когда Джеппетто в третий раз услышал, что его обозвали Кукурузной лепешкой, он потерял последние крохи разума, бросился на столяра, и оба начали снова тузить друг друга.

После потасовки нос мастера Антонио имел на две царапины больше, а куртка его друга — на две пуговицы меньше.

Когда они таким образом свели свои счета, оба опять пожали друг другу руки и поклялись быть добрыми друзьями на всю жизнь.

Затем Джеппетто взял шальное полено под мышку и, прихрамывая, отправился домой.

3. ДЖЕППЕТТО, ВЕРНУВШИЕСЬ ДОМОЙ, СРАЗУ ЖЕ НАЧИНАЕТ ВЫРЕЗАТЬ ДЕРЕВЯННОГО ЧЕЛОВЕЧКА И ДАЕТ ЕМУ ИМЯ «ПИНОККИО». ПЕРВЫЕ ШАГИ ДЕРЕВЯННОГО ЧЕЛОВЕЧКА

Все жилище Джеппетто состояло из маленькой подвальной каморки; ее единственное окно выходило под лестницу.

Обстановка не могла быть скромнее: шатающийся стул, прохудившаяся кровать и старый колченогий стол.

У стены виднелся крохотный камин, в котором горел огонь.

Но огонь был нарисованный, висевший над ним котелок — тоже нарисованный; он весело кипел и выпускал целое облако пара, и все было в точности как настоящее.

Как только Джеппетто пришел домой, он без промедления взял свой инструмент и начал вырезать деревянного человечка.

«Какое имя я дам ему? — задумался Джеппетто.

— Назову-ка его Пиноккио.

Это имя принесет ему счастье.

Когда-то я знал целую семью Пинокки: отца звали Пиноккио, мать — Пиноккия, детей — Пинокки, и все чувствовали себя отлично.

Самый богатый из них кормился подаванием».

Найдя имя для своего деревянного человечка, он стал прилежно работать. Сначала он сделал ему волосы, потом лоб и наконец глаза.

Когда глаза были готовы, он заметил — представьте себе его удивление! — что они моргают и в упор глядят на него.

Уловив пристальный взгляд деревянных глаз, Джеппетто почувствовал себя не в своей тарелке и сказал с досадой:

— Глупые деревянные глаза, чего вы на меня вытаращились?

Но никто ему не ответил.

Покончив с глазами, он сделал нос. Как только нос был готов, он начал расти и рос и рос, пока за несколько минут не стал таким носищем, что просто конца-краю ему не было.

Бедный Джеппетто старался укоротить его, но, чем больше он его обрезал, отрезал и вырезал, тем длиннее становился нахальный нос.

Оставив нос в покое, он принялся за рот.

Рот был еще не вполне готов, а уже начал смеяться и корчить насмешливые рожи.

— Перестань смеяться! — сказал Джеппетто раздраженно. Но с таким же успехом он мог обратиться к стене.

— Я еще раз тебе говорю, перестань смеяться! — вскричал Джеппетто сердито.

Рот сразу же перестал смеяться, зато высунул длиннющий язык.

Джеппетто, не желая портить себе настроение, перестал обращать внимание на все эти странности и продолжал работать.

Вслед за ртом он сделал подбородок, затем шею, плечи, туловище и руки.

Как только руки были закончены, Джеппетто сразу же почувствовал, что кто-то стянул у него с головы парик.

Он взглянул вверх — и что же увидел?

Деревянный Человечек держал его желтый парик в руках.

— Пиноккио! Ты немедленно вернешь мне мой парик, или...

Вместо того чтобы вернуть парик старику, Пиноккио напялил его себе на голову, причем чуть не задохнулся под ним.

Бесстыдное и наглое поведение Пиноккио навело на Джеппетто такую грусть, какой он не испытывал за всю свою жизнь, и он сказал:

— Ты, безобразник, ты еще не совсем готов, а уже проявляешь неуважение к своему отцу.

Худо, дитя мое, очень худо!

И он вытер слезу.

Теперь следовало вырезать еще ноги.

И лишь только Джеппетто сделал их, как тотчас же получил пинок по носу.

«Я сам во всем виноват, — вздохнул он про себя.

— Надо было раньше все предвидеть, теперь уже слишком поздно».

Затем он взял Деревянного Человечка под мышки и поставил на землю, чтобы Пиноккио научился ходить.

Но у Пиноккио были еще совсем негнущиеся, неуклюжие ноги, и он еле двигался. Тогда Джеппетто взял его за руку и стал учить, как надо переступать ногами.

Ноги постепенно расходились. Пиноккио начал двигаться свободнее и через несколько минут уже самостоятельно ходил по комнате.

В конце концов он переступил порог, выскочил на середину улицы — и поминай как звали.

Бедный Джеппетто побежал следом, но не мог его догнать: этот плут Пиноккио делал прыжки не хуже зайца и так стучал при этом своими деревянными ногами по торцовой мостовой, как двадцать пар крестьянских деревянных башмаков.

— Держи его!

Держи! — кричал Джеппетто.

Однако прохожие при виде Деревянного Человечка, бегущего, как гончая собака, замирали, глазели на него и хохотали, так хохотали, что невозможно описать.

К счастью, появился полицейский. Он подумал, что не иначе как жеребенок убежал от своего хозяина. И он встал, мужественный и коренастый, посреди улицы, твердо решившись схватить лошадку и не допустить до беды.

Пиноккио уже издали заметил, что полицейский преградил ему путь, и хотел проскользнуть у него между ног. Но его постигла плачевная неудача.

Полицейский ловким движением ухватил Пиноккио за нос (а это был, как известно, необыкновенно длинный нос, будто для того только и созданный, чтобы полицейские за него хватались) и передал его в руки Джеппетто.

Старику не терпелось тут же на месте надрать Пиноккио уши в наказание за бегство.

Но представьте себе его изумление — он не мог обнаружить ни одного уха! Как вы думаете, почему? Да потому, что, увлекшись работой, он позабыл сделать Деревянному Человечку уши.

Пришлось взять Пиноккио за шиворот и таким порядком повести его обратно домой.

При этом Джеппетто твердил, угрожающе покачивая головой:

— Сейчас мы пойдем домой.

А когда мы будем дома, я с тобой рассчитаюсь, будь уверен!

Услышав эту угрозу, Пиноккио лег на землю — и ни с места.

Подошли любопытные и бездельники, и вскоре собралась целая толпа.

Все говорили разное.

— Бедный Деревянный Человечек, — сочувствовали одни.

— Он совершенно прав, что не хочет идти домой.

Этот злодей Джеппетто задаст ему перцу.

Другие, полные злобы, твердили: — Этот Джеппетто, хоть и выглядит порядочным человеком, на самом деле груб и безжалостен к детям.

Если мы отдадим ему бедного Деревянного Человечка, он его на куски изломает.

И они болтали и подзуживали друг друга до тех пор, пока полицейский не освободил Пиноккио, а вместо него арестовал бедного Джеппетто.

От неожиданности старик не сумел найти ни слова себе в оправдание, только заплакал и по дороге в тюрьму всхлипывал, приговаривая:

— Неблагодарный мальчишка!

А я-то старался сделать из тебя приличного Деревянного Человечка!

Но так мне и надо.

Следовало раньше все предвидеть!

То, что случилось потом, — совершенно невероятная история, которую я изложу вам в последующих главах.

4. ИСТОРИЯ ПИНОККИО И ГОВОРЯЩЕГО СВЕРЧКА, ИЗ КОТОРОЙ ВИДНО, ЧТО ЗЛЫЕ ДЕТИ НЕ ЛЮБЯТ, КОГДА ИМ ДЕЛАЕТ ЗАМЕЧАНИЕ КТО-НИБУДЬ, ЗНАЮЩИЙ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ОНИ САМИ

Итак, дети, скажу вам, что, в то время как Джеппетто был безвинно заключен в тюрьму, наглый мальчишка Пиноккио, избежав когтей полицейского, пустился напрямик через поле домой.

Он прыгал через холмы, густой терновник и канавы с водой, словно затравленный загонщиками дикий козел или заяц.

Дома он распахнул незапертую дверь, вошел, задвинул за собой щеколду и плюхнулся на пол с глубоким вздохом облегчения.

Но он недолго наслаждался спокойствием — вдруг ему послышалось, что в комнате кто-то пропищал:

— Кри-кри-кри...

— Кто меня зовет? — в ужасе спросил Пиноккио.

— Это я!

Пиноккио обернулся и увидел большого Сверчка, который медленно полз вверх по стене.

— Скажи мне. Сверчок, кто ты такой?

— Я Говорящий Сверчок и живу уже больше ста лет в этой комнате.

— Теперь это моя комната, — сказал Деревянный Человечек. — Будь любезен, отправляйся вон отсюда, желательно без оглядки!

— Я не уйду, — возразил Сверчок, — прежде чем не скажу тебе великую правду.

— Говори великую правду, только поскорее.

— Горе детям, которые восстают против своих родителей и покидают по неразумию своему отчий дом!

Плохо им будет на свете, и они рано или поздно горько пожалеют об этом.

— Верещи, верещи. Сверчок, если тебе это интересно!

Я, во всяком случае, знаю, что уже завтра на рассвете меня тут не будет.

Если я останусь, мне придется жить так же скучно, как всем другим детям: меня пошлют в школу, заставят учиться, хочу я этого или не хочу.

А между нами говоря, у меня нет ни малейшего желания учиться.

Гораздо приятнее бегать за мотыльками, лазать на деревья и воровать из гнезд птенцов.

— Бедный глупыш!

Разве ты не понимаешь, что таким образом ты превратишься в настоящего осла и никто тебя ни в грош не будет ставить?

— Заткни глотку, старый зловецкий Сверчок! — не на шутку рассердился Пиноккио.

Но Сверчок, преисполненный терпения и мудрости, не обиделся и продолжал:

— А если тебе не по нраву ходить в школу, то почему бы тебе не научиться какому-нибудь ремеслу и честно зарабатывать свой хлеб?

— Сказать тебе, почему? — ответил Пиноккио, понемногу теряя терпение.

— Потому что из всех ремесел на свете только одно мне действительно по душе.

— И что же это за ремесло?

— Есть, пить, спать, наслаждаться и с утра до вечера бродяжничать.

— Заметь себе, — сказал Говорящий Сверчок со свойственным ему спокойствием, — что все, занимающиеся этим ремеслом, всегда кончают жизнь в больнице или в тюрьме.

— Полегче, старый зловещий Сверчок... Если я рассержусь, тебе худо будет!

— Бедный Пиноккио, мне тебя вправду очень жаль!

— Почему тебе меня жаль?

— Потому что ты Деревянный Человечек и, хуже того, у тебя деревянная голова!

При последних словах Пиноккио вскочил, разъяренный, схватил с лавки деревянный молоток и швырнул его в Говорящего Сверчка.

Возможно, он не думал, что попадет в цель, но, к несчастью, попал Сверчку прямо в голову, и бедный Сверчок, успев только произнести напоследок «кри-кри-кри», остался висеть на стене как мертвый.

5. ПИНОККИО ЧУВСТВУЕТ ГОЛОД И, НАЙДЯ ЯЙЦО, ХОЧЕТ ИЗЖАРИТЬ СЕБЕ ЯИЧНИЦУ. НО В САМОЕ ПРЕКРАСНОЕ МГНОВЕНИЕ ЯИЧНИЦА УЛЕТАЕТ В ОКНО

Между тем наступила ночь, и Пиноккио, вспомнив, что ничего не ел, ощутил в желудке некое шебуршение, весьма похожее на аппетит.

Но у детей аппетит растет со страшной быстротой, и вот за несколько минут он превратился в голод, а голод в одно мгновение превратился в волчий голод, такой сильный, что его, право же, можно было пощупать руками.

Бедный Пиноккио стремительно бросился к камину, где кипел горшок, и хотел снять крышку, чтобы увидеть, что там варится. Но горшок был нарисован на стене.

Представьте себе, каково это показалось Пиноккио!

Его и без того длинный нос вытянулся по крайней мере еще на четыре пальца.

Он обежал всю комнату, обыскал все ящики и углы в надежде найти хлеба, хотя бы кусочек черствого хлеба, хотя бы хлебную корочку или обглоданную собачью кость, кусочек заплесневелой кукурузной лепешки, рыбью кость, вишневую косточку — короче говоря, хоть что-нибудь, что можно запихнуть себе в рот.

Но не нашел ничего, ну просто ничегошеньки.

А голод все рос, и рос, и рос, и Пиноккио не мог ничем облегчить свои страдания, кроме как зевотой. И он начал зевать так отчаянно, что его рот раздирало до ушей.

Наконец он совсем потерял мужество и, плача, сказал:

— Говорящий Сверчок был прав.

Некрасиво с моей стороны огорчать отца и убегать из дому... Если бы мой отец был дома, я не зевал бы тут до смерти.

Ах, какая ужасная болезнь голод!

Вдруг он заметил в куче мусора что-то такое кругленькое и беленькое, похожее на куриное яйцо.

В мгновение ока он очутился там и схватил этот предмет.

Действительно, то было яйцо.

Радость Деревянного Человечка невозможно описать.

Пиноккио казалось, что он грезит.

Он вертел и крутил яйцо в руках, гладил, целовал его и приговаривал:

— А как мне тебя приготовить?

Я испеку тебя... Нет, лучше сварю всмятку... А не лучше ли изжарить тебя на сковородке? Или, может быть, все-таки сварить наскоро, чтобы можно было выпить? Нет, быстрее всего — разбить в тарелку или сковородку. Я весь горю, так мне хочется скорее сожрать тебя!

Он поставил сковородку на жаровню с горящими углями, вместо масла налил немножко воды, а когда вода превратилась в пар, — трах! — разбил скорлупу и опрокинул яйцо на сковородку.

Но вместо белка и желтка из яйца выскочил живехонький и весьма учтивый цыпленок.

Он сделал изящный поклон и сказал:

— Тысячу благодарностей, синьор Пиноккио! Вы избавили меня от труда разбивать скорлупу.

До свидания, пламенный привет!

Сказав это, он расправил крылышки, вылетел через открытое окно и исчез.

Бедный Деревянный Человечек так и окаменел на месте с разинутым ртом и вытаращенными глазами, держа яичную скорлупу в руке.

Когда прошел первый испуг, он начал хныкать и плакать, топтать в отчаянии ногами и говорить сквозь слезы:

— Говорящий Сверчок был прав.

Если бы я не убежал из дому и если бы мой отец был теперь здесь, мне не пришлось бы «умирать с голоду.

Ах, какая поистине страшная болезнь голод!

И, так как в его желудке урчало все громче и он не знал, как смягчить свои страдания, он решил уйти из дому и бежать в ближайшую деревню, где какая-нибудь сострадательная душа, может быть, подаст ему кусок хлеба.

6. ПИНОККИО ЗАСЫПАЕТ, ПОЛОЖИВ НОГИ НА ЖАРОВНЮ С УГЛЯМИ, И УТРОМ ПРОСЫПАЕТСЯ БЕЗ НОГ

На дворе была ужасная зимняя ночь.

Гром оглушительно гремел, молнии догоняли одна другую, все небо было охвачено огнем.

Холодный, порывистый ветер свирепо завывал, вздымая огромные облака пыли и заставляя деревья на полях плакать и стонать.

Пиноккио очень боялся грома и молнии, но голод был сильнее страха.

Он прикрыл за собой дверь, взял подходящий разгон и за каких-нибудь сто прыжков очутился в деревне, правда, при этом он тяжело дышал и высунул язык, как добрая охотничья собака.

Деревня лежала темная и покинутая.

Лавки были закрыты, двери домов закрыты, окна закрыты.

На улицах не было даже собаки.

Все выглядело вымершим.

Пиноккио, голодный и отчаявшийся, подошел к одному дому, потянул за дверной колокольчик и позвонил, думая про себя:

«Авось кто-нибудь да выглянет».

Действительно, в окне показался старик в ночном колпаке.

Он сердито крикнул:

— Что вам тут нужно в этакую пору?

— Будьте так добры, подайте мне кусок хлеба.

— Подожди меня, я сейчас вернусь, — сказал старик. Он решил, что имеет дело с одним из тех забубенных бродяг, которые забавы ради ночью звонят в квартиры и отрывают честных людей от спокойного сна.

Через полминуты окно снова открылось, и старик крикнул:

— Становись под окно и подставь свою шляпу!

Пиноккио незамедлительно снял свой колпак. И тут на него обрушился поток воды, который промочил его насквозь от головы до пят, как горшок с засохшей геранью.

Мокрый, словно его только что вытащили из водосточной трубы, вернулся он домой, еле живой от усталости и холода.

Он сел и протянул свои продрогшие и грязные ноги над жаровней с раскаленными углями.

Так он уснул. И во сне его деревянные ноги загорелись, обуглились и, наконец, превратились в золу.

А Пиноккио спал и храпел так, словно это были не его ноги, а чужие.

Когда рассвело, он проснулся: кто-то стучал в дверь.

— Кто там? — спросил он, зевая, и начал продирать глаза.

— Я, — ответил голос.

Это был голос Джеppetто.

7. ДЖЕППЕТТО ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ. БЕДНЯГА ОТДАЕТ ПИНОККИО ВСЕ, ЧТО ПРИНЕС СЕБЕ НА ЗАВТРАК

Несчастный Пиноккио еще не совсем проснулся и поэтому не заметил, что его ноги сгорели.

Услышав голос отца, он без раздумий соскочил со стула, чтобы отодвинуть дверной засов. Но после двух-трех нетвердых шагов упал с размаху на пол.

И при падении произвел такой грохот, словно мешок с деревянными ложками, упавший с пятого этажа.

— Отвори! — крикнул Джеppetто с улицы.

— Отец, я не могу, — ответил, плача. Деревянный Человечек и стал кататься по полу.

— Почему не можешь?

— Потому что кто-то сожрал мои ноги.

— А кто их сожрал?

— Кошка, — сказал Пиноккио. Он как раз в эту минуту заметил, что кошка передними лапками тербит две стружки.

— Открой, говорю тебе, — повторил Джеppetто, — а не то, как войду, покажу тебе кошку!

— Но я вправду не могу стоять, поверьте мне.

Ах, я несчастный, несчастный!

Теперь я буду всю свою жизнь ползать на коленках!..

Джеppetто, предположив, что все эти вопли не более как очередная проделка Деревянного Человечка, решил положить ей конец, влез на стену и проник в комнату через окно.

Он приготовился было, не откладывая в долгий ящик, проучить наглеца, но, когда увидел своего Пиноккио, распростертого на полу и действительно безногого, жалость охватила его.

Он взял Пиноккио на руки, обнял его и облобызал тысячу раз. По его щекам в это время катились крупные слезы, и он сказал, всхлипывая:

— Мой Пиноккушка, как это ты ухитрился спалить себе ноги?

— Не знаю, отец. Но, клянусь вам, это была страшная ночь, которую я никогда в жизни не забуду.

Гремел гром, блистали молнии, а я так хотел есть, и Говорящий Сверчок сказал мне:

«Тебе будет плохо, и ты был злой и заслужил это». И тогда я сказал:

«Берегись, Сверчок!», и тогда он сказал:

«Ты Деревянный Человечек, и у тебя деревянная голова», и я бросил деревянный молоток в него и убил его, но он сам виноват, так как я не хотел его убить, потому что я поставил маленькую сковородку на раскаленные угли жаровни, но цыпленок выскочил и сказал:

«До свидания... Пламенный привет!»

И голод все рос, и поэтому старик в ночном колпаке высунулся в окно и сказал мне: «Становись под окно и подставь шляпу», и я с бадьей воды на голове (разве попросить кусок хлеба — позор, а?) сразу же вернулся домой, и, так как я все еще был ужасно голоден, я положил ноги на жаровню, чтобы их высушить. И тогда вы вернулись, и я увидел, что они сгорели, и ног у меня больше не стало, а голод все равно остался!

У-у-у-у!..

И бедный Пиноккио заплакал и завыл так громко, что было слышно за пять километров.

Джеppetто, который из всей этой бредовой речи понял только одно, а именно, что Деревянный Человечек погибает от голода, вытащил из кармана три груши, подал их Пиноккио и сказал:

— Эти три груши, собственно говоря, мой завтрак, но я охотно отдаю их тебе.

Съешь их на здоровье.

— Если вы хотите, чтобы я их съел, то очистите их, пожалуйста.

— Очистить? — спросил Джеppetто, пораженный.

— Я не предполагал, мой мальчик, что ты так изнежен и привередлив.

Нехорошо!

На этом свете нужно еще с детства привыкать есть все, что дают, так как неизвестно, что может случиться. А случиться может всяко!

— Допускаю, что вы правы, — прервал его Пиноккио, — но нечищенных фруктов я есть не стану.

Я не выношу кожуры!

Добросердечный Джеппетто вытащил ножик, с истинно ангельским терпением очистил все три груши и положил кожуру на край стола.

Пиноккио, сожрав в два счета первую грушу, хотел было выбросить сердцевину, но Джеппетто придержал его за руку и сказал:

— Не бросай.

На этом свете все может пригодиться.

— Неужели вы думаете, что я буду есть сердцевину?! — с ехидством змеи произнес Деревянный Человечек.

— Кто знает! Все возможно, — возразил Джеппетто без раздражения.

Так или иначе, но все три сердцевинки не полетели за окно, а были положены на край стола рядом с кожурой.

Пиноккио съел или, вернее, проглотил три груши, затем сладко зевнул и сказал плачущим голосом:

— Я еще не наелся!

— Но, мой мальчик, у меня ничего больше нет.

— Неужели ничего?

— У меня остались вот только кожура и сердцевина от груш.

— Ну что ж, — сказал Пиноккио, — если ничего больше нет, я, пожалуй, съем кусочек кожуры.

И он стал жевать. Сначала скривил губы, но затем в одно мгновение уничтожил всю кожуру, а вслед за ней — сердцевину.

Покончив с едой, он, довольный, погладил себя по животу и весело сказал: — Вот теперь я себя чувствую по-настоящему хорошо!

— Видишь, — заметил Джеппетто, — я был прав, когда сказал тебе, что нельзя быть таким привередой!

Мой милый, никогда нельзя знать, что с нами случится на этом свете. А случиться может всяко...

8. ДЖЕППЕТТО МАСТЕРИТ ПИНОККИО ПАРУ НОВЫХ НОГ И ПРОДАЕТ СОБСТВЕННУЮ КУРТКУ, ЧТОБЫ ПРИОБРЕСТИ ДЛЯ НЕГО БУКВАРЬ

Не успел Деревянный Человечек утихомирить свой голод, как уже начал стонать и плакать: ему захотелось заполучить новые ноги.

Однако Джеппетто решил наказать его за проделки и полдня никак не отзывался на его плач и стоны.

Наконец он сказал:

— С какой стати я буду делать тебе новые ноги?

Не для того ли, чтобы ты мог снова убежать из дому?

— Я обещаю вам, — сказал Деревянный Человечек, всхлипывая, что теперь я буду хороший.

— Так говорят все дети, когда им хочется что-нибудь выпросить, — возразил Джеппетто.

— Я обещаю пойти в школу и прилежно учиться.

— Все дети рассказывают такие сказки, когда им хочется что-нибудь выпросить.

— Но я не такой, как все дети!

Я гораздо лучше и всегда говорю правду.

Я обещаю вам, отец, что я научусь ремеслу и буду утешением и подспорьем в вашей старости.

Джеппетто сделал сердитое лицо, но его глаза были полны слез, а сердце полно жалости при виде бедного Пиноккио в таком плачевном состоянии.

Поэтому он ничего больше не сказал, а взял инструмент, два кусочка хорошо просушенного дерева и ревностно принялся за работу.

Менее чем через час ноги были готовы: две стройные, сухие, жилистые ноги. Настоящий художник не мог бы сделать лучше.

Затем Джеппетто сказал Деревянному Человечку: — Закрой глаза и спи!

И Пиноккио закрыл глаза и притворился спящим. И в то время, как он притворялся спящим, Джеппетто развел в яичной скорлупе немного столярного клея и аккуратно приклеил ему обе ноги, да так искусно, что нельзя было разобрать, в каком месте они склеены.

Как только Деревянный Человечек почувствовал, что у него снова есть ноги, он тут же вскочил со стола, где лежал до того, задрогал ногами и начал скакать и кувыркаться, словно обезумев от радости.

— В благодарность за все, что вы для меня сделали, — сказал Пиноккио, обращаясь к своему отцу, — я хочу немедленно идти в школу. — Прекрасно, мой мальчик! — Но, для того чтобы я мог идти в школу, меня надо как-нибудь одеть.

Джеппетто, который был беден и не имел ни одного чентезимо в кармане, смастерил для Пиноккио костюмчик из бумаги, пару ботинок из древесной коры и колпак из хлебного мякиша.

Пиноккио сразу же побежал к миске с водой, чтобы посмотретья в нее как в зеркало, и до того остался доволен своей внешностью, что воскликнул, гордый, как павлин:

— Я выгляжу, как настоящий синьор!

— Это правильно, — ответил Джеппетто, — но заметь себе: не красивая одежда делает синьора, а чистая.

— Однако, — проговорил Деревянный Человечек, — я все еще не могу идти в школу, так как мне не хватает одной вещи, причем самой главной.

— А именно?

— У меня нет букваря.

— Ты прав.

Но как нам достать букварь?

— Это довольно просто: надо пойти и купить.

— А деньги?

— У меня их нет.

— У меня тоже, — возразил старик сокрушенно.

Даже Пиноккио, бывший до сих пор довольно легкомысленным парнем, пригорюнился, ибо, когда горе является настоящим горем, оно понятно всем, даже детям.

— Эх, была не была! — вдруг воскликнул Джеппетто и вскочил с места.

Затем он напялил на себя свою старую, порванную и всю перештопанную бархатную куртку и быстро вышел из дому.

Вскоре он вернулся, держа в руках букварь для сына, но куртки на нем уже не было.

Бедный старик вернулся в одной рубашке — а на улице шел снег.

— А куртка, отец?

— Я ее продал.

— Почему вы ее продали?

— Потому что мне жарко.

Пиноккио сразу же понял, в чем дело, и, не в силах сдержать свое буйное доброе сердце, бросился к старику на шею и обцеловал ему все лицо.

9. ПИНОККИО ПРОДАЕТ БУКВАРЬ, ЧТОБЫ ПОГЛЯДЕТЬ НА КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР

Как только перестал идти снег, Пиноккио взял новый букварь под мышку и пошел в школу.

По дороге в его маленькой головке проносились тысячи различных мыслишек, и в уме он строил тысячи воздушных замков, один прекраснее другого.

Он говорил себе:

— Сегодня в школе я научусь читать, завтра — писать, а послезавтра — считать.

Потом я, при моей ловкости, заработаю много денег и на эти самолично заработанные деньги перво-наперво куплю красивую суконную куртку своему отцу.

Да что там суконную!

Для него я раздобуду куртку целиком из золота и серебра и с пуговицами из самоцветных камней.

Добряк поистине заслужил это, он ведь теперь бегаёт в одной рубашке, и все для того, чтобы я имел книжки и мог учиться... В этакый холод!

Есть жертвы, на которые способны только отцы!

В то время как он говорил так трогательно, ему послышались издали звуки флейт и барабанов: «Тю-тю-тю, тю-тю-тю, бум-бум-бум! Бум!»

Он остановился и прислушался.

Звуки доносились оттуда, где терялась вдалеке длинная предлинная дорога, которая вела к маленькой деревеньке на берегу моря.

— Что это за музыка?

Жаль, что мне нужно идти в школу, а то бы...

В одно мгновение у него все перевернулось в голове.

Надо было решать: школа или музыка.

— Сегодня я пойду к музыке, а завтра в школу.

Школа никуда не убежит, — решил наконец наш мошенник и пожал плечами.

Сказано — сделано.

Он свернул на желанную дорогу и пустился по ней со всех ног.

Чем дальше он бежал, тем явственнее слышал звуки флейт и барабанов: «Тю-тю-тю, тю-тю-тю, бум-бум-бум! Бум!»

Вскоре он очутился на площади, переполненной народом, толпящимся перед большим деревянным балаганом с пестрым полотняным занавесом.

— Что это за балаган? — спросил Пиноккио у маленького деревенского мальчика.

— Читай, что написано на афише, и ты узнаешь!

— Я бы это сделал с удовольствием, но как раз сегодня я не умею читать.

— Браво, осел!

В таком случае, я тебе прочитаю.

Так вот, на афише написано огненно-красными буквами: БОЛЬШОЙ КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР — И давно уже началось представление?

— Оно как раз начинается.

— И сколько надо платить за вход?

— Четыре сольдо.

Пиноккио, пылавший от любопытства, позабыл про всякие приличия. Он бесстыдно спросил у маленького мальчика:

— Не дашь ли ты мне до завтра четыре сольдо?

— Я бы это сделал с удовольствием, — ответил тот насмешливо, — но как раз сегодня я не могу.

— За четыре сольдо я продам тебе свою курточку, — сказал Деревянный Человечек.

— А зачем мне нужна курточка из пестрой бумаги? Стоит ей попасть под дождь, и я ее больше не увижу.

— Может быть, ты купишь мои ботинки?

— Они очень хороши для растопки плиты.

— Что ты мне дашь за колпак?

— Это была бы удачная покупка!

Колпак из хлебного мякиша!

Мыши съедят его у меня на голове.

Куда денешься? Пиноккио прикусил язык.

Он хотел было сделать последнее предложение, но ему не хватало мужества.

Он колебался, медлил, вертелся туда-сюда.

В конце концов он сказал:

— Дашь мне четыре сольдо за новый букварь?

— Я мальчик и не покупаю у других мальчиков, — ответил его маленький собеседник, оказавшийся гораздо более рассудительным, чем Пиноккио.

— Беру букварь за четыре сольдо! — крикнул некий старьевщик, слышавший весь разговор.

И в мгновение ока книга была продана.

Вспомните, что дома в это время бедный Джеппетто в одной рубашке дрожал от холода, ибо променял свою куртку на букварь.

10. КУКЛЫ УЗНАЮТ СВОЕГО БРАТЦА ПИНОККИО И УСТРАИВАЮТ ЕМУ ГРАНДИОЗНУЮ ВСТРЕЧУ. НО В САМЫЙ ТОРЖЕСТВЕННЫЙ МОМЕНТ ПОЯВЛЯЕТСЯ ХОЗЯИН ТЕАТРА МАНДЖАФОКО, И ПИНОККИО ПОДВЕРГАЕТСЯ СТРАШНОЙ ОПАСНОСТИ

Приход Пиноккио в кукольный театр вызвал чуть ли не революцию.

Занавес был поднят, представление уже началось.

На сцене находились Арлекин и Пульчинелла, они ссорились и бранились и, как обычно, каждую минуту обещали друг другу парочку оплеух или порцию тумачков.

Зрители корчились от смеха, глядя на кукол, которые бранились на разные голоса так правдоподобно, словно они действительно были двумя разумными существами — людьми нашего мира. Вдруг Арлекин прерывает представление, обращается к публике, простирает руку в глубину зрительного зала и кричит трагическим голосом:

— О силы неба!

Я бодрствую или вижу сновидение?

И все-таки там, позади, Пиноккио!

— Верно, Пиноккио! — восклицает Пульчинелла.

— Да, это он! — восклицает синьора Розаура, высунув голову из-за кулис.

— Пиноккио!

Пиноккио! — кричат все куклы и вприпрыжку выбегают на сцену.

— Пиноккио!

Наш братец Пиноккио!

Да здравствует Пиноккио!

— Пиноккио, поднимись ко мне! — кричит Арлекин.

— Иди сюда и пади в объятия к своим деревянным братьям!

После этого сердечного приглашения Пиноккио делает скачок, который переносит его с задних рядов к самой сцене.

Еще один скачок — он оказывается на голове у дирижера и оттуда прыгает на сцену.

Нельзя себе даже представить, сколько объятий, дружеских тумачков и щелчков получил Пиноккио в доказательство искреннего и нерушимого братства актеров и актрис деревянной труппы.

Это был несомненно волнующий спектакль, но зрители в зале потеряли терпение, им хотелось видеть продолжение комедии, и они стали кричать:

— Давайте комедию! Давайте комедию!

Они могли бы поберечь свои голоса, так как куклы даже и не собирались продолжать представление, а, наоборот, заорали и загалдели вдвое громче, подняли Пиноккио на плечи и с триумфом поднесли к передней рампе.

Но тут появился кукольник — хозяин балагана, огромный уродливый господин, один вид которого нагонял ужас.

У него была растрепанная борода, черная, как чернильная клякса, и до того длинная, что доставала до земли, и он на ходу наступал на нее ногами.

Рот у него был широкий, как печка, а глаза напоминали два красных стеклянных фонаря с горящими свечками внутри.

В руках он держал толстенный кнут, сплетенный из змей и лисьих хвостов.

При внезапном появлении хозяина театра все онемело. Никто не смел громко вздохнуть.

Можно было услышать, как муха летит.

Бедные куклы задрожали, как осиновые листья.

— Ты почему творишь беспорядок в моем театре? — спросил хозяин кукольного театра, обращаясь к Пиноккио хриплым голосом сильно простуженного людоеда.

— Верьте мне, ваша светлость, я в этом не виновен.

— Ладно, пока довольно!

Сегодня вечером мы с тобой рассчитаемся.

После представления хозяин пошел на кухню и стал готовить себе на ужин доброго барашка. Он долго и тщательно обжаривал его на вертеле.

Но, для того чтобы мясо стало поджаристым и хрустящим, не хватило дров, и тогда он позвал Арлекина и Пульчинеллу и приказал им:

— Давайте-ка сюда Пиноккио, который висит там на гвозде!

Полагаю, что Деревянный Человечек сделан из хорошего сухого дерева и обеспечит прекрасное пламя для моего жаркого.

Арлекин и Пульчинелла заколебались было, но не смогли преодолеть страх под свирепым взглядом хозяина.

Они пошли исполнять приказание и вскоре вернулись на кухню вместе с беднягой Пиноккио, который извивался, как выброшенный на песок угорь, и в отчаянии кричал:

— Отец, спасите меня!

Не хочу умирать, не хочу умирать!

11. МАНДЖАФОКО НАЧИНАЕТ ЧИХАТЬ И ПРОЩАЕТ ПИНОККИО, КОТОРЫЙ ЗАТЕМ СПАСАЕТ ОТ СМЕРТИ СВОЕГО ДРУГА АРЛЕКИНА

Хозяин кукольного театра Манджафоко (ибо так его звали) был страшен на вид — особенно страшной казалась растрепанная черная борода, покрывавшая, как щит, его грудь и ноги, — но, по сути дела, он был неплохим парнем.

Когда к нему принесли несчастного Пиноккио, который отчаянно барахтался и кричал «не хочу умирать», он пожалел его.

Некоторое время он боролся с чувством сострадания, но затем сдался и начал громко чихать.

Как только послышалось это чиханье. Арлекин, до той поры стоявший в полном унынии и сторбившись, как плакучая ива, весь просиял, наклонился к Пиноккио и прошептал ему на ухо:

— Добрые вести, братец!

Хозяин зачихал, а это значит, что он пожалел тебя и ты теперь спасен.

Следует сказать, что, в то время как другие люди, жалея кого-нибудь, плачут или трут себе глаза, Манджафоко всякий раз, испытывая чувство жалости, начинал чихать.

Это был его способ показать другим свое доброе сердце.

Начихавшись вдоволь, хозяин театра обратился к Пиноккио по-прежнему грубо:

— Перестань ныть!

От твоего нытья у меня начинает болеть живот... Так колет, что я почти... почти... Апчхи! Апчхи!

— И он снова дважды чихнул.

— На здоровье, — сказал Пиноккио.

— Спасибо.

Твои родители еще живы? — осведомился Манджафоко.

— Отец жив.

Мать я никогда не знал.

— Как огорчился бы твой отец, если бы я бросил тебя на раскаленные угли!

Бедный старик, мне его очень жаль!..

Апчхи!

Апчхи!

— И он чихнул еще три раза.

— На здоровье, — сказал Пиноккио.

— Спасибо.

Впрочем, я тоже достоин жалости.

Ты же видишь, что у меня нет дров, чтобы поджарить баранину, и ты — скажу тебе по правде — очень пригодился бы мне. Но я пожалел тебя.

Ну что ж!

В таком случае, я вместо тебя сожгу кого-нибудь из моей труппы.

Эй, полицейские!

По этой команде незамедлительно появились два длинных-предлинных, тощих-претощих деревянных полицейских с обнаженными саблями в руках.

И хозяин театра приказал им грубым голосом:

— Хватайте Арлекина, свяжите его хорошенько и бросьте в огонь.

Мой барашек должен быть поджаристым и хрустящим.

Представьте себе самочувствие бедного Арлекина!

Он так испугался, что ноги у него подкосились, и он грохнулся на пол.

Пиноккио, увидев эту душераздирающую сцену, упал хозяину в ноги, горько заплакал, залил слезами всю его длинную бороду и взмолился:

— Пощадите, синьор Манджафоко!

— Тут нет никаких синьоров, — ответил хозяин кукольного театра сурово.

— Пощадите, синьор кавалер!

— Тут нет никаких кавалеров. — Пощадите, синьор командор! — Тут нет никаких командоров.

— Пощадите, ваше превосходительство!

Услышав, что его титулуют «превосходительством», хозяин театра просиял и сразу же стал гораздо добрее и сговорчивее. Он сказал, обращаясь к Пиноккио:

— Ну, чего ты там просишь?

— Милости для бедного Арлекина.

— Тут милость неуместна.

Раз я пощадил тебя, я должен бросить в огонь его, так как я хочу, чтобы мой барашек хорошо прожарился.

— В таком случае, — воскликнул Пиноккио с достоинством, высоко подняв голову и отшвырнув прочь свой колпак из хлебного мякиша, — в таком случае, я знаю, что мне делать.

Вперед, синьоры полицейские!

Вяжите меня и бросайте в пламя.

Я не могу допустить, чтобы бедный Арлекин, мой добрый друг, умер вместо меня!

Эти громкие и героические слова растрогали всех присутствующих кукол.

Даже полицейские, хотя они тоже были из дерева, заплакали, как два молочных ягненка.

Манджафоко минуту оставался твердым и неумолимым, но потом его тоже постепенно одолела

жалость, и он начал чихать.

Чихнув четыре или пять раз, он распростер свои объятия и сказал:

— Ты превосходный парень!

Иди сюда и поцелуй меня.

Пиноккио поспешно бросился к нему, взобрался, как белка, по его бороде и запечатлел сердечнейший поцелуй на кончике его носа.

— Значит, я помилован? — спросил бедный Арлекин таким тихим голосом, что его еле было слышно.

— Ты помилован, — ответил Манджафоко. Потом он добавил, вздыхая и качая головой: Да будет так!

Сегодня я, ладно уж, съем недожаренного барашка. Но в другой раз худо будет, если нечто подобное случится!

Когда куклы услышали о помиловании, они все выбежали на сцену, зажгли, словно для праздничного представления, лампы и светильники и начали плясать и прыгать. И они плясали до восхода солнца.

12. КУКОЛЬНИК МАНДЖАФОКО ДАРИТ ПИНОККИО ПЯТЬ ЗОЛОТЫХ МОНЕТ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ ПАПАШИ ДЖЕППЕТТО, НО ПИНОККИО ПОДДАЕТСЯ УГОВОРАМ ЛИСЫ И КОТА И УХОДИТ С НИМИ

На следующий день Манджафоко отозвал Пиноккио в сторонку и спросил: — Как зовут твоего отца?

— Джеппетто.

— Его профессия?

— Бедность.

— И много он зарабатывает?

— Как раз столько, чтобы не иметь ни единого чентезимо в кармане.

Достаточно сказать, что он снял с себя последнюю куртку, чтобы купить мне школьный букварь. Куртка, вся в бахроме и заплатках, была совсем изношенная.

— Горемыка, я ему почти сочувствую!

Вот тебе пять золотых.

Отнеси ему их немедленно и передай от меня дружеский привет.

Пиноккио, ясное дело, тысячекратно поблагодарил кукольника, обнял по очереди всех кукол труппы, включая полицейских, и, счастливый-пресчастливый, отправился домой.

Не пройдя, однако, и километра, он повстречал на улице Лису, хромую на одну ногу, и Кота, слепого на оба глаза. При ходьбе они помогали друг другу, как добрые товарищи.

Слепой Кот служил опорой для хромой Лисы, а хромая Лиса служила слепому Коту поводырем.

— Добрый день, Пиноккио, — сказала Лиса и вежливо поклонилась.

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — спросил Пиноккио.

— Я хорошо знаю твоего отца.

— Где ты его видела?

— Я его видела вчера, он стоял возле своего дома.

— А что он делал?

— Он был в одной рубашке и дрожал от холода.

— Бедный отец!

Ничего, отныне он, слава богу, не будет больше дрожать от холода.

— Почему?

— Потому что я стал важной персоной.

— Ты — важной персоной? — насмешливо переспросила Лиса и громко захихикала.

Ухмыльнулся и Кот. А для того, чтобы это осталось незамеченным, он передней лапой погладил усы.

— Тут нечего смеяться! — рассердился Пиноккио.

— Мне жаль, что вам придется издохнуть от зависти, но вот здесь, если вы что-нибудь смыслите в этих делах, пять великолепных золотых монет.

И он вынул монеты, подаренные ему хозяином кукольного театра.

Услышав сладостный звон золота. Лиса невольным движением выпрямила свою искривленную ногу, а Кот вытаращил оба глаза, которые блеснули, как зеленые огни. Но он тут же закрыл их, так что Пиноккио ровно ничего не заметил.

— А что ты собираешься делать с этими монетами? — спросила Лиса.

— Прежде всего, — ответил Деревянный Человечек, — я куплю своему отцу красивую новую куртку, желательно из золота и серебра, с пуговицами из самоцветных камней. А затем букварь.

— Тебе — букварь?

— Да, мне.

Дело в том, что я хочу пойти в школу и прилежно учиться.

— Посмотри на меня! — сказала Лиса.

— Глупое учение стоило мне одной ноги.

— Погляди на меня! — сказал Кот.

— Глупое учение стоило мне обоих глаз.

В это мгновение сидевший на дереве у края дороги белый дрозд пропел свою обычную песенку и сказал:

— Пиноккио, не слушай, что тебе говорят эти отвратительные подонки, а то заплачешься!

Бедный дрозд!

Лучше бы он промолчал!

Кот сделал гигантский прыжок, схватил его и проглотил одним махом вместе с кожей и перьями, так что дрозд даже не успел произнести «ой».

Сожрав дрозда и облизнувшись. Кот опять закрыл глаза, представляясь слепым, как и раньше.

— Бедный дрозд! — сказал Пиноккио Коту — Почему ты так плохо с ним обошелся?

— Чтобы преподать ему полезный урок.

Он будет знать в следующий раз, что не надо вмешиваться в разговор посторонних.

Они уже прошли полдороги, как вдруг Лиса остановилась и повернулась к Деревянному Человечку:

— Ты хочешь, чтобы у тебя стало вдвое больше золотых монет?

— Что?

— Ты хочешь из пяти несчастных цехинов сделать сто, тысячу, две тысячи?

— Еще бы! Но как?

— Очень просто.

Не ходи домой, а иди с нами, вот и все.

— А куда вы меня поведете?

— В страну Болванию.

Пиноккио с минуту подумал, потом сказал решительно:

— Нет, не пойду.

Я уже близко от дома и пойду домой, где меня ждет отец.

Бедный старик, наверное, страшно беспокоился обо мне вчера, когда я не вернулся домой.

К сожалению, я был непослушным ребенком, и Говорящий Сверчок был, ей-богу, прав, когда сказал: «Непослушным детям худо будет на этом свете!»

Я это испытал на собственной шкуре, так как пережил много бед.

Вот и вчера вечером в доме у Манджафоко я был на краю гибели... Бр-р!..

Меня и сейчас пробирает дрожь, когда я думаю об этом!

— Значит, — сказала Лиса, — ты действительно решил пойти домой? Ну что ж, иди, тем хуже для тебя!

— Тем хуже для тебя! — повторил Кот.

— Обдумай все хорошенько, Пиноккио, ибо ты топчешь свое собственное счастье ногами.

— Ногами! — повторил Кот.

— Твои пять цехинов могли бы превратиться не сегодня-завтра в две тысячи.

— В две тысячи! — повторил Кот.

— Но каким же образом? — спросил Пиноккио и от удивления широко разинул рот.

— Могу тебе это объяснить, — ответила Лиса — Ты, вероятно, знаешь о том, что в стране Болвании имеется некое поле, которое повсюду зовется «Волшебным Полем».

Ты выкапываешь на этом поле небольшую ямку и кладешь в нее, к примеру, один золотой цехин.

Затем засыпаешь ямку землей, поливаешь ее двумя ведрами колодезной воды, посыпаешь щепоткой

соли, а вечером спокойно ложишься в постель.

Ночью цехин прорастает и цветет, а когда ты на следующий день, после восхода солнца, приходишь на поле, — что же ты там находишь? Красивое дерево, усыпанное бесчисленными цехинами, словно тяжелый колос в июле — зернами.

— Значит, — все больше удивлялся Пиноккио, — если я на том поле закопаю мои пять цехинов, сколько же я найду наутро?

— Расчет довольно простой, — ответила Лиса, — ты можешь сосчитать по пальцам.

Скажем, каждый цехин превращается в кучу из пятисот цехинов: значит, умножь пятьсот на пять, и получается, что на следующее утро ты положишь себе в карман две тысячи пятьсот звенящих, блестящих, новешеньких цехинов.

— Ой, как замечательно! — вскричал Пиноккио и от радости завертелся на одной ноге.

— Когда я соберу эти цехины, я оставлю две тысячи себе, а остальные пятьсот подарю вам.

— Подарить нам! — возмущенно воскликнула Лиса и заключила очень обиженно: — Сохрани тебя бог от этого.

— ...бог от этого! — повторил Кот.

— Мы, — продолжала Лиса свою речь, — не трудимся презренной прибыли ради.

Мы трудимся исключительно для того, чтобы обогащать других.

— ...других! — повторил Кот.

«О, какие честные господа!» — подумал Пиноккио.

И в одно мгновение он забыл о своем отце, о новой куртке, о букваре, обо всех своих добрых намерениях и сказал Лисе и Коту:

— Пошли скорее!

Я с вами.

13. ТАВЕРНА «КРАСНОГО РАКА»

Они шли, шли и шли и к самому вечеру дошли наконец до таверны «Красного Рака».

— Завернем сюда, — предложила Лиса, — чего-нибудь перекусим и отдохнем часок-другой.

В полночь мы снова двинемся в путь и на рассвете будем уже на Волшебном Поле.

Они вошли в таверну, и сели все трое за один стол.

Но аппетита ни у кого не было.

Бедный Кот, страдавший тяжелым расстройством желудка, смог съесть всего-навсего тридцать пять рыбок-краснобородок в томатном соусе и четыре порции требухи с сыром пармезан.

А так как требуха показалась ему неважно приготовленной, он велел принести себе три порции масла и тертого сыра.

Лиса тоже с удовольствием поела бы чего-нибудь.

Но так как врач прописал ей строжайшую диету, то она вынуждена была ограничиться нежным и

хорошо прожаренным зайцем, а в качестве легкой закуски — парой откормленных кур и парой совсем молодых петушков.

На закуску для аппетита она заказала еще рагу из куропаток, тетерок, кроликов, лягушек, ящериц и винограда.

И больше ей ничего не хотелось.

Еда, сказала она, до того ей противна, что она не может на нее смотреть.

Пиноккио — тот ел меньше всех.

Он заказал пол-ореха, кусочек хлеба, да и к этому не прикоснулся.

Бедному малому, поглощенному мечтой о Волшебном Поле, казалось, что он сыт золотыми монетами.

После того как все поужинали, Лиса сказала хозяину таверны:

— Дайте нам две хорошие комнаты — одну для синьора Пиноккио, другую для меня и моего друга.

Перед дальнейшим походом мы хотим немножко вздремнуть.

Но имейте в виду, что в полночь нас нужно разбудить, так как нам необходимо продолжить свое путешествие.

— К вашим услугам, синьоры, — сказал хозяин и лукаво подмигнул Лисе и Коту, что должно было означать:

«Порядок, мы понимаем друг друга».

Не успел Пиноккио лечь в постель, как тут же уснул и увидел сон.

Во сне он стоял посреди поля, и поле было засажено деревцами, а деревца были сплошь увешаны гроздьями золотых цехинов, которые на ветру стлкнувались и звенели: «Динь-дилинь, динь-дилинь, динь-дилинь», словно говоря:

«Рвите нас, рвите!»

Но как раз в то прекрасное мгновение, когда он протянул руку, чтобы набрать полную горсть этих прекрасных монет, его внезапно разбудили три громких удара в дверь.

То был хозяин, который сообщил, что пробило полночь.

— Мои спутники уже готовы? — спросил Деревянный Человечек.

— Еще как готовы!

Они ушли два часа назад.

— Что за спешка?

— Кот получил известие, что его старшенький котенок обморозил себе лапки и находится в смертельной опасности.

— А уплатили они за ужин?

— Что вы говорите!

Они слишком воспитанные персоны, чтобы в отношении вашего благородия допустить такую бестактность.

— Жаль!

Такая бестактность никак не оскорбила бы меня, — произнес Пиноккио и почесал у себя за ухом.

Потом он спросил: — А мои добрые друзья сказали, где они меня будут ждать?

— На Волшебном Поле, завтра утром на восходе солнца.

Пиноккио уплатил один цехин за ужин, съеденный им и его спутниками, и покинул трактир.

Он продолжал путь, можно сказать, на ощупь, так как кругом царил мрак, такой мрак, что невозможно было разглядеть собственную руку.

Ни шороха вокруг.

Только какие-то большие птицы то и дело перелетали через дорогу от плетня к плетню и своими крыльями задевали Пиноккио за нос.

Он в ужасе отшатывался назад и кричал:

«Кто там?», и эхо окружающих холмов повторяло вдали:

«Кто там, кто там, кто там...»

Вскоре он увидел на пне крошечное насекомое, светившееся бледным, печальным светом, как маленький фитилек в прозрачной фарфоровой лампе.

— Кто ты такой? — спросил Пиноккио.

— Я тень Говорящего Сверчка, — ответило маленькое создание беззвучным голоском, доносившимся словно с того света.

— Чего ты хочешь от меня? — спросил Деревянный Человечек.

— Хочу тебе дать совет.

Возвратись и отнеси четыре цехина, еще оставшиеся у тебя, твоему горемыке отцу, который все время плачет и убивается, не зная, где ты пропадаешь.

— Завтра мой отец будет важным синьором, ибо эти четыре цехина превратятся в две тысячи!

— Не доверяйся, мой мальчик, тем, кто обещает сделать тебя богатым по мановению руки.

Они, как правило, или сумасшедшие, или мошенники.

Послушайся меня и вернись!

— Но я хочу идти дальше.

— Ведь теперь поздняя ночь!..

— Я пойду дальше!

— Ночь темна... — А я пойду дальше!

— Путь опасен... — Я дальше пойду!

— Заметь себе, что те дети, которые делают все по-своему, рано или поздно горько жалеют об этом.

— Опять та же старая песня!

Спокойной ночи, Сверчок.

— Спокойной ночи, Пиноккио. Да хранит тебя небо от бед и грабителей!

Сказав эти последние слова. Говорящий Сверчок внезапно погас, как свеча, на которую подули.

И дорога стала еще темнее, чем прежде.

14. ПИНОККИО ПОПАДАЕТ В РУКИ ГРАБИТЕЛЕЙ, ПОТОМУ ЧТО ОН НЕ ПОСЛЕДОВАЛ ДОБРОМУ СОВЕТУ ГОВОРЯЩЕГО СВЕРЧКА

Так уж устроен мир, — размышлял Деревянный Человечек, продолжая свой путь, — что нам, бедным детям, приходится нелегко.

Все нас бранят, все нас предупреждают и подают нам добрые советы.

Дай только волю — и каждый обязательно полезет к тебе в друзья и наставники. Все, включая Говорящих Сверчков.

Вот и теперь: так как я не послушался глупого Сверчка, я должен, видите ли, натерпеться бог знает каких несчастий.

Даже грабителей я, видите ли, должен встретить!

К счастью, грабители лишь для того придуманы отцами, чтобы нагонять страх на детей, которые хотят ночью выйти на улицу.

А если бы я даже и повстречал грабителей здесь, на дороге, разве я испугался бы?

Да ни в жизнь!

Я стал бы перед ними и крикнул:

«Синьоры грабители, чего вы от меня хотите?»

Имейте в виду, со мной шутки плохи!

Поэтому отстаньте, и притом без долгих рассуждений».

После такого серьезного разговора бедные грабители, полагаю, пустятся отсюда во весь дух.

А ежели они, паче чаяния, поведут себя непристойно и не захотят убираться подобру-поздорову, тогда я сам дам стрекача и тем самым исчерпаю вопрос».

Пиноккио не успел додумать мысль до конца, как услышал позади себя легкое шуршание листьев.

Он обернулся и увидел в темноте две страшные, укутанные в угольные мешки фигуры, которые следовали за ним на цыпочках, бесшумно, точно привидения.

«Это и есть грабители!» — подумал он и, не зная, куда спрятать четыре цехина, сунул их себе в рот, под язык.

После этого он попытался бежать, но, сделав один шаг, почувствовал, что его схватили, и услышал два жутких глухих голоса:

— Деньги или жизнь!

Так как Пиноккио не мог ничего ответить — ведь у него во рту были золотые монеты, — он начал делать знаки и корчить гримасы, долженствующие убедить обоих замаскированных, у которых лишь глаза сверкали из дырок в мешках, что он всего только бедный Деревянный Человечек и в карманах у него нет даже фальшивого чентезимо.

— Ладно, ладно! Без разговоров! Деньги на бочку! — закричали оба разбойника угрожающе.

Деревянный Человечек замахал головой и руками, что должно было означать: у меня нет денег!

— Деньги на бочку или прощайся с жизнью! — сказал грабитель ростом побольше.

— ...с жизнью! — повторил другой.

— И, когда мы тебя убьем, мы ужокошим и твоего отца!

— ...и твоего отца.

— Нет, нет, нет, не убивайте моего бедного отца! — в отчаянии воскликнул Пиноккио. И при этом монеты звякнули у него во рту.

— Ах ты подлец!

Ты спрятал деньги во рту!

Выплюнь их немедленно!

Пиноккио упрямо промолчал.

— Ты притворяешься глухим?

Подожди, мы тебя заставим выплюнуть!

И вправду, один из них схватил Пиноккио за кончик носа, другой — за подбородок, и они нажимали и тянули изо всех сил, чтобы заставить его открыть рот.

Но все было напрасно.

Рот Деревянного Человечка казался заклепанным и зашитым.

Тогда меньший из грабителей выхватил огромный нож и попытался вставить его в виде долота меж зубов Пиноккио.

Но Пиноккио с молниеносной быстротой ухватил его за руку зубами, откусил ее напрочь и выплюнул.

И представьте себе его изумление, когда он заметил, что вместо руки выплюнул на землю кошачью лапу!

Ободренный своей первой победой, он начал биться и царапаться, затем рванулся из рук грабителей, перепрыгнул через изгородь и побежал через поле.

А грабители бросились за ним, как собаки за зайцем.

Пробежав добрых пятнадцать километров, Пиноккио совсем выбился из сил.

Он уже потерял надежду на спасение, но тут увидел высокую сосну, вскарабкался на нее и уселся на верхних ветках.

Грабители тоже попытались влезть на дерево, но, добравшись до середины, сорвались вниз, грохнулись оземь и разбили себе до крови руки и ноги.

Но они не сдавались.

Сложив под деревом огромную кучу хвороста, они подожгли ее.

В одно мгновение сосна загорелась и вспыхнула подобно факелу, раздуваемому ветром.

Пиноккио смотрел, как пламя поднималось все выше, и, не желая окончить свою жизнь жареным фазаном, он сделал великолепный прыжок с вершины дерева вниз и снова бросился бежать по полям и виноградникам. А грабители — следом за ним.

Тем временем наступил рассвет, а они все еще преследовали его. Вдруг Деревянному Человечку преградил путь широкий и глубокий ров, полный грязной, кофейного цвета воды.

Что делать?

— Раз, два, три! — крикнул Пиноккио, разогнался и перепрыгнул на другой берег.

Грабители прыгнули вслед за ним, но не рассчитали и ухнули в воду.

Пиноккио, услышав звук падения и всплеск воды, весело крикнул на бегу:

— С легким паром, синьоры грабители!

Он предположил было, что они утонули, но, обернувшись, опять увидел своих преследователей, по-прежнему закутанных в мешки. С обоих ручьями текла вода.

15. ГРАБИТЕЛИ ПРЕСЛЕДУЮТ ПИНОККИО И, ПОЙМАВ ЕГО, ВЕШАЮТ НА ВЕТКЕ БОЛЬШОГО ДУБА

Деревянный Человечек совсем пал духом. Он готов был уже броситься на землю и признать себя побежденным, но в это время увидел вдалеке сквозь темную зелень деревьев белоснежный домик.

«Если у меня хватит сил добежать до этого дома, я, пожалуй, спасен», — сказал себе Пиноккио.

И, не теряя ни минуты, он побежал дальше лесом. А грабители по-прежнему за ним.

После отчаянного двухчасового бега он очутился, почти бездыханный, перед дверью домика и постучал.

Никто не ответил.

Он постучал громче, так как до него уже долетало пыхтение преследователей.

Никто не отозвался.

Убедившись, что стучать бесполезно, он в отчаянии изо всех сил заколотил головой и ногами в дверь.

Тут в окне появилась красивая девочка.

У нее были волосы цвета лазурнейшей голубизны.

— Ах, Красивая Девочка с лазурными волосами, — взмолился Пиноккио, — открой мне, пожалуйста!

Пожалей бедного мальчика, которого преследуют гра...

Однако он не смог договорить, так как был схвачен за шиворот, и два знакомых жутких голоса угрожающе произнесли:

— Теперь ты от нас не уйдешь!

Пиноккио обратил умоляющий взгляд к окну, но Девочка с лазурными волосами исчезла, словно ее и не было. Увидев смерть перед глазами. Деревянный Человечек так сильно задрожал, что суставы на его деревянных ногах застучали, а четыре цехина, спрятанные под языком, громко зазвенели.

— Ну! — вскричали грабители. — Откроешь ты теперь рот?

Ага, ты не отвечаешь!..

Подожди, на этот раз мы его тебе откроем!

И они выхватили два огромных, острых, как бритва, ножа и с размаху вонзили их Пиноккио в бок.

Но, к счастью. Деревянный Человечек был сработан из наилучшего твердого дерева.

Ножи разлетелись на тысячу кусков, в руках у грабителей остались одни только рукоятки, и оба глупо вытаращили глаза друг на друга.

— Мне все ясно, — сказал один, — надо его повесить.

Итак, мы его повесим!

— Мы его повесим! — повторил другой.

И вот они потащили его в лес, связали ему руки на спине, накинули петлю на шею и привязали веревку к ветке высокого дерева, которое было известно в окрестностях под названием «Большой Дуб».

Затем они уселись на травку и стали ждать, покуда Деревянный Человечек перестанет трепыхаться.

Но и спустя три часа глаза у Пиноккио все еще были открыты, а рот закрыт, и он трепыхался еще больше, чем прежде.

Наконец грабителям надоело ждать, они поднялись и с насмешкой сказали Пиноккио:

— Итак, до завтра!

Когда мы завтра вернемся, ты уже сделаешь нам такое одолжение и будешь хорошенький, мертвенький, и ротик у тебя будет очень-очень широко открыт.

И они ушли.

Вскоре поднялся ураганный северный ветер.

И от яростных порывов его бедный повешенный раскачивался, будто церковный колокол во время праздничного трезвона.

И эта тряска и качка причиняли ему величайшие муки, а петля все туже сжимала горло и прерывала дыхание.

В глазах у него все больше темнело.

И хотя он чувствовал приближение смерти, однако не терял надежды, что какая-нибудь добрая душа пройдет мимо и поможет ему.

Но, видя, что никто, никто не появляется, он подумал о своем отце и, совсем уже кончаясь, прошептал:

«Ах, отец мой!..

Если бы ты был здесь...»

Больше он ничего не сказал.

Он закрыл глаза, открыл рот, вытянул ноги и повис неподвижно.

16. КРАСИВАЯ ДЕВОЧКА С ЛАЗУРНЫМИ ВОЛОСАМИ ВЕЛИТ СНЯТЬ ДЕРЕВЯННОГО

ЧЕЛОВЕЧКА С ДЕРЕВА, КЛАДЕТ ЕГО В ПОСТЕЛЬ И ЗОВЕТ ТРЕХ ВРАЧЕЙ, ЧТОБЫ УЗНАТЬ, ЖИВ ОН ИЛИ МЕРТВ

В то время как бедный Пиноккио, повешенный разбойниками на ветке Большого Дуба, был ближе к смерти, чем к жизни.

Красивая Девочка с лазурными волосами снова появилась в окне.

При виде несчастного Деревянного Человечка, раскачивающегося под порывами северного ветра, она почувствовала к нему глубокую жалость и три раза хлопнула в ладоши.

По этому знаку послышался громкий шум крыльев, и большой Сокол стремительно опустился на подоконник.

— Что прикажете, прелестная Фея? — спросил Сокол и склонил свой клюв в знак уважения (а надо сказать, что Девочка с лазурными волосами была не кто иная, как добрая фея, жившая здесь, на опушке леса, уже больше тысячи лет).

— Ты видишь Деревянного Человечка, висящего на ветке Большого Дуба?

— Вижу.

— Хорошо.

Лети туда скорей, освободи его своим могучим клювом от петли и положи осторожно на траву под Дубом.

Сокол взлетел. Через две минуты он вернулся и сказал:

— Все сделано, как вы повелели.

— И каким он тебе показался?

Живым или мертвым?

— Он смахивает на мертвого, но не может быть, чтобы он был совершенно мертв, потому что, когда я освободил его от петли, сжимавшей ему шею, он застонал и пробормотал чуть слышно:

«Теперь мне лучше».

Фея дважды ударила в ладоши, и появился великолепный пудель.

Он шел в точности как человек — на двух ногах.

Этот пудель был одет в праздничную кучерскую ливрею, а на голове он носил маленькую, обшитую золотом треуголку и белый парик с локонами, падавшими по самые плечи.

Кроме того, на нем был шоколадного цвета сюртук с бриллиантовыми пуговицами и двумя большими карманами (в них он прятал кости, получаемые за столом от госпожи), короткие штаны из алого бархата, шелковые чулки, открытые туфельки, а сзади нечто похожее на чехол из лазурного атласа (в нем он укрывал свой хвост во время дождя).

— Слушай внимательно, Медоро, — обратилась Фея к пуделю.

— Вели немедленно запрягать лучшую мою карету и поезжай в лес.

Под Большим Дубом ты найдешь в траве несчастного полумертвого Деревянного Человечка.

Подними его тихонько, положи осторожно на подушки и привези ко мне. Ты понял?

В знак того, что он понял, пудель вильнул раза четыре лазурным атласным чехлом, прикрепленным сзади, и исчез, как молния.

Вскоре из конюшни выехала красивая маленькая голубая карета, вся обитая перьями канареек, а внутри уставленная банками со взбитыми сливками и вареньем, трубочками с кремом и коржиками.

Маленькую карету тащили сто упряжек белых мышей, а пудель на козлах щелкал бичом направо и налево, словно заправский кучер.

Не прошло и пятнадцати минут, как карета вернулась, и Фея, ждавшая на крыльце, взяла бедного Деревянного Человечка на руки, внесла его в комнату с перламутровыми стенами и приказала немедленно позвать самых знаменитых во всем околотке врачей.

И врачи приехали тотчас же, один за другим: Ворон, Сыч и Говорящий Сверчок.

— Я хотела бы узнать ваше мнение, синьоры, — сказала Фея, обращаясь к трем врачам, обступившим постель Пиноккио.

— Я хотела бы узнать ваше мнение, жив или мертв этот горемычный Деревянный Человечек.

В ответ на ее просьбу первым вышел вперед Ворон. Он пощупал у Пиноккио пульс, нос, а затем мизинец на ноге.

И, когда он все это весьма тщательно ощупал, он произнес важным голосом следующие слова:

— По моему мнению. Деревянный Человечек мертв. Однако, если бы он, по несчастному стечению обстоятельств, оказался не вполне мертв, это было бы несомненным признаком того, что он еще жив.

— Весьма сожалею, — сказал Сыч, — что не могу согласиться с моим высокочтимым другом и собратом Вороном, но, по моему мнению.

Деревянный Человечек еще жив. Однако, если бы он, по несчастному стечению обстоятельств, оказался неживым, это было бы несомненным признаком того, что он фактически мертв.

— А вы молчите? — обратилась Фея к Говорящему Сверчку.

— Я того мнения, что умный врач, который не знает, что сказать, должен лучше молчать.

Впрочем, этот Деревянный Человечек мне знаком.

Я его знаю уже давно.

Пиноккио, лежавший до сих пор неподвижно, как настоящий кусок дерева, вдруг начал судорожно дрожать, отчего вся кровать пришла в движение.

— Этот Деревянный Человечек, — продолжал Говорящий Сверчок, — продувной негодяй...

Пиноккио открыл глаза и сразу же закрыл их.

— ...мошенник, бездельник, бродяга...

Пиноккио натянул простыню себе на голову.

— ...этот Деревянный Человечек — непослушный мальчишка, который загонит в гроб своего бедного обездоленного отца!

В комнате послышались сдерживаемые всхлипывания и рыдания.

Представьте себе удивление всех присутствующих, когда они приподняли простыню и увидели, что это плачет и рыдает не кто иной, как Пиноккио!

— Когда мертвый плачет — это признак того, что он находится на пути к выздоровлению, — торжественно произнес Ворон.

— Я, к великому сожалению, вынужден не согласиться с моим достопочтенным другом и собратом, — возразил Сыч, — ибо, когда мертвый плачет, это, по моему мнению, признак того, что он не желает умирать.

17. ПИНОККИО ОХОТНО ЕСТ САХАР, НО НЕ ЖЕЛАЕТ ПРИНЯТЬ СЛАБИТЕЛЬНОЕ. ОДНАКО ПОЗДНЕЕ, УВИДЕВ ПРИШЕДШИХ ЗА НИМ ГРОБОВЩИКОВ, ОН ГЛОТАЕТ СЛАБИТЕЛЬНОЕ. ОН ВРЕТ, И ЕГО НОС В НАКАЗАНИЕ СТАНОВИТСЯ ДЛИННЕЕ

Когда врачи ушли, Фея приблизилась к Пиноккио, положила ему руку на лоб и почувствовала, что у больного сильный жар.

Она высыпала белый порошок в стакан воды, подала Деревянному Человечку и нежно сказала:

— Выпей это, и через несколько дней ты будешь здоров.

Пиноккио взглянул на стакан, скривился и жалобно спросил: — Оно сладкое или горькое?

— Горькое, но для тебя оно полезно.

— Раз оно горькое, я не буду пить.

— Сделай то, что я говорю, выпей.

— Но горькое я не выношу!

— Выпей. И, когда выпьешь, получишь кусочек сахара, чтобы снова стало вкусно во рту.

— Где этот кусочек сахара?

— Вот, — ответила Фея и достала кусочек сахара из золотой сахарницы.

— Сначала дайте мне кусочек сахара, а потом я выпью горькое.

— Ты мне обещаешь?

— Да.

Фея дала ему сахар. Пиноккио в одно мгновение раскусил и проглотил его, облизал языком губы и сказал:

— Ну и вкусно же! Если бы сахар был еще и лекарством!..

Я бы каждый день принимал слабительное!

— Теперь исполни свое обещание и выпей маленький глоток, который тебя вылечит.

Пиноккио неохотно взял стакан, сунул туда кончик носа, потом подержал стакан возле рта, снова сунул туда нос и наконец сказал:

— Это для меня слишком горько, чересчур горько.

Я не могу это выпить.

— Как ты можешь так говорить, если даже не попробовал?

— Я могу себе вообразить.

Я же нюхал.

Сначала я хотел бы еще кусочек сахара... тогда я выпью.

Фея с терпением хорошей матери сунула ему в рот еще кусочек сахара. И затем снова подала стакан.

— Я не могу это выпить, — сказал Деревянный Человечек, корча тысячу гримас.

— Почему?

— Потому что подушка на ногах мешает мне.

Фея убрала подушку.

— Это не помогает.

Я все еще не могу пить.

— Что тебе еще мешает?

— Дверь, которая наполовину открыта.

Фея подошла к двери и затворила ее.

— Нет, — вскричал Пиноккио и зарыдал, — я не хочу глотать горькое лекарство, нет, нет, нет!

— Мой мальчик, ты пожалеешь об этом.

— Мне все равно!

— Ты болен очень серьезно.

— Мне все равно!

— С такой лихорадкой ты не проживешь более двух часов.

— Мне все равно!

— Ты разве не боишься смерти?

— Чтоб я чего-нибудь боялся!..

Лучше умереть, чем глотать такое ужасное лекарство!

В это мгновение дверь в комнату широко распахнулась, и в комнату вошли четыре кролика, черные, как чернила. На плечах они несли маленький гробик.

— Чего вы от меня хотите?! — вскричал Пиноккио и от страха подскочил на кровати.

— Мы пришли за тобой, — ответил самый рослый кролик.

— За мной?..

Но ведь я совсем не мертвый!

— Еще не мертвый. Но ты будешь мертв через несколько минут, потому что не хочешь выпить лекарство, которое излечит тебя от лихорадки.

— Ах, Фея, милая Фея! — возопил Деревянный Человечек. — Дайте мне скорее стакан!

Но только скорее, пожалуйста, потому что я не хочу умирать.

Нет, я не хочу умирать!

И он схватил обеими руками стакан и опорожнил его единым духом.

— Что ж, — проговорили кролики, — на сей раз мы зря прогулялись.

И они снова подняли на плечи маленький гроб и, сердито ворча, покинули комнату.

А Пиноккио через несколько минут спрыгнул с кровати здоровый и бодрый. Видите ли. Деревянные Человечки имеют то преимущество, что они очень редко болеют и очень быстро выздоравливают.

И, когда Фея увидела, что он бегаёт и прыгает по комнате, словно петушок, она сказала:

— Значит, лекарство тебе помогло?

— Ещё как!

Оно спасло мне жизнь.

— Почему же ты так долго заставлял себя упрашивать?

— Потому что мы, дети, всегда такие. Мы больше боимся лекарства, чем болезни.

— Стыдитесь!

Дети должны знать, что хорошее лекарство, принятое вовремя, может их спасти от тяжелой болезни и даже от смерти.

— О да! В другой раз я не буду упрямяться так долго.

Я буду всегда вспоминать черных кроликов с гробом на плечах... и тогда я сразу схвачу стакан — раз, два, — и готово!

— Теперь подойди ко мне и расскажи, каким образом ты попал в руки грабителей.

— Случилось так, что хозяин кукольного театра Манджафоко дал мне несколько золотых монет и сказал при этом: «Вот, отнеси своему папаше», а вместо этого я встретил на улице Лису и Кота, двух достопочтенных господ, и они мне сказали:

«Хочешь, чтобы из этих пяти золотых монет стало две тысячи?»

В таком случае, иди с нами, мы приведем тебя на Волшебное Поле», и я сказал:

«Пошли», и они сказали:

«Остановимся в таверне „Красного Рака“, а после полуночи пойдем дальше».

И, когда я проснулся, их уже не было, потому что они ушли.

И я пошел один, ночью, и было так темно, что нельзя описать, и поэтому я встретил на дороге двух грабителей в угольных мешках, и они мне сказали:

«Давай деньги», а я сказал:

«У меня нет денег», потому что я эти четыре золотые монеты сунул себе в рот, и потом один из грабителей попробовал сунуть мне руку в рот, и я одним махом откусил ему руку и выплюнул ее, но я выплюнул не руку, а кошачью лапу, и грабители побежали за мной, и я побежал, пока они меня не поймали и не повесили за шею на дерево в лесу со словами:

«Завтра мы вернемся, и тогда ты будешь мертвый, и у тебя будет открыт рот, и мы заберем четыре монеты, которые ты спрятал под языком».

— А где у тебя теперь эти золотые монеты?

— Я их потерял, — ответил Пиноккио. Но это была ложь, так как они лежали у него в кармане.

Не успел он соврать, как его нос, и без того длинный, стал еще на два пальца длиннее.

— А где ты их потерял?

— Где-то в лесу.

После этой второй лжи нос еще немного удлинился.

— Если ты потерял их в лесу, — сказала Фея, — то мы их поищем и найдем, потому что все, что теряют у нас в лесу, обязательно находится.

— Ага, теперь я все вспоминаю точно, — произнес Деревянный Человечек сконфуженно, — монеты я не потерял, я их нечаянно проглотил, когда принимал ваше лекарство.

После этой третьей лжи его нос стал до того длинный, что бедный Пиноккио уже не мог повернуть головы.

Стоило ему повернуться в одну сторону, как он упирался носом в кровать или в окно, в другую — натыкался на стены или на дверь; стоило ему поднять голову, как он чуть не попал носом Фее в глаз.

А Фея смотрела на него и смеялась.

— Почему вы смеетесь? — спросил Деревянный Человечек, страшно расстроенный и напуганный непомерным ростом своего носа.

— Я смеюсь потому, что ты соврал.

— Откуда вы знаете, что я соврал?

— Мой милый мальчик, вранье узнают сразу.

Собственно говоря, бывает два вранья: у одного короткие ноги, у другого — длинный нос.

Твое вранье — с длинным носом.

Пиноккио не знал, куда ему деваться от стыда, и попытался убежать из комнаты. Но это ему не удалось. Его нос стал таким длинным, что не мог пролезть в дверь.

18. ПИНОККИО СНОВА ВСТРЕЧАЕТ ЛИСУ И КОТА И ОТПРАВЛЯЕТСЯ С НИМИ, ЧТОБЫ ПОСЕЯТЬ ЧЕТЫРЕ МОНЕТЫ НА ВОЛШЕБНОМ ПОЛЕ

Можете быть уверены, что Фея добрых полчаса не обращала никакого внимания на стенания и вопли Пиноккио.

Она хотела преподать ему серьезный урок и отучить его от отвратительнейшего порока — вранья, самого отвратительного из всех пороков, какой только может быть у мальчика.

Но, когда она увидела, что он от отчаяния вне себя и что глаза его буквально лезут на лоб, она все-таки пожалела его. Она хлопнула в ладоши, и по этому знаку в комнату влетела тысяча птиц.

То были сплошь дятлы. Они уселись на нос Пиноккио и так долго и прилежно стучали по нему, что огромный и бесформенный нос уже через несколько минут стал таким же, как прежде.

— Вы так добры, милая Фея, — сказал Деревянный Человечек и вытер глаза, — и я вас так люблю!

— Я тебя тоже люблю, — ответила Фея, — и, если хочешь, останься у меня, ты будешь моим братцем, а я — твоей доброй сестрицей.

— Я бы охотно остался... но что будет с моим бедным отцом?

— Я уже подумала об этом.

Твоему отцу послано сообщение. До наступления ночи он будет здесь.

— Правда? — воскликнул Пиноккио и от радости перекувырнулся в воздухе.

— В таком случае, я хотел бы его встретить, если позволите, милая Фея.

Мне хочется как можно скорее увидеть его и обнять. Я принес ему немало горя.

— Иди, но смотри не заблудись.

Отправляйся через лес, и ты обязательно встретишь его.

Пиноккио выбежал из дому и, достигнув леса, принялся скакать, как молодой козел.

Но, когда он добрался до Большого Дуба, он остановился — ему показалось, что он слышит в чаще чьи-то голоса.

И действительно, он увидел, что кто-то вышел на дорогу.

Угадайте, кто? Лиса и Кот, его попутчики, те самые, с которыми он ужинал в таверне «Красного Рака».

— Это же наш любимый Пиноккио! — вскричала Лиса, обнимая и целуя его.

— Как ты сюда попал?

— Длинная история, — сказал Деревянный Человечек.

— Я вам все расскажу при случае.

Коротко говоря, в ту самую ночь, когда вы меня оставили одного в гостинице, я повстречал на дороге грабителей.

— Грабителей?..

Ах, бедняжка!

И чего они хотели от тебя?

— Они хотели заграбастать мои золотые монеты.

— О, негодяи! — воскликнула Лиса.

— Негодяи, — повторил Кот.

— Но я убежал, — продолжал Деревянный Человечек, — а они — за мной, пока не догнали и не повесили меня на ветке вот этого дуба.

И Пиноккио показал на Большой Дуб, стоявший перед ними.

— Возможно ли услышать нечто более прискорбное? — сказала Лиса.

— В каком жестоком мире осуждены мы жить!

Где можем мы, люди чести, найти надежное убежище?

В то время как они разговаривали, Пиноккио заметил, что Кот припадает на правую переднюю ногу — ему доставало всей лапы вместе с когтями.

Пиноккио спросил у Кота: — Что случилось с твоей лапой?

Кот хотел что-то ответить, но замялся. Лиса быстро сказала:

— Мой друг слишком скромн и поэтому не отвечает.

Я отвечу за него.

Дело в том, что с час назад мы встретили на дороге дряхлого волка, буквально падавшего от голода. Он попросил у нас милостыню.

А у нас, как назло, не было даже рыбной косточки для него. И что же сделал мой друг, в груди которого бьется поистине геройское сердце?

Он откусил свою переднюю лапу и бросил ее бедному зверю, чтобы тот мог успокоить свой голод.

И Лиса, говоря это, смахнула слезу.

Пиноккио был тоже весьма тронут. Он подошел к Коту и прошептал ему на ухо:

— Если бы все кошки были такие, как ты, можно было бы позавидовать мышам!

— А что ты подельываешь в этих краях? — спросила Лиса у Деревянного Человечка.

— Я жду своего отца. Он должен появиться с минуты на минуту.

— А твои золотые монеты?

— Они у меня по-прежнему в кармане, все, кроме одной, оставленной в таверне «Красного Рака».

— А между тем уже завтра эти четыре монеты могли бы превратиться в тысячу или даже две тысячи!

Почему бы тебе не послушаться моего совета?

Почему не посеять их на Волшебном Поле?

— Сегодня это невозможно.

Пойду туда в другой раз.

— В другой раз будет слишком поздно, — заметила Лиса.

— Почему?

— Потому что один высокопоставленный синьор купил это поле и с завтрашнего дня никто не имеет права сеять там деньги.

— А далеко отсюда до Волшебного Поля?

— Меньше двух километров.

Хочешь пойти с нами?

Через полчаса ты будешь там.

Быстренько посеешь свои четыре монеты, несколько минут спустя снимешь урожай в две тысячи и сегодня же вечером опять вернешься сюда с полными карманами.

Ну что, пошли?

Пиноккио медлил с ответом, так как подумал о доброй Фее, о старом Джеппетто и о предупреждении Говорящего Сверчка.

Но потом он поступил так, как поступают все неразумные и бессердечные дети — кивнул головой и сказал Лисе и Коту:

— Пошли!

Я с вами!

И они тронулись в путь.

Они шли полдня и добрались до города, который назывался Дураколовка.

Когда они вошли в город, Пиноккио увидел на улице множество облезших собак, зевавших от голода; стриженных овец, дрожавших от холода; кур и петухов без гребешков и бородок, выпрашивавших кукурузные зернышки; больших мотыльков, не умевших летать, так как они продали свои разноцветные крылышки; павлинов, лишенных хвоста и готовых от стыда провалиться сквозь землю, и фазанов, тихо и стыдливо семенивших туда и обратно и оплакивавших свои блестящие золотые перья, навсегда заложенные в ломбарде.

Мимо всех этих попрошаек и стыдливых нищих то и дело проезжали барские кареты, в которых сидели или Лиса, или Сорока-воровка, или какая-нибудь хищная птица.

— А где находится Волшебное Поле? — спросил Пиноккио.

— В нескольких шагах отсюда.

Они миновали город и остановились на пустынном поле возле городских стен. Поле, в общем, ничем не отличалось от всех других полей.

— Мы пришли, — сказала Лиса.

— Теперь нагнись, выкопай руками маленькую ямку и положи туда свои золотые монеты.

Пиноккио сделал, как ему велели: он вырыл ямку, положил туда свои четыре монеты и прикрыл ямку горстью земли.

— А теперь, — продолжала Лиса, — ступай к канаве, зачерпни ведро воды и полей засеянную землю.

Пиноккио пошел к канаве, за неимением ведра снял ботинок, зачерпнул воды и вылил ее на то место, где закопал монеты.

Потом спросил:

— Что мне еще нужно делать?

— Ничего, — ответила Лиса, — можешь отправляться.

Через двадцать минут вернись сюда. Ты тут найдешь деревце с монетами.

Бедный Деревянный Человечек был сам не свой от радости, тысячу раз благодарил Лису и Кота и пообещал, что преподнесет им замечательный подарок.

— Нам не нужны подарки, — возразили оба злодея.

— Довольно с нас того, что мы тебя научили, каким путем разбогатеть без труда, и это нас глубоко радует.

Затем они попрощались с Пиноккио, пожелали ему богатого урожая и пошли своей дорогой.

19. ПИНОККИО ЛИШАЕТСЯ СВОИХ ЗОЛОТЫХ МОНЕТ И В НАКАЗАНИЕ ПОЛУЧАЕТ ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА ТЮРЬМЫ

Вернувшись в город, Деревянный Человечек стал считать минуты, одну за другой, и, наконец решив, что время пришло, отправился опять к Волшебному Полю.

Он очень торопился, и сердце его громко стучало: тик-так, тик-так, как стенные часы, которые сильно спешат. Он думал:

«А если я найду на ветках дерева не тысячу, а две тысячи монет?

А если я найду не две тысячи, а пять тысяч? А если я найду не пять тысяч, а сто тысяч?

Ах, каким великолепным синьором я стану тогда! Я смогу тогда обзавестись прекрасным палаццо, конюшней с тысячей деревянных лошадок, погребком с желтым и красным ликером и библиотекой, в которой на полках будут стоять только засахаренные фрукты, торты, пряники, миндальные пироги и сливочные вафли».

В таких сладостных мечтаниях прошел весь путь.

Наконец Пиноккио приблизился к полю и остановился, чтобы поглядеть, где оно, это дерево, ветки которого увешаны монетами, но он ничего не обнаружил.

Он приблизился еще на сто шагов.

Ничего.

Он вступил на поле и наконец очутился возле той ямки, куда закопал свои цехины.

Ничего.

Тогда он задумался, позабыл приличные манеры, о которых пишут в книгах, вынул руку из кармана и крепко почесал затылок.

В это мгновение до его ушей донесся громкий смех, и, обернувшись, он увидел большого попугая, который чистил свои жидкие перья.

— Почему ты смеешься? — сердито спросил Пиноккио.

— Я смеюсь потому, что, когда я чистил свои перья, я щекотнул себя под крылом.

Деревянный Человечек ничего не ответил на это, пошел к канаве, набрал ботинок воды и вылил ее на землю в том месте, где были закопаны золотые монеты.

Тут он опять услышал среди безмолвия полей смех, притом еще более вызывающий, чем раньше.

— Нельзя ли наконец узнать, — рассвирепел Пиноккио, — что означает твой бесстыдный попугайский смех?

— Я смеюсь над дураками, которые верят во всякую чушь и даются в обман пройдохам.

— Не намекаешь ли ты на меня?

— Да, на тебя, бедный Пиноккио. Ты до того непроходимо глуп, что веришь, будто деньги можно сеять, как бобы или тыквы, а потом собирать урожай.

Я тоже когда-то верил в нечто подобное и теперь раскаиваюсь в этом.

Теперь я убедился, к сожалению слишком поздно, что для честного заработка нужно трудиться собственными руками и думать собственной головой.

— Я не понимаю, о чем ты толкуешь, — сказал Деревянный Человечек. Однако его уже начало трясти от страха.

— Ну что ж, тогда я скажу яснее, — продолжал попугай.

— Когда ты был в городе. Лиса и Кот вернулись сюда, на поле, выкопали золотые монеты и унеслись с быстротой ветра.

Разве их теперь догонишь? Ищи-свищи.

Пиноккио слушал с открытым ртом и, все еще не в силах поверить словам попугая, стал ногтями раскапывать землю, которую только что поливал.

Он рыл и рыл и наконец вырыл такую глубокую яму, что в ней мог бы поместиться целиком большой стог сена.

Но от золотых монет не осталось и следа.

Тогда его охватило отчаяние, он побежал обратно в город и, не медля ни минуты, отправился в суд заявить судье о двух мошенниках, обокравших его.

Судьей была большая и дряхлая обезьяна, горилла, которая имела весьма почтенный вид благодаря своей старости, белой бороде, а главное — золотым очкам.

Правда, они были без стекол, но обезьяна никак не могла без них обойтись, так как у нее ослабело зрение.

Пиноккио рассказал судье со всеми подробностями о том, как его обманули, сообщил имена и прозвища, а также особые приметы грабителей и в заключение воззвал к справедливости.

Судья слушал его с глубоким доброжелательством и величайшим участием, выглядел очень взволнованным и растроганным, и, когда Деревянный Человечек высказал все, судья протянул руку и позвонил в настольный колокольчик.

На звон моментально явились две собаки в полицейской форме.

Судья показал пальцем на Пиноккио и сказал им:

— У бедняги украли четыре золотые монеты.

Стало быть, вяжите его и немедленно посадите в тюрьму.

Деревянный Человечек, услышав этот неожиданный приговор, возмутился и хотел написать заявление. Но полицейские, не теряя времени, заткнули ему рот и сунули его в яму.

Четыре месяца просидел в тюрьме Пиноккио, и это были длинные месяцы.

Он сидел бы еще дольше, если бы в это время не произошло одно счастливое событие.

Молодой король, правивший Болванией, одержал большую победу над врагами и в связи с этим устроил публичные празднества, иллюминацию, фейерверк, конные состязания и велосипедные гонки. Кроме того, в знак великой радости были открыты двери всех тюрем и освобождены все преступники.

— Раз всех выпускают, то надо и меня выпустить, — сказал Пиноккио тюремному смотрителю.

— Вас нет, — ответил смотритель, — вы не относитесь к числу амнистированных.

— Прошу прощения, — возразил Пиноккио, — я ведь тоже преступник!

— В таком случае, вы тысячу раз правы, — извинился смотритель, почтительно снял фуражку, открыл ворота тюрьмы и выпустил Пиноккио на свободу.

20. ВЫПУЩЕННЫЙ ИЗ ТЮРЬМЫ, ПИНОККИО ХОЧЕТ ВЕРНУТЬСЯ В ДОМ ФЕИ. НО ПО ДОРОГЕ ОН ВСТРЕЧАЕТ СТРАШНУЮ ЗМЕЮ, А ЗАТЕМ ПОПАДАЕТ В КАПКАН

Представьте себе радость Пиноккио, когда он очутился на воле!

Не теряя ни минуты, он повернулся к городу спиной и пустился по дороге к домику Феи.

Стояла дождливая погода, и дорога превратилась в настоящее болото. Ноги в нем вязли по колени, но Деревянный Человечек не обращал на это никакого внимания.

Гонимый единственным желанием поскорее увидеть отца и сестрицу с лазурными волосами, он делал прыжки не хуже гончей собаки, так что грязь взметалась выше головы.

Он думал: «Сколько неприятностей я испытал!..

И я их заслужил, потому что я упрямый, вспыльчивый деревянный человек... Всегда я стараюсь сделать все по-своему и не слушаюсь тех, кто меня любит и кто в тысячу раз умнее меня... Но я обязуюсь с этой минуты быть хорошим и послушным.

Я убедился, что невоспитанные дети всегда попадают впросак и ничего путного у них не получается.

А что, если мой отец ждет меня?

Если я его встречу в доме Феи? Горемыка!

Я его так давно не видел, что прямо-таки испытываю потребность обнять его и поцеловать... А простит ли мне Фея все, что я натворил?..

Ведь я столько видел от нее внимания, ласки, и если я жив до сих пор, то только благодаря ей!..

Вряд ли существуют на свете такие неблагодарные и бессердечные мальчишки, как я!»

Рассуждая таким образом, Пиноккио вдруг в страхе остановился и отскочил на четыре шага назад.

Что же он увидел?

Гигантскую змею, лежавшую поперек дороги. У нее была зеленая кожа, глаза ее сверкали, а остроконечный хвост дымился, как печная труба.

Ужас Деревянного Человечка не поддается описанию.

Он бросился назад, пробежал больше полукилометра, сел на кучу камней и стал ждать, пока змея соблаговолит продолжать свой путь и освободит дорогу.

Он ждал час, он ждал два часа, он ждал три часа, но змея по-прежнему лежала на месте, и даже издали видны были красное пламя в ее глазах и столб дыма, подымавшийся из кончика ее хвоста.

Наконец Пиноккио расхрабрился, приблизился к змее на несколько шагов и сказал заискивающим, тоненьким голоском:

— Извините великодушно, синьора Змея, но не будете ли вы настолько любезны и не отодвинетесь ли чуть-чуть в сторону, чтобы я мог пройти?

С таким же успехом он мог бы обратиться к стене: змея не шевельнулась.

Тогда он еще раз повторил тем же голоском:

— Позвольте мне сказать вам, синьора Змея, что я теперь направляюсь домой, где меня ждет отец, с которым я давно не видался... Не разрешите ли вы мне в связи с этим пройти?

Он ожидал хоть какого-нибудь знака, который можно было бы истолковать как ответ на его вопрос, но никакого ответа не последовало.

Более того: змея, которая только что выглядела как живая, вдруг стала неподвижной, как бы окостеневшей.

Ее глаза погасли, а хвост перестал дымиться.

«Не дохлая ли она?» — подумал Пиноккио и от удовольствия потер себе руки.

Он тотчас же попытался перебраться через змею, чтобы затем продолжать свой путь. Но не успел он поднять ногу, как змея вдруг распрямилась подобно спущенной пружине. Отскочивший в ужасе Пиноккио поскользнулся и грохнулся на землю.

И он упал так неудачно, что голова его увязла в дорожной грязи, а ноги, как свечки, остались торчать в воздухе.

Когда змея увидела, что Деревянный Человечек уткнулся головой в грязь, а ноги его дрыгают с невероятной быстротой в воздухе, на нее напал такой припадок смеха, что в ее груди лопнула жила, и она на этот раз действительно издохла.

Пиноккио снова бросился бежать вперед. Он надеялся засветло добежать до домика Феи.

Но по дороге он почувствовал сильный голод, заскочил в виноградник и хотел сорвать несколько гроздьев муската.

Ах, лучше бы он этого не делал!

Не успел он ухватиться за гроздь, как раздался треск, и две острые железные скобы сжали его ноги, да с такой силой, что искры посыпались у него из глаз.

Горемычный Деревянный Человечек попал в капкан, поставленный крестьянами против куниц, ставших грозой всех курятников в тамошнем околотке.

21. ПИНОККИО ПОПАДАЕТ К КРЕСТЬЯНИНУ, КОТОРЫЙ ЗАСТАВЛЯЕТ ЕГО СЛУЖИТЬ СТОРОЖЕВОЙ СОБАКОЙ ПРИ КУРЯТНИКЕ

Разумеется, Пиноккио начал плакать, кричать и причитать. Правда, все слезы и крики ни к чему не привели, так как поблизости не было никакого жилья, а на дороге не появлялось ни живой души.

Между тем настала ночь.

Но у Деревянного Человечка и без того потемнело в глазах от страданий, которые ему причиняли железины капкана, глубоко впившиеся в ноги, да и от страха: ведь он был в полном одиночестве, притом еще ночью. И тут он вдруг увидел светлячка, кружившегося над его головой, и крикнул ему:

— Ах, Светлячок! Будь добр, спаси меня от этой пытки.

— Бедный парень, — посочувствовал ему Светлячок.

— Каким образом ты ухитрился повиснуть в железном капкане?

— Я зашел в виноградник, чтобы сорвать пару гроздьев муската, и...

— Это были твои гроздья?

— Нет...

— Кто же тебе велел лезть за чужим виноградом?

— Я был голоден.

— Мой милый друг, голод вовсе не причина для хапанья чужого винограда.

— Это верно, это верно! — согласился, всхлипывая, Пиноккио.

— И я никогда больше не буду так поступать.

Тут послышались чьи-то шаги, и разговор оборвался.

Это был хозяин виноградника, который приближался на цыпочках, чтобы проверить, не попалась ли в капкан одна из куниц, пожиравших его кур по ночам.

Каково же было его изумление, когда он, вынув из-под плаща фонарь, увидел, что вместо куницы попался мальчик!

— Ага! Значит, это ты тот ворюга, что вечно таскает моих пеструшек! — возмущенно сказал крестьянин.

— Не я, не я! — возопил Пиноккио, рыдая.

— Я только забежал в виноградник, чтобы сорвать парочку гроздьев!

— Кто ворует чужие гроздья, тот ворует и чужих кур.

Погоди же, я тебе задам такой урок, что ты его вовек не забудешь!

И он открыл капкан, взял Деревянного Человечка за шиворот и понес его домой, как ягненка.

Когда они очутились на гумне перед домом, крестьянин бросил Пиноккио на землю, наступил ему ногой на шею и сказал:

— Теперь уже поздно, и я иду спать.

Паши счета мы сведем завтра.

А так как моя собака, сторожившая двор в ночное время, подохла, ты пока что займешь ее место. Ты будешь моей дворнягой!

Сказав это, он надел на Пиноккио толстый ошейник, покрытый медными шипами, и приладил его так плотно, что голова не могла выскользнуть.

К ошейнику была приклепана длинная железная цепь.

— Если ночью пойдет дождь, — сказал крестьянин, — то можешь залезть в собачью будку — там все еще лежит соломенная подстилка, четыре года служившая моей бедной собаке постелью.

А если, не дай бог, появятся воры, помни, что ты обязан держать ухо востро и должен лаять.

После этих наставлений крестьянин вошел в дом, заложил дверь, а бедный Пиноккио остался лежать на гумне, скорее мертвый, чем живой, от голода, холода и страха.

Время от времени он всовывал пальцы под ошейник, который сильно сжимал ему глотку, и причитал:

— Я это заслужил!

Ну да, я это заслужил!

Я хотел быть лодырем и бездельником, и потому меня так долго преследуют несчастья.

Будь я приличным мальчиком, как многие другие, имей я охоту к учению, к труду, останься я дома у

моего несчастного отца, не пришлось бы мне служить сторожевой собакой на крестьянском дворе, в этакой глуши!

Ах, если бы я мог снова родиться!..

Но теперь поздно думать об этом, и я должен смириться.

После этого маленького монолога, сказанного, впрочем, вполне искренне, он влез в будку и заснул.

22. ПИНОККИО ОБНАРУЖИВАЕТ ВОРОВ И В НАГРАДУ ЗА ПРЕДАННОСТЬ ПОЛУЧАЕТ СВОБОДУ

Пиноккио проспал два часа, а в полночь его разбудили шепот и бормотание странных голосов, доносившихся с гумна.

Он высунул кончик носа из собачьей будки и увидел четырех маленьких зверьков в темных шубках. Они стояли кучкой, совещаясь о чем-то, и были похожи на кошек.

Однако это были не кошки, а куницы — маленькие кровожадные зверьки, которые особенно лакомы до яиц и цыплят.

Одна из куниц отделилась от своих товарок, подошла к собачьей будке и тихо сказала:

— Добрый вечер, Мелампо!

— Я вовсе не Мелампо, — ответил Деревянный Человечек.

— Кто ты, в таком случае?

— Я Пиноккио.

— А что ты здесь делаешь?

— Я изображаю сторожевую собаку.

— А где Мелампо?

Где старый пес, стороживший в этой будке?

— Он сегодня утром издох.

— Издох?

Бедное животное!

Он был такой добряк!

Но и ты не выглядишь волкодавом.

— Прощу прощения, но я не собака.

— Кто же ты такой?

— Я Деревянный Человечек.

— И ты тут вместо сторожевой собаки?

— К сожалению.

И к тому же в наказание.

— Ну что ж, предлагаю тебе тот же договор, какой был у нас с Мелампо.

Ты будешь доволен.

— А что это за договор?

— Мы, как прежде, приходим сюда два раза в неделю, ночью проникаем в курятник и забираем восемь кур.

Из этих восьми штук мы пожираем семь, а одну даем тебе, с тем, естественно, что ты притворяешься спящим и даже не помышляешь о том, чтобы лаять и будить крестьянина.

— А Мелампо именно так и делал? — осведомился Пиноккио.

— Да, так он и делал, и мы всегда отлично ладили между собой.

Итак, спи спокойно и не сомневайся в том, что перед уходом мы положим возле будки миленькую ощипанную курочку тебе на завтрак.

Надеюсь, мы хорошо поняли друг друга?

— Даже чересчур хорошо, — ответил Пиноккио и угрожающе покачал головой, словно желая этим сказать:

«Мы еще поговорим!»

Почувствовав себя в безопасности, четыре куницы быстрехонько кинулись к курятнику, расположенному рядом с собачьей будкой, отворили зубами и когтями маленькую деревянную дверку, закрывавшую вход, и юркнули туда одна за другой.

И только-только они успели прокрасться внутрь, как услышали, что дверка за ними быстро закрылась. Закрыв ее Пиноккио. И мало того: на всякий случай он еще привалил к ней большой камень.

И тогда он начал лаять, и лаял точно так, как сторожевая собака, а именно:

«Гав-гав, гав-гав!»

Услышав лай, крестьянин соскочил с постели, схватил свое ружье, подошел к окну и спросил: — Что там такое?

— Воры, — ответил Пиноккио.

— Где?

— В курятнике.

— Сию минуту выйду.

Не прошло и секунды, как крестьянин был внизу, побежал к курятнику, поймал четырех куниц, сунул их в мешок и сказал им очень довольным голосом:

— Наконец вы все-таки попали ко мне в руки!

Я мог бы вас наказать, но я не такой человек.

Я удовольствуюсь тем, что завтра отнесу вас к трактирщику в ближнее село, и он снимет с вас шкурки и приготовит из вас нежное и острое заячье жаркое.

Хотя это честь, которую вы совсем не заслужили, но столь великодушные люди, как я, не обращают внимания на такие мелочи.

Затем он подошел к Пиноккио, погладил его несколько раз по голове и спросил:

— Каким образом ты обнаружил этих четырех воришек?

А мой Мелампо, мой преданный Мелампо ни разу ничего не заметил!

Деревянный Человечек мог бы тут кое-что рассказать из того, что узнал. То есть он мог бы поведать о позорном договоре между собакой и куницами, но, вспомнив о том, что собака уже издохла, пришел к заключению:

«Какая польза срамить мертвых?

Мертвые мертвы, и лучше всего оставить их в покое».

— Ты бодрствовал или спал, когда куницы пришли на гумно? — спросил его крестьянин.

— Я спал, — доложил Пиноккио, — но куницы разбудили меня своим шепотом, а одна из них даже подошла к собачьей будке и сказала:

«Если ты пообещаешь нам не лаять и не будить хозяина, мы дадим тебе превосходную ощипанную курицу на завтрак».

Вы понимаете?

Надо же иметь наглость сделать мне такое предложение!

Я хотя и Деревянный Человечек и имею бесконечно много недостатков, но еще не дошел до того, чтобы брать взятки и служить подручным у воришек.

— Ты славный малый! — воскликнул крестьянин и хлопнул его по плечу.

— Такие взгляды делают тебе честь.

И, чтобы выразить мою признательность, отпускаю тебя немедленно домой.

И он снял с Пиноккио ошейник.

23. ПИНОККИО ОПЛАКИВАЕТ СМЕРТЬ КРАСИВОЙ ДЕВОЧКИ С ЛАЗУРНЫМИ ВОЛОСАМИ. ЗАТЕМ ОН ЛЕТИТ НА ГОЛУБЕ К МОРЮ И БРОСАЕТСЯ ВНИЗ ГОЛОВОЙ В ВОДУ, ЧТОБЫ СПАСТИ СВОЕГО ОТЦА ДЖЕППЕТТО

Освободившись от жестокой и унижительной тяжести ошейника, Пиноккио помчался по полям, не останавливаясь ни на минуту, пока не достиг большой дороги, ведущей к домику Феи.

Когда же он оказался на большой дороге, он взглянул на равнину, простиравшуюся перед ним. Отсюда можно было ясно увидеть тот лес, где он, на свою беду, повстречал Лису и Кота. Он узнал возвышавшуюся над деревьями верхушку Большого Дуба, на котором он был повешен, но, сколько ни смотрел, не мог обнаружить домика Красивой Девочки с лазурными волосами.

Тут его пронзило тягостное предчувствие. Он побежал со всех ног и спустя несколько минут очутился на лугу, где некогда стоял домик, — ибо теперь домика больше не было.

Вместо него он нашел небольшую мраморную доску, на которой были вырезаны нижеследующие скорбные слова: **ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕНА ДЕВОЧКА С ЛАЗУРНЫМИ ВОЛОСАМИ, УМЕРШАЯ В СТРАДАНИЯХ, ПОТОМУ ЧТО ОНА БЫЛА ПОКИНУТА**

СВОИМ МАЛЕНЬКИМ БРАТОМ ПИНОККИО.

Можете себе представить, что почувствовал Пиноккио, когда он с грехом пополам прочел по складам

эти слова.

Он упал ничком на землю, тысячу раз поцеловал надгробие и разразился душераздирающими рыданиями.

Он плакал всю ночь напролет и, когда рассвело, все еще плакал, хотя слезы у него совсем иссякли.

И его стоны были так горьки и проникновенны, что эхо со всех холмов повторяло их.

Плача, он восклицал:

— О моя милая маленькая Фея, почему ты умерла?

Почему я, такой плохой, не умер вместо тебя, такой хорошей?..

И где теперь мой отец?

О моя милая маленькая Фея, скажи мне, где мне его искать? Я останусь с ним навсегда и никогда, никогда его не покину, не оставлю одного... О моя милая маленькая Фея, скажи мне, пожалуйста, что это неправда, что ты умерла!

Если ты меня вправду любишь, если ты любишь своего братца, тогда вернись, оживи!

Разве тебе не жалко видеть меня таким одиноким и всеми покинутым?..

Вот придут грабители и еще раз повесят меня на ветке, и тогда я буду мертвый навсегда.

Что мне делать одному на свете?

Кто мне даст поесть теперь, когда я потерял тебя и моего отца?

Где мне переночевать?

Кто мне сошьет новую куртку?

Ах, в тысячу раз было бы лучше, если бы я тоже умер!

Да, я хочу умереть!..

А-а-а!..

И он в отчаянии попытался рвать на себе волосы, но, так как волосы у него были из дерева, он никак не мог запустить в них пальцы.

В это время над ним пролетал большой Голубь.

Он замер с распростертыми крыльями в воздухе и крикнул:

— Скажи-ка, дружок, что ты там делаешь внизу?

— Ты разве не видишь?

Я плачу! — ответил Пиноккио, подняв голову и вытирая глаза рукавом куртки.

— Скажи-ка, — не унимался Голубь, — нет ли среди твоих приятелей некоего Деревянного Человечка по имени Пиноккио?

— Пиноккио?..

Ты сказал «Пиноккио»? — повторил Деревянный Человечек и вскочил на ноги.

— Пиноккио это я!

Услышав такой ответ. Голубь быстро слетел вниз и опустился на землю.

Ростом он оказался больше индюка.

— Ты, стало быть, знаком с Джеппетто? — спросил он у Деревянного Человечка.

— А то как же?

Это же мой бедный отец!

Значит, он тебе рассказывал про меня?

Ты меня приведешь к нему?

Он жив?

Ответь мне, пожалуйста, он жив?

— В последний раз я его видел три дня назад, на берегу моря.

— Что он там делал?

— Он мастерил маленькую лодку, чтобы пересечь океан.

Бедняга уже больше четырех месяцев странствует по земле и ищет тебя, а так как до сих пор он не мог тебя найти, то решил отправиться на поиски в далекие страны Нового Света.

— А далеко отсюда до моря? — испугался Пиноккио.

— Свыше тысячи километров.

— Тысячи километров?

Ах, Голубь, вот бы мне твои крылья!

— Если хочешь, я тебя туда доставлю.

— Каким образом?

— Верхом на моей спине.

Ты очень тяжелый?

— Тяжелый?

Куда там!

Я легкий, как перышко.

И без долгих разговоров Пиноккио вскочил Голубю на спину, словно всадник — одна нога справа, другая слева, — и радостно воскликнул:

— Но, но, лошадка, я спешу!

Голубь поднялся в воздух и за несколько минут достиг такой высоты, что почти задевал облака.

Тут Деревянного Человечка обуяло любопытство, и он посмотрел вниз.

Но ему стало страшно, голова закружилась, и он крепко обхватил шею своего пернатого коня, чтобы не свалиться.

Они летели весь день.

Вечером Голубь сказал:

— Я ужасно хочу пить!

— А я ужасно хочу есть, — добавил Пиноккио.

— Отдохнем несколько минут в этой голубятне и немедленно полетим дальше, чтобы завтра к восходу солнца быть на взморье.

Они залезли в покинутую голубятню и увидели блюдечко с водой и корзину, полную пшена.

Деревянный Человечек всю свою жизнь терпеть не мог пшена, потому что от пшена его якобы тошнило и мутило. Но в этот вечер он набил себе полный живот пшена и, съев все без остатка, сказал Голубю:

— Я никогда не думал, что пшено такое вкусное!

— Это должно тебя убедить в том, мой мальчик, — объяснил ему Голубь, — что и пшено становится роскошным блюдом, когда ты голоден и ничего другого у тебя нет. Голод не признает никаких капризов и нежностей.

Немного закусив и отдохнув, они снова тронулись в путь.

На следующее утро они достигли берега моря.

Голубь ссадил Пиноккио на землю и, не желая выслушивать благодарственные слова, сразу же взмыл вверх и исчез.

На берегу толпились люди, и все они вглядывались в море, кричали и размахивали руками.

— Что здесь стряслось? — спросил Пиноккио у одной старушки.

— Бедный отец, потерявший сына, отправился на маленькой лодке в море, так как решил искать сына за морем.

А море сегодня очень бурное, и лодчонка вот-вот потонет.

— Где он?

— Вон там, — объяснила старуха и показала пальцем на маленькую лодку, казавшуюся издали ореховой скорлупкой.

В лодке можно было различить одинокого маленького человечка. Пиноккио пристально посмотрел туда и издал пронзительный крик:

— Это мой отец!

Тем временем бурные волны кидали лодчонку из стороны в сторону, и она то опускалась вниз, то снова появлялась.

А Пиноккио стоял на вершине высокой скалы и все звал своего отца и делал ему знаки руками, носовым платком и даже колпаком.

Казалось, Джеppetто, несмотря на большое расстояние, узнал своего сына — он тоже снял шапку, помахал ею и дал понять знаками, что он охотно вернулся бы, но бурное море мешает управлять лодкой и пристать к берегу.

Вдруг поднялась гигантская волна, и лодчонка исчезла.

Все ждали, когда она появится снова, но она больше не появлялась.

— Бедняга! — сказали рыбаки, собравшиеся на взморье, забормотали молитву и начали расходиться по домам.

Но тут они услышали отчаянный крик и, обернувшись, увидели маленького мальчика, который бросился вниз со скалы с возгласом:

— Я спасу своего отца!

Пиноккио ведь был сделан из дерева и потому не утонул, а поплыл, как рыба.

Волны подхватили его, он исчез, затем снова вынырнул.

Все дальше и дальше от берега появлялась над водой то его рука, то нога.

Наконец люди на берегу потеряли его из виду.

— Бедный малый! — сказали рыбаки, забормотали молитву и разошлись по домам.

24. ПИНОККИО ВЫСАЖИВАЕТСЯ НА ОСТРОВЕ ТРУДОЛЮБИВЫХ ПЧЕЛ И СНОВА НАХОДИТ ТАМ ФЕЮ

В надежде спасти своего отца Пиноккио плыл всю ночь напролет.

А что это была за жуткая ночь!

Дождь, подобный всемирному потопу, крупный град, ужасные раскаты грома и ослепительные молнии!

На рассвете он наконец увидел поблизости продолговатую береговую полосу.

То был остров посреди моря.

Он напряг все свои силы, чтобы добраться до берега, но напрасно.

Набегая одна на другую, волны играли им, словно он был жалкой щепкой или соломинкой.

К счастью, вскоре налетела огромная волна, которая с размаху выбросила его на берег.

При этом он так сильно стукнулся, что чуть не переломал себе руки и ноги.

Но он быстро успокоился, подумав:

«Я еще хорошо отделался!»

Между тем небо понемногу прояснилось, солнце засияло вовсю, и море стало тихим и гладким, как масло.

Пиноккио разложил свою одежду для просушки и огляделся по сторонам: не появится ли на огромном пространстве воды хотя бы одна-единственная лодочка с одним-единственным человеком?

Но как он ни напрягал зрение, он не видел ничего, кроме неба, моря и двух-трех парусов, плывущих так далеко, что они казались не больше мухи.

— Узнать хотя бы, как этот остров называется! — простонал Пиноккио.

— Узнать хотя бы, не живут ли на острове приличные люди, то есть такие люди, у которых не существует обычая вешать детей на ветках деревьев!

Но у кого я могу об этом узнать?

И есть ли тут вообще ктонибудь?

При мысли, что он один-одинешенек в обширной и необитаемой стране, Пиноккио так опечалился, что готов был зареветь. И вдруг он увидел совсем близко от берега плывущую по своим личным делам большую рыбу.

Не зная, как эту рыбу зовут. Деревянный Человечек окликнул ее очень громко и раздельно:

— Эй! Синьора Рыба! Разрешите мне задать вам вопрос!

— Милости прошу, — ответила рыба, оказавшаяся таким любезным Дельфином, какого вряд ли сыщешь во всех морях мира.

— Не будете ли вы любезны сказать мне, имеются ли на этом острове деревни, где можно достать чего-нибудь поесть без опасения самому быть съеденным?

— Несомненно, — ответил Дельфин.

— Кстати, одна тут совсем рядом.

— А как мне туда добраться?

— Если ты пойдешь налево по маленькой тропке следом за своим носом, ты ее никак не обойдешь.

— Еще вопрос, пожалуйста!

Вы плаваете днем и ночью по морям, не встретили ли вы случайно маленькую лодочку с моим отцом?

— А кто твой отец?

— Лучший отец во всем мире, точно так же как я — наихудший сын на свете.

— Во время ночной бури маленькая лодка, очевидно, утонула.

— А мой отец?

— Скорее всего, его проглотила страшная Акула, которая с некоторых пор сеет смерть и запустение в наших водах.

— Она большая, эта Акула? — спросил Пиноккио, начиная дрожать от страха.

— Огромная, — ответил Дельфин.

— Чтобы ты мог себе представить ее размеры, скажу тебе, что она больше пятиэтажного дома и имеет такую широкую и глубокую пасть, что туда может спокойно въехать целый поезд с дымящим паровозом.

— Mamочки! — в ужасе вскричал Деревянный Человечек, быстро оделся и еще раз обратился к Дельфину: — До свидания, синьора Рыба!

Простите за задержку, тысяча благодарностей за вашу любезность.

Затем он поспешил в путь и шел быстро, почти бежал. По при малейшем шуме он сразу же оборачивался, так как опасался, что его преследует Акула величиной с пятиэтажный дом, с целым поездом во рту.

Спустя полчаса он добрался до деревни, называвшейся Деревня Трудолюбивых Пчел.

Улицы кишели людьми, деловито сновавшими туда и обратно.

Все здесь работали, все что-то делали.

Даже в увеличительное стекло нельзя было найти бездельника или лентяя.

«Ясно, — сказал себе лодырь Пиноккио, — эта деревня не для меня.

Я не рожден для труда».

Но его мучил голод, так как он двадцать четыре часа ничего не ел, даже пшенной каши.

Что делать?

У него были только две возможности утолить голод: либо искать работу, либо заняться попрошайничеством и таким образом раздобыть сольдо или кусок хлеба.

Попрошайничать ему было стыдно, так как отец ему втолковал, что на это имеют право только старики и калеки; все остальные обязаны работать.

Но вот на улице появился запыхавшийся и вспотевший человек, который с большим трудом один толкал две тачки с углем.

Пиноккио решил, что, судя по лицу, это хороший человек, приблизился к нему и, потупив от стыда глаза в землю, сказал очень тихим голосом:

— Не дадите ли вы мне сольдо, чтобы я не погиб от голода?

— Не одно сольдо, — ответил угольщик, — а четыре сольдо ты получишь, если сможешь мне довести до дома эти две тачки.

— Вы меня удивляете! — возразил Деревянный Человечек обиженно.

— Имейте в виду, что я никогда еще не был вьючным ослом и никогда не возил тачки.

— Тем лучше для тебя!

А если ты действительно так голоден, мой мальчик, тогда отрежь себе два-три толстых ломтя от своего высокомерия и съешь их, только смотри не подавись.

Через несколько минут появился каменщик, который нес на спине ящик с известью.

— Любезнейший, не дадите ли вы бедному мальчику, зевающему от голода, одно сольдо?

— Охотно.

Иди со мной, помоги мне отнести известь, и тогда ты получишь целых пять сольдо.

— Но известь тяжелая, — сказал Пиноккио, — а я не хочу напрягаться.

— Если ты не хочешь напрягаться, мой мальчик, тогда зевай сколько влезет, благословляю тебя.

В течение какого-нибудь получаса мимо прошло еще человек двадцать, и Пиноккио у каждого просил милостыню, но все отвечали ему:

— Неужели тебе не стыдно?

Зря ты шляешься по улицам. Лучше найди работу и учись зарабатывать на хлеб.

Наконец появилась добрая женщина с двумя кувшинами воды.

— Вы не возражаете, добрая донна, если я глотну водички из вашего кувшина?

— Пей, мой мальчик, — сказала женщина и поставила оба кувшина на землю.

Налакавшись воды, как гриб, Пиноккио вытер рот и пробормотал про себя:

— От жажды я уже избавился.

Если бы я мог таким же образом избавиться от голода!

Когда добрая женщина услышала эти слова, она поспешно проговорила:

— Если ты сможешь мне донести до дома один из этих кувшинов, я дам тебе кусок хлеба.

Пиноккио внимательно посмотрел на кувшин и не сказал ни да, ни нет.

— А к хлебу я дам тебе большую миску цветной капусты, приправленной уксусом и маслом, — продолжала добрая женщина.

Пиноккио снова внимательно посмотрел на кувшин и не сказал ни да, ни нет.

— А после цветной капусты я дам тебе прекрасную ликерную конфету.

Перед таким искушением Пиноккио не мог устоять. Он сорвался с места и крикнул:

— Ладно!

Я снесу вам кувшин домой.

Кувшин был очень тяжелый, а так как руки у Деревянного Человечка оказались слабоваты, он вынужден был волей-неволей тащить кувшин на голове.

Дома добрая женщина пригласила Пиноккио к накрытому столу и положила перед ним кусок хлеба, цветную капусту и конфету.

Пиноккио не ел — он глотал.

Его желудок казался пустым, как квартира, в которой пять месяцев никто не жил.

Когда его ужасный голод постепенно утих, он поднял голову, чтобы поблагодарить свою благодетельницу.

Но не успел он как следует взглянуть в ее лицо, как длинное-предлинное «ю-оо-о» — вырвалось из его горла, и он в глубоком изумлении остался сидеть как окаменелый, с широко раскрытыми глазами и ртом, полным цветной капусты и хлеба.

— Что тебя так удивило? — спросила добрая женщина и засмеялась.

— Вы... — залепетал Пиноккио, — вы... вы... вы похожи... вы мне напоминаете... да, да, да, это тот же голос... те же волосы... да, да, да... у вас лазурные волосы... как у нее!.. Ах, милая маленькая Фея, милая маленькая Фея!..

Ну скажите же мне, что это вы, действительно вы!

Если бы вы знали! Я так плакал, так страдал!..

И при этих словах слезы брызнули у него из глаз, и он упал и обнял колени таинственной женщины.

25. ПИНОККИО ДАЕТ ФЕЕ ОБЕЩАНИЕ СТАТЬ ХОРОШИМ И УЧИТЬСЯ, ТАК КАК ЕМУ НАДОЕЛО БЫТЬ ДЕРЕВЯННЫМ ЧЕЛОВЕЧКОМ И ОН ХОЧЕТ СТАТЬ ХОРОШИМ МАЛЬЧИКОМ

Сначала добрая женщина отрицала, что она маленькая Фея с лазурными волосами.

Но, поняв, что тайна разоблачена, она не стала больше притворяться, призналась и сказала Пиноккио:

— Каким образом ты, деревянный плутишка, понял, что я — это я?

— Мне это открыла большая любовь к вам.

— А ты помнишь?

Ты ведь меня оставил маленькой девочкой, а теперь ты видишь меня женщиной, и я могла бы, пожалуй, быть твоей матерью.

— Это очень хорошо, потому что теперь я могу называть вас не сестричкой, а мамой.

Я уже давно мечтаю иметь маму, как все другие дети.

Однако как вы сумели так быстро вырасти?

— Это моя тайна.

— Научите меня — я тоже хотел бы стать немножко больше.

Разве вы не замечаете?

Я все еще ростом с головку сыра.

— Ты ведь не можешь расти, — объяснила ему Фея.

— Почему?

— Потому что деревянные человечки не растут.

Они являются на свет деревянными человечками и живут и умирают тоже деревянными человечками.

— Ах, мне осточертело быть Деревянным Человечком! — воскликнул Пиноккио и ударил себя кулаком по голове.

— Пора мне уже стать человеком.

— И ты станешь им, если заслужишь.

— Правда?

А чем я могу это заслужить?

— Очень просто.

Ты должен только привыкнуть быть хорошим мальчиком.

— А разве я не хороший мальчик?

— К сожалению, нет.

Хорошие мальчики послушны, а ты...

— А я непослушный.

— Хорошие мальчики прилежно учатся и работают, а ты...

— А я лентяй и бродяга.

— Хорошие мальчики всегда говорят правду...

— А я всегда говорю неправду.

— Хорошие мальчики охотно посещают школу...

— А мне становится противно при одной мысли об этом.

Но с сегодняшнего дня я начну новую жизнь!

— Ты мне это обещаешь?

— Обещаю.

Я буду хорошим мальчиком и утешением своему отцу... И куда он запропастился, мой бедный отец?

— Этого я не знаю.

— Посчастливится ли мне вообще когда-нибудь увидеть и обнять его?

— Надеюсь, что да.

Я даже уверена.

Этот ответ привел Пиноккио в восторг, он схватил руки Феи и начал их целовать.

Потом он поднял голову, посмотрел на нее с любовью и спросил:

— Скажи, милая мама, значит, ты действительно не умерла?

— Как будто бы нет, — ответила Фея с улыбкой.

— Если бы ты только знала, как мне было больно, когда я прочитал слова: «Здесь похоронена...» Как у меня сжалось горло...

— Я знаю. И поэтому я тебя простила.

Твое искреннее горе убедило меня в том, что у тебя доброе сердце.

А детей, у которых доброе сердце, даже если они бывают немножко грубы и невоспитанны, никогда нельзя считать безнадежными, то есть можно еще надеяться, что они найдут правильный путь.

Поэтому я последовала сюда за тобой.

Я буду твоей мамой...

— Вот это здорово! — воскликнул Пиноккио и подпрыгнул от радости.

— Слушайся меня и делай всегда то, что я тебе скажу.

— Охотно, охотно, охотно!

— Начиная с завтрашнего дня, — продолжала Фея, — ты пойдешь в школу.

Радость Пиноккио заметно ослабла.

— Ты можешь по собственному усмотрению избрать себе ремесло или другую какую-нибудь профессию.

Лицо Пиноккио стало серьезным.

— Что ты там бормочешь сквозь зубы? — спросила Фея недовольно.

— Я соображал, — проямлил Деревянный Человечек, — что идти в школу теперь уже, пожалуй, поздно...

— Нет, мой миленький.

Заметь себе, что никогда не поздно учиться!

— Но я не желаю заниматься никаким ремеслом и никакой профессией!

— Почему?

— Потому что я думаю, что работать очень утомительно.

— Мой мальчик, — сказала тогда Фея, — кто так думает, тот почти всегда кончает свою жизнь в тюрьме или в больнице.

Ты должен твердо знать: каждый человек обязан что-то делать, чем-то заниматься, работать.

Горе тому, кто вырастает бездельником!

Безделье — весьма отвратительная болезнь, которую надо лечить с детства, иначе, став взрослым, от нее никак невозможно отделаться!

Эти слова произвели на Пиноккио большое впечатление.

Он поднял голову и сказал с жаром:

— Я буду учиться, я буду работать, я буду делать все, что ты мне скажешь, потому что, в конце концов, мне основательно надоела жизнь деревянного человечка и я хочу любой ценой стать настоящим мальчиком.

Ты ведь мне это обещала, правда?

— Я тебе это обещала. Теперь все зависит от тебя.

26. ПИНОККИО ИДЕТ С ТОВАРИЩАМИ К БЕРЕГУ МОРЯ, ЧТОБЫ ВЗГЛЯНУТЬ НА СТРАШНУЮ АКУЛУ

На следующий день Пиноккио отправился в народную школу.

Представьте себе изумление шалунов, когда они увидели в школе Деревянного Человечка!

Они хохотали до упаду.

Каждый старался подстроить ему каверзу: один вырвал у него из рук колпак, второй потянул сзади за куртку, третий попробовал нарисовать ему чернилами большие усы под носом, а кто-то попытался даже привязать ниточки к его рукам и ногам, чтобы заставить его плясать, как марионетку.

Некоторое время Пиноккио просто не обращал на все это внимания и продолжал делать свое дело.

Но в конце концов он все-таки потерял терпение и обратился ледяным голосом к тем, кто насмехался и куролесил больше других:

— Поосторожнее, ребята! Я пришел сюда не для того, чтобы изображать перед вами клоуна.

Я уважительно отношусь ко всем и требую, чтобы ко мне тоже относились уважительно.

— Браво, болван!

Ты говоришь как по писаному! — закричали озорники, корчась от смеха.

А один из них, самый наглый, протянул руку и попытался схватить Деревянного Человечка за нос.

Но из этого ничего не вышло, потому что Деревянный Человечек немедленно брыкнул его под парту!

в колено.

— Ох, и твердые же у него ноги! — взвыл мальчик и начал тереть огромный синяк, появившийся на том месте, куда Деревянный Человечек пнул его.

— А локти... они еще тверже, чем ноги! — простонал другой, который в ответ на бесстыжие насмешки получил удар в живот.

Так или иначе, но Пиноккио после одного пинка ногой и одного удара локтем в мгновение ока завоевал уважение и благосклонность всех мальчишек в школе.

И все принялись его обнимать и ужасно его полюбили.

Учитель тоже хвалил его, потому что он видел, что Деревянный Человечек внимателен, усерден и неглуп, что он всегда первым приходит в школу и последним встает, когда урок кончается.

Его единственным недостатком было то, что он слишком усердно якшался с товарищами, среди которых имелось немало отпетых бездельников, не желавших учиться и вообще что-либо делать.

Учитель предупреждал его каждый день, и добрая Фея тоже говорила не раз:

— Берегись, Пиноккио!

Твои дурные школьные товарищи рано или поздно доведут тебя до того, что ты потеряешь всякое желание учиться.

И не исключена возможность, что они навлекут на тебя большую беду.

— Никакой опасности нет, — отвечал Деревянный Человечек, пожимая плечами, и стучал указательным пальцем себя по лбу, что должно было означать:

«Здесь мозгов, слава богу, хватает!»

И вот случилось в один прекрасный день, что по дороге в школу он встретил ватагу товарищей, которые его спросили:

— Ты уже слышал новость?

— Нет.

— Недалеко отсюда, в море, появилась акула величиной с гору.

— Неужели?..

Не та ли это акула, которая плавала здесь, когда мой бедный отец утонул?

— Мы идем на взморье, чтобы на нее взглянуть.

Пойдешь с нами?

— Нет, я пойду в школу.

— Да шут с ней, со школой!

Завтра пойдем в школу.

На два урока меньше или больше... все равно мы останемся такими же ослами!

— А что на это скажет учитель?

— Пусть учитель говорит все, что хочет.

За это ему и платят, чтобы он нас каждый день бранил.

— А моя мать?

— Да мать ни о чем и не узнает, — ответили дурные товарищи.

— Знаете, что я сделаю?

Акулу я по некоторым личным причинам обязательно должен увидеть... но после школы.

— Несчастный олух! — заорала вся ватага.

— Неужели ты думаешь, что рыба таких размеров будет ждать, пока ты придешь?

Когда ей станет скучно, она уплывет восвояси, и пиши пропало!

— Сколько ходьбы отсюда до взморья?

— Туда и обратно час.

— Внимание! Вперед! Бежим на пари! — вскричал Пиноккио.

По этой команде вся банда, с тетрадями и книгами под мышкой, бросилась бежать по полям, а Пиноккио — впереди всех, словно на ногах у него выросли крылья.

Время от времени он оборачивался и насмехался над своими товарищами, которые остались далеко позади. И, видя, как они, покрытые пылью, высунув язык, задыхаются, пыхтят и потеют, он радовался от всей души.

Бедняга еще не знал, каким ужасным и жутким событиям он бежит навстречу.

27. БОЛЬШАЯ ПОТАСОВКА МЕЖДУ ПИНОККИО И ЕГО ТОВАРИЩАМИ, ПРИЧЕМ ОДИН ИЗ НИХ РАНЕН, И ПИНОККИО АРЕСТОВЫВАЮТ ПОЛИЦЕЙСКИЕ

Достигнув морского берега, Пиноккио оглядел море.

Но никакой акулы не было.

Море лежало спокойное и гладкое, словно гигантское хрустальное зеркало.

— Где ваша акула? — спросил он у товарищей.

— Надо полагать, что она как раз завтракает, — насмешливо сказал один.

— Или легла в постель, чтобы немного всхрапнуть, — хихикнул второй.

Из этих вздорных ответов и нелепого смеха Пиноккио сделал вывод, что товарищи сыграли с ним некрасивую шутку и одурачили его.

Он рассердился и яростно налетел на них: — Ну? Зачем вы мне рассказывали эту глупую сказку про акулу?

— На то были причины, — ответили они в один голос.

— Какие?

— Ты пропустил занятия и пошел с нами.

Разве тебе не стыдно каждый день так добросовестно и усердно посещать уроки?

Разве тебе не стыдно так прилежно учиться?

— А какое вам дело до того, как я учусь?

— Еще бы не дело! Из-за тебя учитель презирает нас.

— Почему?

— Потому что прилежные ученики ставят в дурацкое положение таких, как мы, не желающих учиться.

А мы не хотим, чтобы нас ставили в дурацкое положение: у нас тоже есть своя гордость!

— Что же я должен делать?

— Ты должен тоже возненавидеть школу, уроки и учителя.

Это три наших главных врага.

— А если я все-таки буду и дальше прилежно учиться?

— Тогда мы с тобой больше не будем водиться и при первой возможности отплатим тебе за все.

— Вы мелете вздор, — сказал Деревянный Человечек и покачал головой.

— Берегись, Пиноккио, — закричал самый большой из всей ватаги, — мы не позволим тебе быть ни гордецом, ни доносчиком!

Если ты не боишься нас, то мы боимся тебя еще меньше.

Имей в виду: ты один, а нас семеро.

— Семь смертных грехов, — громко рассмеялся Пиноккио.

— Вы слышали?

Он нас всех оскорбил!

Он нас обозвал смертными грехами!

— Пиноккио, возьми назад свои слова, иначе будет плохо!

— Хи-хи! — произнес Деревянный Человечек и насмешливо приложил указательный палец к кончику носа.

— Пиноккио, тебе худо будет!

— Хи-хи!

— Мы тебя измолотим, как собаку!

— Хи-хи!

— Ты вернешься домой с расквашенным носом!

— Хи-хи!

— Вот тебе хи-хи! — зарычал самый храбрый из бездельников. — Задаток, который ты можешь сохранить себе на ужин.

— И он ударил его кулаком по голове.

Но на удар последовал ответ: Деревянный Человечек без промедления пустил в ход кулаки, и завязалась ожесточенная Драка.

Хотя Пиноккио был в одиночестве, он защищался, как лев.

Он так хорошо работал своими ногами, сделанными из лучшего твердого дерева, что его врагам пришлось держаться от него на почтительном расстоянии.

А попав в цель, ноги Пиноккио оставляли заметные следы — большие синяки.

Мальчишки, досадуя на то, что не могут добраться до Деревянного Человечка, взялись за метательные снаряды. Они открыли свои ранцы и забросали его букварями и грамматиками, своими «Джаннетини» и «Минуцоли», рассказами Туара, «Пульчино» Бачини и прочими школьными учебниками.

Но ловкий и увертливый Деревянный Человечек наклонялся в нужный момент, так что все книги летели поверх его головы и падали в море.

Представьте себе, что приключилось с рыбами! Они думали, что книги — доброкачественная пища, и стаями всплывали на поверхность.

Но стоило им попробовать на вкус страничку или титульный лист, как они немедленно все выплевывали и при этом кривили рот, словно хотели сказать:

«Это не для нас, мы привыкли к лучшему угощению!»

Между тем сражение становилось все более ожесточенным.

Тут из воды вылез большой Рак; он медленно вполз на берег и крикнул голосом, звучавшим, как простуженная труба:

— Вы, глупые бездельники, немедленно прекратите свалку!

Такие сражения между мальчишками редко кончаются благополучно!

Как бы не случилось несчастья!

Бедный Рак!

С таким же успехом он мог бы проповедовать ветрам и волнам.

Этот бесстыдник Пиноккио свирепо оглянулся и грубо ответил:

— Заткни фонтан, скучный Рак!

Лучше прими пару конфет от кашля, чтобы твоя глотка немного прочистилась.

Или ложись в кровать и пропотей как следует!

В это время мальчишки, оставшись без книг для метания, заметили ранец Деревянного Человечка и немедля овладели им.

Среди книг Пиноккио имелась одна с толстым картонным переплетом, с корешком и уголками из пергамента. Это был учебник по арифметике. Вы, вероятно, догадываетесь, какой он был тяжелый!

Один из бездельников схватил тяжелый том, прицелился в голову Пиноккио и швырнул изо всех сил, какие только у него были.

Но, вместо того чтобы попасть в Деревянного Человечка, он попал в голову одного из своих товарищей. Последний побелел, как свежестыранное полотенце, и смог только произнести:

— Мама... мама... помоги, я умираю! После чего свалился на песок.

При виде неподвижного тела испуганные мальчишки разлетелись кто куда, и через несколько минут исчезли все до одного.

Пиноккио, однако, остался.

Хотя он от испуга и ужаса был ни жив ни мертв, он все же окунул носовой платок в морскую воду и приложил к вискам своего бедного школьного товарища.

И, плача от страха, стал звать его по имени и причитать:

— Эдженио, мой бедный Эдженио!..

Открой же глаза и взгляни на меня!..

Почему ты мне ничего не отвечаешь?

Это не я сделал тебе больно!

Поверь мне, не я!..

Открой же глаза, Эдженио!

Если ты все время будешь держать глаза закрытыми, я тоже умру... О господи! Как я теперь вернусь домой?

Как я покажусь на глаза моей доброй маме?..

Что будет со мной?

Куда мне бежать?

Куда мне спрятаться?..

О, если бы я пошел в школу, насколько это было бы лучше, в тысячу раз лучше!

Почему я послушался этих товарищей, ставших моим злым роком!

А ведь учитель мне об этом говорил! И моя мать мне все время твердила: «Берегись дурных товарищей!»

Но я исключительный дурак.

Я слушаю то, что говорят другие, а делаю, что хочу.

И потом расплачиваюсь... За всю свою жизнь я не имел и пятнадцати минут спокойных.

О боже, что станет со мной?

Что получится из меня, что из меня получится?

И Пиноккио выл, и вопил, и бил себя по голове, и все звал бедного Эдженио. Вдруг он услышал приближающиеся шаги.

Он обернулся. Это были два полицейских.

— Почему ты лежишь на земле? — спросили они Пиноккио.

— Я ухаживаю за своим школьным товарищем.

— Ему плохо? — Кажется, да.

— Еще бы ему не было плохо! — Один полицейский нагнулся над Эдженио и внимательно оглядел его.

— Этого парня ранили в висок.

Кто это сделал?

— Не я! — пискнул Деревянный Человечек, у которого душа ушла в пятки.

— Кто же это, если не ты?

— Не я, — повторил Пиноккио.

— А чем он был ранен?

— Этой книгой. — И Деревянный Человечек поднял учебник по арифметике, переплетенный в толстый картон и пергамент, и показал книгу полицейскому.

— А кому принадлежит эта книга?

— Мне.

— Этого достаточно.

Больше нам ничего и не надо.

Встань немедленно и иди с нами!

— Но я... — Пойдем!

— Но я не виноват... — Пойдем!

Прежде чем уйти, полицейские позвали нескольких рыбаков, как раз в этот момент проплывавших мимо на лодке, и сказали им:

— Мы оставляем этого парня на ваше попечение. Он ранен в голову.

Отнесите его к себе домой и присмотрите за ним.

Мы вернемся завтра и займемся им.

Затем они снова подошли к Пиноккио, взяли его с двух сторон и скомандовали по-военному:

— Вперед!

Да поживее! Иначе получишь!

Не ожидая повторений.

Деревянный Человечек быстро пошел по узкой дороге, ведущей в деревню.

Но бедному парню было не по себе.

Жизнь представлялась ему сном, отвратительным сном!

Он совсем растерялся.

В глазах у него двоилось, ноги дрожали, язык прилипал к гортани, и он не мог произнести ни слова.

Но и в этом состоянии его все-таки мучила мысль, что он должен проследовать меж двух полицейских мимо окон доброй Феи.

Лучше уж было умереть.

Они достигли окраины деревни, и тут порыв ветра сорвал с головы Пиноккио колпак и отбросил его на

десять шагов.

— Разрешите мне, — обратился Деревянный Человечек к полицейским, — поднять мой колпак.

— Что ж, иди, только поживее.

Деревянный Человечек пошел и поднял колпак. Но, вместо того чтобы надеть его себе на голову, он зажал его в зубах и побежал обратно к морю с быстротой пули, выпущенной из ружья.

Полицейские сообразили, что поймать его будет нелегко, и направили по его следу большую собаку-ищейку, которая на всех собачьих состязаниях брала первый приз по бегу.

Пиноккио бежал быстро, но собака бежала быстрее.

Все жители бросились к окнам или выбежали на улицу посмотреть, чем кончится эта дикая погоня.

Но зрелища не получилось, потому что собака и Пиноккио подняли такую пыль на дороге, что уже через несколько минут вообще ничего не стало видно.

28. ПИНОККИО ДОЛЖЕН БЫТЬ ИЗЖАРЕН НА СКОВОРОДКЕ, КАК РЫБА

Во время этой отчаянной гонки было одно жуткое мгновение, одна секунда, когда Пиноккио думал, что пропал, так как Алидоро (такова была кличка собаки-ищейки) чуть не догнал его.

Деревянный Человечек уже слышал у себя за спиной пыхтение страшного зверя и даже чувствовал его жаркое дыхание.

К счастью, берег был близко, море находилось всего в нескольких шагах.

Как только Деревянный Человечек достиг берега, он совершил необыкновеннейший прыжок, вроде прыжка щуки, и плюхнулся далеко в воду.

Алидоро охотно остановился бы, но с разгона тоже полетел в воду.

А несчастный не умел плавать.

Он заболтал ногами, чтобы удержаться на поверхности, но чем больше он барахтался, тем глубже его голова уходила под воду.

Высунув голову, он в ужасе закатил глаза и пролаял:

— Я тону, я тону!

— Шут с тобой! — ответил ему издали Пиноккио, чувствовавший себя теперь вне опасности.

— Помоги мне, милый Пиноккио!..

Спаси меня от смерти!..

При этом возгласе отчаяния Пиноккио, у которого, в сущности, было золотое сердце, сжалился и крикнул собаке:

— Если я тебя спасу, ты обещаешь оставить меня в покое и больше не гнаться за мной?

— Обещаю!

Обещаю тебе!

Но только поскорее, пожалуйста! Если ты промешкаешь еще полминуты, я пропал!

Пиноккио помедлил немного.

Затем он вспомнил отцовскую поговорку: «Делая доброе дело, ты ничего не теряешь», поплыл к Алидоро, схватил его обеими руками за хвост и вытащил на сушу здоровым и невредимым.

Бедная собака валилась с ног.

Она столько наглоталась соленой воды, что раздулась, как мяч.

Все-таки Пиноккио ей не слишком доверял и счел за благо снова прыгнуть в море.

Он отплыл на некоторое расстояние от берега и крикнул спасенному другу:

— Прощай, Алидоро! Доброго пути и всего наилучшего!

— Прощай, Пиноккио! — ответила собака.

— Благодарю тебя тысячу раз за спасение от смерти!

Ты мне оказал великую услугу, а добрый поступок всегда вознаграждается.

Может, мы еще встретимся.

Пиноккио поплыл дальше вдоль берега.

Наконец он решил, что достиг безопасной точки, и, оглядевшись, увидел в скале пещеру, из которой поднимался столб дыма.

«В этой пещере, — подумал он, — очевидно, горит костер.

Тем лучше!

Можно здесь обсушиться и обогреться, а там... будь что будет».

Придя к такому решению, он поплыл к скале. И когда он собирался влезть на нее, вдруг из воды что-то поднялось и увлекло его за собой.

Он попытался убежать, но было слишком поздно, ибо, к своему великому изумлению, он очутился в огромной сети, среди множества рыб разных пород и размеров, которые били хвостами и отчаянно барахтались.

И тут он увидел, как из пещеры вышел рыбак, который был так безобразен, так исключительно безобразен, что напоминал морское чудище.

Вместо волос у него на голове торчал толстый пучок зеленой травы, все его тело было зеленого цвета, и глаза зеленые, и зеленая длинная-предлинная борода.

Он был похож на гигантскую зеленую ящерицу, вставшую на задние ноги.

Вытянув сеть из воды, рыбак сказал в высшей степени довольным голосом:

— Счастливая судьба!

Сегодня я тоже смогу до отказа набить себе брюхо рыбой!

«Мне повезло, что я не рыба», — подумал Пиноккио и немного приободрился.

Сеть, переполненная рыбой, была принесена в пещеру, в темную, закопченную дымом пещеру, посреди которой шипела сковородка с маслом, распространявшим отвратительный запах ворвани.

— Теперь поглядим, какую рыбешку поймала наша сеть, — сказал Зеленый Рыбак.

И он сунул в сеть огромную руку, величиной с лопату, и вытащил оттуда несколько краснобородок.

— Какие изумительные краснобородки! — сказал он и обнюхал их с удовольствием.

И, обнюхав, он их кинул в порожний горшок.

Так он проделал несколько раз.

И каждый раз, вынимая из сети рыбу, он восклицал в радостном предвкушении: — Какая замечательная треска!

— Какая изысканная кефаль!

— Какая прелестная камбала!

— Какой превосходный морской окунь!

— Какие миленькие сардинки!

Можете не сомневаться, что треска, кефаль, камбала, окунь и сардинки попадали в ту же самую посуду, где уже находились краснобородки.

Последним в сети был Пиноккио.

Вытащив его, рыбак в изумлении вытаращил свои большие зеленые глаза и воскликнул почти со страхом:

— А это что за рыба?

Не могу вспомнить, чтобы я ел когда-нибудь такую!

И он осмотрел Пиноккио довольно внимательно. И после того, как он осмотрел его довольно внимательно, он наконец сказал:

— Все ясно.

Это, очевидно, морской рак.

Пиноккио обиделся, что его приняли за рака, и проговорил сердито:

— Что значит рак?

Как вы обращаетесь со мной?

Да будет вам известно: я Деревянный Человечек!

— Деревянный Человечек? — повторил рыбак.

— Должен признаться, что рыбу такой породы я еще не видывал.

Тем лучше — я съем тебя с еще большим удовольствием.

— Вы меня съедите?

Неужели вы не можете уяснить себе, что я вовсе не рыба?

Вы разве не замечаете, что я разговариваю и думаю точно так же, как вы?

— Это совершенно правильно, — подтвердил рыбак. — И поскольку я вижу, что ты рыба, которая имеет счастье разговаривать и думать так же, как я, я хочу воздать тебе честь, какую ты заслужил.

— А что это за честь?

— В знак моей дружбы и особого почтения ты можешь самолично выбрать способ своего

приготовления.

Хочешь ты быть изжаренным на сковородке или лучше сварить тебя в горшке, в томатном соусе?

— Чтобы быть честным до конца, — ответил Пиноккио, — скажу вам, что, если за мной право выбора, тогда лучше всего освободите меня, и я вернусь домой.

— Вероятно, это шутка?

Неужели ты думаешь, что я упущу возможность отведать столь редкой рыбы?

Рыба из семейства Деревянных Человечков появляется в этих водах не каждый день.

Позволь мне сделать так: я тебя изжарю вместе со всеми другими рыбами на сковородке, и ты будешь доволен.

Быть изжаренным в компании всегда приятно.

При этом известии несчастный Пиноккио начал плакать, выть и молить о пощаде.

Он сказал со слезами:

— Ах, если бы я пошел в школу... Но я поддался на уговоры моих товарищей и теперь наказан.

У-у-у, у-у-у!..

И так как он начал извиваться, как угорь, и делать всяческие усилия, чтобы освободиться от лап Зеленого Рыбака, последний взял пучок крепчайшего камыша, связал Пиноккио по рукам и ногам, словно колбасу, и бросил его в горшок к другим рыбам.

Затем он достал громадную деревянную тарелку с мукой и высыпал в нее всю рыбу.

И, обвалявшись в муке, рыбины тут же перекочевывали на сковородку.

Первыми поплыли в кипящем масле бедные краснобородки, за ними последовали маленькие окуньки, потом треска, кефаль и сардинки.

Наконец подошла очередь Пиноккио.

Увидев смерть перед глазами (и притом столь отвратительную смерть!), он пришел в такой ужас, что не мог вымолвить ни слова.

Только взгляд бедняги молил о снисхождении.

Но Зеленый Рыбак не обращал на это никакого внимания. Он вывалял Пиноккио пять или шесть раз в муке, покуда тот не стал белый сверху донизу, словно гипсовая кукла.

Затем ухватил его за голову и...

29. ПИНОККИО ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ДОМ ФЕИ, КОТОРАЯ ОБЕЩАЕТ ЕМУ, ЧТО, НАЧИНАЯ С ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ, ОН НЕ БУДЕТ БОЛЬШЕ ДЕРЕВЯННЫМ ЧЕЛОВЕЧКОМ, А СТАНЕТ МАЛЬЧИКОМ. БОЛЬШОЙ ПРИЕМ В ЧЕСТЬ ЭТОГО ВАЖНОГО СОБЫТИЯ

В тот момент, когда рыбак собирался бросить Пиноккио на сковородку, в пещеру вошла большая собака, которую сюда привлек сильный запах жареного.

— Пошла вон! — прикрикнул на нее рыбак, все еще держа Пиноккио в руке, и замахнулся на собаку.

Но бедная собака испытывала страшный голод, визжала и виляла хвостом, словно говоря:

«Дай мне чуточку жареной рыбы, и я оставлю тебя в покое».

— Пошла вон! — повторил рыбак и приготовился дать ей пинка.

Но собака не привыкла, чтобы с ней так обращались. Она оскалила зубы и показала рыбаку страшную пасть.

Тут в пещере раздался слабенький-слабенький голосок:

— Спаси меня, Алидоро! Если ты меня не спасешь, я пропал!

Собака сразу же узнала голос Пиноккио и, к своему величайшему удивлению, обнаружила, что этот голосок раздается из мучного кома, находящегося в руке у рыбака.

Что же она сделала?

Она подпрыгнула, схватила мучной ком, осторожно взяла его в зубы и выбежала из пещеры с быстротой молнии.

Рыбак пришел в страшнейшую ярость от того, что у него украли рыбу, которую он так мечтал съесть. Он бросился вслед за собакой, но, сделав несколько шагов, сильно закашлялся и вынужден был вернуться.

А Алидоро в это время уже находился на тропе, ведущей в деревню. Там он остановился и осторожно положил Пиноккио на землю.

— Как мне тебя отблагодарить? — сказал Пиноккио.

— Не требуется, — ответила собака.

— Ты меня спас однажды, а никакой поступок не остается без награды.

Известно, что все на свете должны помогать друг другу.

— Как ты попал в пещеру?

— Я все еще лежал распростертый на морском берегу, как вдруг ветер принес прелестный запах жареной рыбы.

Этот запах раздражил мой аппетит и привлек меня туда.

Если бы я пришел минутой позже...

— Ни слова больше! — вскричал Пиноккио, снова вспотев от ужаса, — ни слова больше!

Если бы ты пришел на одну минуту позже, я бы теперь был изжарен, проглочен и съеден.

Брр!..

Меня дрожь пробирает, когда я об этом только подумаю!

Алидоро со смехом протянул Деревянному Человечку свою правую переднюю лапу, и он ее крепко пожал в знак истинной дружбы.

После чего они расстались. Собака пошла домой, а Пиноккио, оставшись снова в одиночестве, пустился к видневшейся поблизости хижине и обратился к старику, сидевшему на солнцепеке около двери:

— Скажите, почтеннейший, не слышали ли вы о некоем бедном мальчике, раненном в голову, по имени Эдженио?

— Этого мальчика рыбаки принесли в хижину, и теперь...

— Теперь он умер?.. — прервал его Пиноккио горестно.

— Нет. Теперь он жив и находится у себя дома.

— Правда?

Правда? — воскликнул Деревянный Человечек и от радости перекувырнулся в воздухе.

— Значит, это была не смертельная рана?

— Она могла бы быть очень серьезной и даже смертельной, — ответил старик, — так как удар в голову был нанесен большой книгой, переплетенной в толстый картон.

— А кто бросил в него книгой?

— Один из его школьных товарищей, некий Пиноккио.

— А кто он, этот Пиноккио? — спросил Деревянный Человечек, притворившись дурачком.

— Говорят, что дрянь, лодырь, весьма опасный тип.

— Клевета, чистая клевета!

— А ты знаешь этого Пиноккио?

— Видел его мельком, — ответил Деревянный Человечек.

— И что ты о нем думаешь? — осведомился старик.

— Я считаю, что он хороший парень, прилежный, послушный и очень любит своего отца и всю свою семью...

Высказывая все это вранье без всякого стеснения, Деревянный Человечек потрогал свой нос и заметил, что он стал длиннее на дюйм.

Тогда он испугался и стал кричать:

— Не верьте, почтеннейший, всему хорошему, что я рассказал вам о нем!

Я знаю Пиноккио очень хорошо и могу вас заверить, что он действительно дрянной парень, невоспитанный бездельник, который отправился буяннить со своими товарищами, вместо того чтобы идти в школу.

Как только он это произнес, его нос стал заметно короче.

— А почему ты такой белый? — неожиданно спросил старик.

— Видите ли... это, собственно говоря, было так, что я по ошибке прислонился к свежесмытой стене, — ответил Деревянный Человечек. Он постыдился сознаться в том, что его, как рыбу, вывалили в муку, чтобы затем изжарить на сковороде.

— А что ты сделал со своей курткой, штанами и колпаком?

— По дороге я встретил воров, которые меня ограбили... Скажите, добрый старец, нет ли у вас случайно какой-нибудь одежды для меня, чтобы я мог дойти до дому?

— Дитя мое, из одежды я имею только мешочек, в котором храню бобы.

Если хочешь, можешь его взять.

Вон он лежит.

Пиноккио не заставил себя просить дважды.

Он поспешно взял пустой мешочек, вырезал ножницами внизу и с обеих сторон небольшие дырки и надел на себя как рубаху.

И в этом убогом одеянии повернул к деревне.

Однако по дороге его начала мучить совесть.

Он делал один шаг вперед, один назад и говорил, обращаясь к самому себе:

— Как я могу показаться на глаза моей доброй Фее?

Что она скажет, увидев меня таким?..

Простит ли она во второй раз мою вину?..

Нет, определенно не простит, нет, не простит!

И это будет правильно, потому что я никудышный парень.

Я только и делаю, что обещаю стать лучше, но не держу слова!

Когда он достиг деревни, была уже темная ночь.

Погода испортилась, дождь лил потоками, но Пиноккио шел прямо к дому Феи в полной решимости постучаться и войти.

Однако перед самым домом ему изменило мужество, и, вместо того чтобы постучаться, он снова отошел шагов на двадцать назад.

И опять подошел к двери, и снова ему не хватило мужества.

То же самое случилось и в третий раз.

В четвертый раз он наконец с дрожью взялся за дверной молоток и постучал один раз, только очень тихо.

Он ждал, ждал, и наконец через полчаса осветилось одно окно в верхнем этаже (дом имел четыре этажа), и Пиноккио увидел, что оттуда высунулась большая Улитка с горящей свечкой на голове.

Она спросила: — Кто стучится так поздно?

— Фея дома? — спросил Деревянный Человечек.

— Фея спит и просила, чтобы ее не будили.

А кто ты такой?

— Я.

— Кто — я?

— Пиноккио.

— Кто такой Пиноккио?

— Деревянный Человечек, который живет у Феи.

— Ах, теперь я знаю, — сказала Улитка.

— Я сейчас же сойду и открою тебе.

— Быстрее, пожалуйста, иначе я могу умереть от холода!

— Мой мальчик, я Улитка, а улитки никогда не спешат.

Прошел час, прошло два часа, а дверь все не открывалась.

Пиноккио, дрожавший от холода и от страха, осмелел и постучал громче.

После второго стука открылось окно на третьем этаже и показалась та же самая Улитка.

— Моя милая Улиточка, — крикнул Пиноккио с улицы, — я уже жду два часа!

А два часа при такой погоде кажутся длиннее, чем два года.

Пожалуйста, скорее!

— Мой мальчик, — ответила Улитка, полная спокойствия и хладнокровия, — мой мальчик, я Улитка, а улитки никогда не спешат.

И окно снова закрылось.

Сразу после этого пробило полночь, затем час ночи, затем два часа, а дверь все еще оставалась запертой.

Пиноккио потерял терпение. Он в сердцах схватил дверной молоток и приготовился стукнуть так сильно, чтобы весь дом задрожал.

Но железный дверной молоток вдруг превратился в живого угря, выскользнул у него из рук и исчез в водосточной канаве.

— Ага! — вскричал Пиноккио свирепея.

— Раз дверной молоток исчез, я буду стучать ногами!

И он отступил назад, разогнался и стукнул ногой в дверь изо всех сил.

Удар был настолько силен, что полноги проникло в дерево.

Деревянный Человечек попытался вырвать ногу, но это оказалось невозможным.

Нога сидела крепко, как гвоздь.

Представьте себе положение бедного Пиноккио!

Он был вынужден всю ночь напролет стоять одной ногой на земле, другая же торчала в двери.

Когда наступил день, дверь наконец открылась.

Улитке, доброй душе, понадобилось всего лишь девять часов, чтобы спуститься с четвертого этажа к парадной двери.

И надо сказать, это потребовало от нее огромных усилий!

— Что ты там делаешь ногой в двери? — спросила она Деревянного Человечка и засмеялась.

— Случилось несчастье.

Попробуйте, пожалуйста, многоуважаемая Улиточка, может быть, вы сумеете меня освободить от этой пытки...

— Дитя мое, это сможет сделать только столяр, а я еще никогда до сих пор не столярничала.

— Попросите Фею от моего имени...

— Фея спит и просила ее не будить.

— Но что же мне делать? Неужели я весь день останусь защемленным в двери?

— Займись чем-нибудь. Ну, хотя бы считай муравьев, ползающих по улице.

— Принесите мне, по крайней мере, чего-нибудь поесть, я совсем ослабел.

— Сию минуту! — пообещала Улитка.

И действительно, Пиноккио увидел ее спустя три с половиной часа с серебряным подносом на голове.

На подносе лежали буханка хлеба, курица и четыре спелых абрикоса.

— Это завтрак, который послан вам Феей, — сказала Улитка.

При виде всей этой роскоши Пиноккио почувствовал, что на сердце у него потеплело.

Но каково же было его разочарование, когда, приступив к еде, он обнаружил, что хлеб сделан из гипса, курица — из картона, а абрикосы — из алебаstra, и все это выглядело как настоящее!

Он был готов заплакать от досады и выкинуть вон поднос со всем, что на нем лежало. Но до этого дело не дошло.

От больших ли страданий или от большой пустоты в желудке, — во всяком случае, он потерял сознание.

Когда же он опамятовался, то увидел, что лежит на диване, а Фея стоит возле него.

— И на этот раз я тебя прощаю, — сказала Фея, — но горе тебе, если ты еще раз позволишь себе подобные штучки.

Пиноккио обещал и клялся, что он будет учиться и всегда хорошо вести себя.

И он сдержал свое слово до конца года.

На экзаменах, перед каникулами, он был даже отмечен как лучший ученик во всей школе. И его поведение было, в общем, столь похвально, что Фея на радостях сказала ему:

— Завтра я наконец исполню твое желание.

— То есть?

— Завтра ты уже не будешь Деревянным Человечком, а станешь самым настоящим мальчиком.

Радость Пиноккио при этом известии невозможно описать.

Все его друзья и школьные товарищи были приглашены в ближайший день на торжественный прием в дом Феи.

Фея обещала сварить двести чашек кофе с молоком и испечь четыреста хлебцев, причем намазать их маслом с обеих сторон.

Этот день обещал стать замечательным и веселым днем, но...

К сожалению, в жизни деревянных человечков всегда имеется «но», которое все опрокидывает вверх дном.

30. ВМЕСТО ТОГО ЧТОБЫ СТАТЬ МАЛЬЧИКОМ, ПИНОККИО ОТПРАВЛЯЕТСЯ СО СВОИМ ДРУГОМ ФИТИЛЕМ В СТРАНУ РАЗВЛЕЧЕНИЙ

Разумеется, Пиноккио попросил Фею, чтобы она разрешила ему пойти в город и пригласить всех товарищей. И Фея разрешила ему это и сказала:

— Иди и пригласи своих товарищей на завтра, но помни, что тебе следует вернуться домой прежде, чем стемнеет.

Ты понял?

— Я обещаю вернуться не позже чем через час, — ответил Деревянный Человечек.

— Будь осторожен, Пиноккио!

Дети легко дают обещания и часто нарушают их.

— Но ведь я не такой, как другие.

Если я что-нибудь обещаю, то это железно.

— Посмотрим.

Если ты будешь непослушным, то только себе же во вред.

— Почему?

— Потому что все дети, которые не слушаются советов людей, знающих больше, чем они сами, всегда попадают в беду.

— Это я испытал в достаточной мере, — сказал Пиноккио. — Теперь я уже больше не попадусь.

— Посмотрим, правду ли ты говоришь.

Не тратя больше слов, Пиноккио простился с доброй Феей, заменившей ему мать, и, свистя и подпрыгивая, вышел из дому.

Прошло не больше часа, и все его друзья были приглашены.

Одни принимали приглашение с большой радостью, другие заставляли себя немножко просить, но, когда узнавали, что хлебцы для обмакивания в кофе с молоком будут намазаны маслом с обеих сторон, они тоже говорили все без исключения:

— Мы придем, чтобы доставить тебе удовольствие.

Среди всех своих школьных товарищей Пиноккио считал одного особенно близким другом.

Его звали Ромео, но он имел прозвище Фитиль. Это был худенький, слабенький, бледненький человечек, выглядевший как новый фитиль в восковой свечке.

Фитиль был самый ленивый и бесстыдный мальчишка во всей школе, но Пиноккио его безумно любил.

И вот он пошел к нему, чтобы и его пригласить, но не застал дома.

Он зашел во второй и в третий раз, и все напрасно.

Где его искать?

Пиноккио обшарил все тайники и лазейки и наконец обнаружил Фитиля в крытом дворе одного крестьянского дома.

— Что ты тут делаешь? — спросил Пиноккио.

— Я жду полуночи, чтобы отправиться в путешествие.

— Куда?

— Далеко, далеко, далеко.

— А я три раза был у тебя дома и искал тебя!..

— А что ты от меня хотел?

— Ты разве не знаешь великую новость?

Ты не знаешь, какое большое счастье меня ожидает?

— Какое?

— С завтрашнего дня я больше не буду Деревянным Человечком, а стану настоящим мальчиком, как ты и все другие.

— Что ж, поздравляю.

— Значит, жду тебя завтра к празднику.

— Я ведь сказал тебе, что сегодня ночью я отбываю.

— В котором часу?

— Скоро.

— А куда?

— Я отправляюсь в страну... в прекраснейшую страну на свете — в настоящую страну блаженства и безделья!

— А как называется эта страна?

— Она называется Страна Развлечений.

Поедешь со мной?

— Нет, я-то не поеду.

— Это зря, Пиноккио!

Поверь мне, ты пожалеешь, что не поехал.

Для нас, мальчишек, не может быть лучшей страны.

Там нет ни школ, ни учителей, ни книг.

Там не надо учиться.

В четверг там выходной день, неделя же состоит из шести четвергов и одного воскресенья.

Представь себе, осенние каникулы начинаются там первого января и кончаются тридцать первого декабря.

Вот это страна по моему вкусу.

Так должно быть во всех цивилизованных странах!

— Чем же занимаются все-таки в Стране Развлечений?

— Играми и забавами с утра до вечера.

Вечером ложатся спать, а на следующий день все сначала.

Что ты на это скажешь?

— Гм! — произнес Пиноккио и закивал головой, что должно было означать:

«Такую жизнь и я не прочь был бы вести!»

— Итак, пойдешь со мной?

Да или нет?

Решайся!

— Нет, нет и еще раз нет!

Я обещал моей доброй Фее стать хорошим мальчиком, и я исполню свое обещание.

Кстати, солнце уже заходит. Я должен возвращаться домой.

Итак, будь здоров, счастливого пути!

— Куда ты спешишь?

— Домой.

Моя добрая Фея просила, чтобы я был дома до наступления ночи.

— Подожди еще минуты две.

— Я опоздаю.

— Только две минуты.

— Но Фея будет меня бранить!

— Пусть бранится.

Набравшись вдоволь, она успокоится, — сказал сей отвратительный Фитиль.

— А как ты будешь путешествовать? Один или с кем-нибудь?

— Один?

Да нас больше ста мальчишек.

— Вы идете пешком?

— Сейчас тут проследует фургон, который захватит меня и повезет в прекрасную страну.

— Я бы много дал за то, чтобы фургон появился немедленно!

— Почему?

— Хочу посмотреть, как вы будете отъезжать.

— Подожди немного, и ты увидишь.

— Нет, нет.

Я пойду домой.

— Всего только две минуты!

— Я и так слишком задержался.

Фея будет беспокоиться.

— Бедная Фея!

Может быть, ты боишься, что тебя летучие мыши съедят?

— А ты совершенно уверен в том, — осведомился Пиноккио, — что в той стране действительно нет никаких школ?

— Даже намека на школу!

— И никаких учителей?

— Ни единого!

— И там не надо учиться?

— Ни-ни!

— Какая замечательная страна! — воскликнул Пиноккио, и у него даже слюнки потекли.

— Какая замечательная страна!

Хотя я там никогда не был, но я могу себе представить.

— Почему бы тебе не отправиться с нами?

— Не воображай, что ты можешь меня уговорить!

Теперь я уже обещал моей доброй Фее стать хорошим мальчиком, а я свои слова не бросаю на ветер.

— Ну что ж, тогда прощай! И передай от меня тысячу приветов школам, гимназиям и реальным училищам, если ты по дороге их встретишь!

— Прощай, Фитиль!

Счастливого пути, многих удовольствий и думай иногда о своих друзьях!

После этих слов Деревянный Человечек направился к дому.

Однако, сделав два шага, он опять остановился, обернулся к своему другу и спросил:

— Но ты действительно уверен в том, что в той стране каждая неделя состоит из шести четвергов и одного воскресенья?

— Совершенно уверен.

— И ты действительно совершенно уверен в том, что осенние каникулы начинаются первого января и кончаются тридцать первого декабря?

— Совершенно убежден!

— Какая замечательная страна! — сказал Пиноккио еще раз и сплюнул от удовольствия.

Потом он сказал с твердой решимостью и очень быстро: — Итак, прощай!

Доброго пути!

— Прощай.

— Когда вы отъезжаете?

— Немедленно.

— Жаль!

Если бы до отъезда оставался час, я бы, пожалуй, решился подождать.

— А Фея?..

— Теперь все равно слишком поздно... Какая разница, вернусь я домой на час раньше или позже.

— Бедный Пиноккио!

А если Фея тебя будет ругать?

— Пусть ругает.

Наругавшись вдоволь, она успокоится.

Между тем наступила ночь, непроглядная ночь.

И тут они увидели, как вдали запрыгал огонек, и услышали звон колокольцев и дальний мелодичный звук трубы.

— Это он! — вскричал Фитиль и вскочил на ноги.

— Кто? — прошептал Пиноккио.

— Фургон, на котором я поеду.

Поедешь со мной или нет?

— И это действительно правда, — спросил Деревянный Человечек, — что в той стране вообще не надо учиться?

— Ни-ни-ни!

— Какая замечательная страна, какая замечательная страна, какая замечательная страна!

31. ПОСЛЕ ПЯТИ МЕСЯЦЕВ БЛАЖЕННОГО БЕЗДЕЛЬЯ ПИНОККИО ЗАМЕЧАЕТ, К СВОЕМУ ВЕЛИКОМУ ИЗУМЛЕНИЮ, ЧТО...

Наконец фургон приблизился, причем совершенно бесшумно, так как его колеса были обернуты паклей и ветошью.

Фургон тащили двенадцать упряжек маленьких ослов, все одного роста, хотя и различной окраски.

Некоторые были серые, другие — белые, третьи — в крапинку, словно осыпанные перцем и солью, а четвертые — в синюю и желтую полоску.

Но самое удивительное было то, что на ногах у всех двадцати четырех осликов были не подковы, как у других вьючных животных, а белые кожаные сапожки, как у людей.

Кто же был кучером этого фургона?

Представьте себе господинчика, толстенького, кругленького и мягонького, как масляный шар, с

лицом, похожим на розовое яблочко, с ротиком, непрерывно смеющимся, и с тоненьким льстивым голоском, похожим на голосок кота, выпрашивающего что-то вкусненькое у своей хозяйки.

Все мальчишки при виде его бывали очарованы и взапуски лезли в его фургон, с тем чтобы он их отвез в ту истинно блаженную страну, которая обозначена на географической карте под манящим названием Страна Развлечений.

И действительно, фургон был уже полон мальчишек от восьми до двенадцати лет. Он был набит ими, как бочка селедками.

Мальчишкам было так тесно и неудобно, что они еле дышали, но никто из них не кричал «ой» и никто не жаловался.

Прекрасная надежда через несколько часов очутиться в стране, где нет ни книг, ни школ, ни учителей, делала их такими счастливыми и довольными, что они уже не боялись никаких усилий и тягот, не хотели ни есть, ни пить, ни спать.

Как только фургон остановился. Господинчик, бесконечно кривляясь и выламываясь, обратился к Фитилю с улыбкой:

— Скажи мне, мой красавец, ты тоже хочешь отправиться с нами в счастливую страну?

— Конечно, хочу.

— Но я должен обратить твое внимание, мой красавчик, на то, что в фургоне нет места.

Как видишь, он переполнен.

— Неважно, — возразил Фитиль, — раз в фургоне нет места, я усядусь на дышло.

И, подпрыгнув, он очутился на дышле.

— А ты, родненький, — льстиво обратился Господинчик к Пиноккио, — что нужно тебе?

Поедешь с нами или останешься здесь?

— Я останусь, — ответил Пиноккио.

— Я пойду домой. Я хочу заниматься и делать успехи в школе, как все другие приличные ребята.

— Бог в помощь!

— Пиноккио, — вмешался Фитиль, — послушай меня, поезжай с нами, и мы весело заживем.

— Нет, нет, нет!

— Поезжай с нами, и мы весело заживем! — крикнули четыре голоса из фургона.

— Поезжай с нами, и мы весело заживем! — подхватили все сто голосов.

— А если я с вами поеду, что тогда скажет моя добрая Фея? — спросил Деревянный Человечек, начиная колебаться.

— Зачем тебе думать об этом!

Лучше думай о том, что мы едем в страну, где будем бегать без дела с утра до вечера.

Пиноккио ничего не ответил, только вздохнул. Потом он вздохнул еще раз и еще раз.

И после третьего вздоха он наконец сказал:

— Раздвиньтесь немного.

Я тоже поеду.

— Места все заняты, — ответил Господинчик, — но, чтобы ты видел, как мы тебе рады, я могу уступить тебе свое кучерское место.

— А вы?

— Я пойду пешком рядом с фургоном.

— Нет, этого я не могу допустить, я лучше сяду к одному из этих осликов на спину, — возразил Пиноккио.

И он сразу же подошел к ослику — это был правый ослик в первой упряжке — и попытался прыгнуть ему на спину.

Но милое животное внезапно обернулось и с такой силой ударило его мордой в живот, что Пиноккио грохнулся на землю и задрогал ногами.

Можете себе представить оглушительный хохот мальчишек, когда они это увидели.

Но Господинчик не смеялся.

Он тут же подошел к строптивому ослику, притворился, что целует его, но при этом в наказание откусил ему половину правого уха.

Между тем Пиноккио, разъяренный, вскочил на ноги и ловко прыгнул бедному животному прямо на спину.

И прыжок был такой точный и красивый, что мальчишки перестали смеяться и воскликнули:

«Да здравствует Пиноккио!» — и разразились нескончаемыми аплодисментами.

Вдруг ослик поднял задние ноги и отшвырнул Деревянного Человечка на дорогу, прямо на кучу щебня.

Тут снова раздался невероятный хохот.

Но Господинчик не рассмеялся, а преисполнился такой любви к беспокойному ослику, что вместе с поцелуем откусил ему половину и левого уха.

Потом он сказал Деревянному Человечку: — Садись снова и не бойся.

Этот ослик не без причуд. Но я ему шепнул одно словечко и надеюсь, что теперь он будет сдержанный и смиренный.

Пиноккио уселся. Тронулись.

Но в то время как ослики бежали галопом и фургон тарыхтел по камням мостовой. Деревянному Человечку послышался тихий, чуть внятный голос, сказавший ему:

— Бедный дурень, ты сделал по-своему, и ты пожалеешь об этом!

Пиноккио, испуганный, осмотрелся по сторонам, не понимая, кто произнес эти слова.

Но он никого не увидел: ослики бежали галопом, фургон катился полным ходом, мальчишки в карете спали. Фитиль храпел, как сурок, а Господинчик на облучке напевал про себя: В ночное время дрыхнут все, Лишь я, лишь я не сплю...

Когда они проехали еще с полкилометра, Пиноккио снова услышал тот же тихий голосок, сказавший ему:

— Имей в виду, болван!

Мальчики, бросившие учение и отвернувшиеся от книг, школ, учителей, чтобы удовольствоваться только игрой и развлечениями, плохо кончают... Я это знаю по собственному опыту... и могу тебе это сказать.

В один прекрасный день ты тоже будешь плакать, как я теперь плачу... но тогда будет слишком поздно.

При этих словах, похожих больше на шелест листьев, нежели на человеческую речь, Деревянный Человек страшно испугался, спрыгнул со спины ослика и схватил его за морду.

Представьте себе его изумление, когда он заметил, что ослик плачет... плачет, как маленький мальчик.

— Эй, синьор Господинчик! — позвал Пиноккио хозяина фургона.

— Вы знаете новость?

Этот ослик плачет!

— Пусть плачет.

Придет время — зарыдает.

— Но неужели вы научили его разговаривать?

— Нет. Он сам научился произносить несколько слов, так как в продолжение трех лет жил в компании дрессированных собак.

— Бедное животное!

— Живей, живей, — заторопил его Господинчик, — мы не можем транжирить свое время на то, чтобы смотреть, как плачет осел.

Садись, и поехали!

Ночь прохладна, и путь далек.

Пиноккио безропотно подчинился.

Фургон снова тронулся, и на рассвете они благополучно достигли Страны Развлечений.

Эта страна не была похожа ни на одну другую страну в мире.

Ее население состояло исключительно из детей.

Самым старшим было четырнадцать лет, а самым младшим — восемь.

На улицах царило такое веселье, такой шум и гам, что можно было сойти с ума.

Всюду бродили целые стаи бездельников.

Они играли в орехи, в камушки, в мяч, ездили на велосипедах, гарцевали на деревянных лошадках, играли в жмурки, гонялись друг за другом, бегали переодетые в клоунов, глотали горящую паклю, декламировали, пели, кувыркались, стреляли, ходили на руках, гоняли обручи, разгуливали, как генералы, с бумажными шлемами и картонными мечами, смеялись, кричали, орали, хлопали в

ладоши, свистели и кудахтали.

Короче говоря, здесь царила такая адская трескотня, что надо было уши заткнуть ватой, чтобы не оглохнуть.

На всех площадях стояли небольшие балаганы, с утра до ночи переполненные детьми, а на стенах всех домов можно было прочесть самые необыкновенные вещи, написанные углем, как например: «Да здравствуют игрушки!», «Мы не хотим в школу!», «Долой арифметику!».

Пиноккио, Фитиль и остальные ребята, приехавшие с Господинчиком, только успели вступить в город, как сразу же кинулись в самое средоточие сутолоки и через несколько минут, как вы можете легко догадаться, стали закадычными друзьями всех других детей.

Кто еще чувствовал себя счастливее и довольнее их!

В таких разнообразных развлечениях и забавах часы, дни и недели пролетали, как сон.

— Ах, какая прекрасная житуха! — говорил Пиноккио каждый раз, когда случайно встречал Фитиля.

— Теперь ты видишь, что я был прав! — отвечал Фитиль.

— А ты не хотел ехать с нами!

А ты хотел обязательно идти домой к своей Фее и тратить время на учение!..

Если ты на сегодняшний день избавлен от тупоумных книг и школ, ты должен благодарить меня, мои советы и усилия!

Ты это понимаешь?

Только настоящий друг способен оказать такую услугу!

— Это правда. Фитиль.

Если я на сегодняшний день действительно счастливый мальчик, то это только твоя заслуга.

А знаешь, что мне говорил учитель про тебя? Он мне всегда говорил:

«Не водись с этим бродягой!

Фитиль плохой товарищ и к добру тебя не приведет».

— Бедный учитель! — покачал головой Фитиль.

— Я слишком хорошо знаю, что он меня терпеть не мог и говорил про меня всякие гадости.

Но я великодушен и прощаю ему это.

— Ты благородный человек! — воскликнул Пиноккио, сердечно обнял своего друга и поцеловал его в лоб.

Такое беспечальное житье, с играми и болтовней с утра до вечера, без лицемерия хотя бы одной книги или школы, продолжалось уже полных пять месяцев, когда Пиноккио, проснувшись однажды утром, был неприятно поражен событием, основательно испортившим ему настроение...

32

У ПИНОККИО ВЫРАСТАЮТ ОСЛИНЫЕ УШИ, А ЗАТЕМ ОН ПРЕВРАЩАЕТСЯ В НАСТОЯЩЕГО ОСЛА И НАЧИНАЕТ РЕВЕТЬ ПО-ОСЛИНОМУ

Какое же это было событие?

Я вам сейчас расскажу, мои дорогие маленькие читатели.

Когда Пиноккио однажды утром проснулся, у него зачесалась голова, и он начал чесаться. И, когда он начал чесаться, он заметил...

Как вы думаете, что он заметил?

К своему величайшему удивлению, он заметил, что его уши стали длиннее на целую ладонь.

Вы знаете, что Деревянный Человечек от рождения имел совсем-совсем маленькие уши, такие, что невооруженным глазом их вообще нельзя было увидеть.

Стало быть, можете себе представить, что он почувствовал, когда обнаружил, что его уши за ночь стали длинные, как две метелки.

Он тотчас же начал искать зеркало, чтобы посмотреть, в чем дело. Не найдя зеркала, он налил в миску воды и увидел в ней такое отражение, что не приведи господь: он увидел собственную голову, украшенную парой первоклассных ослиных ушей.

Вы можете вообразить горе, стыд и отчаяние бедного Пиноккио.

Он плакал, дрожал, бился головой о стенку. Но, чем больше он отчаивался, тем длиннее становились его уши, и вскоре их кончики даже покрылись волосами.

Его пронзительные крики привлекли внимание милого маленького Сурка, который жил на верхнем этаже.

Сурок прибежал и, увидев Деревянного Человечка в таком состоянии, заботливо спросил:

— Что с тобой приключилось, дорогой сосед?

— Я болен, милый Сурок, я очень болен... У меня такая болезнь, которая приводит меня в ужас.

Ты умеешь щупать пульс?

— Немножко.

— Тогда пощупай, пожалуйста, не лихорадка ли у меня.

Сурок поднял свою правую переднюю лапку, пощупал у Пиноккио пульс и, вздыхая, сказал:

— Мой дорогой друг, я должен, к сожалению, сделать тебе неприятное сообщение.

— А именно?

— У тебя тяжелая лихорадка.

— И что это за лихорадка?

— Это ослиная лихорадка.

— Не понимаю, — ответил Пиноккио, который, однако, все очень хорошо понял.

— Тогда я тебе объясню, — продолжал Сурок.

— Да будет тебе известно, что ты через два или три часа не будешь больше Деревянным Человечком, а также не будешь мальчиком...

— Кем же я буду?

— Через два или три часа ты станешь настоящим ослом, таким, как те, которых запрягают в повозку и которые возят на базар капусту и салат.

— Ах я несчастный!

Ах я несчастный! — воскликнул Пиноккио в отчаянии, схватил свои оба уха руками и стал их яростно рвать и терзать, как будто это были чужие уши.

— Мой милый, — попытался утешить его Сурок, — что поделаешь!

Это определено судьбой.

Ибо написано в книгах мудрости, что все ленивые мальчишки, которые отвернулись от книг и учителей и проводят свои дни только в играх и развлечениях, раньше или позже должны стать ослами, все без исключения.

— И это действительно так? — зарыдал Деревянный Человечек.

— К сожалению, это действительно так.

И напрасны все стенания.

Надо было раньше об этом думать.

— Но я не виноват!

Поверь мне. Сурок, виноват один Фитиль.

— А кто это — Фитиль?

— Мой школьный товарищ.

Я хотел вернуться домой, хотел стать послушным, хотел продолжать учение, хотел делать успехи... но Фитиль сказал:

«Зачем тебе нужно забивать себе голову учением?

К чему тебе школа?

Лучше идем со мной в Страну Развлечений!

Там мы не будем больше учиться, мы с утра до вечера будем прохлаждаться и забавляться!»

— А почему ты послушался совета этого неверного и плохого друга?

— Почему?..

Мой дорогой Сурок, потому что я Деревянный Человечек, лишенный разума... и сердца.

Ах, если бы у меня было хоть немножко сердца, я бы не убежал от моей доброй Феи, которая меня любила, как мать, и так много сделала для меня!..

Я бы теперь уже был не Деревянным Человечком, а настоящим мальчиком, как другие.

Попадись мне теперь этот Фитиль, он у меня получит! Я ему задам перцу!

И он бросился к выходу.

Но на пороге вспомнил о своих ослиных ушах, и ему стало страшно появиться в таком виде перед честным народом. Что же он сделал?

Он взял большой фланелевый колпак и надел себе на голову, нахлобучив его до самого носа.

Затем он пошел искать Фитиля. Он искал его на улицах и площадях, в маленьких театральных балаганах, одним словом — везде. Но не нашел его.

Каждого встречного он спрашивал о нем, но никто не видел Фитиля.

Тогда он пошел к нему домой и постучал в дверь.

— Кто там? — спросил Фитиль за дверью.

— Это я, — ответил Деревянный Человечек.

— Подожди одну минутку, я тебе сейчас открою.

Через полчаса дверь открылась.

И представьте себе изумление Пиноккио, когда он увидел Фитиля в большом фланелевом колпаке, натянутом по самый нос!

При виде этого колпака Пиноккио почувствовал некоторое удовольствие и сразу же подумал:

«Не болен ли мой друг той же болезнью, что и я?

Не ослиная ли у него лихорадка?»

Но он притворился, что ничего не замечает, и, улыбаясь, спросил:

— Как твои делишки, мой дорогой Фитиль?

— Все отлично.

Чувствую себя, как мышь в швейцарском сыре.

— Ты это говоришь серьезно?

— Зачем мне врать?

— Прости, дружище, для чего ты надел на голову фланелевый колпак, закрывающий твои уши?

— Это мне врач прописал, потому что я сильно стукнул себе коленку.

А ты, дорогой Деревянный Человечек, почему ты натянул себе на нос этот фланелевый колпак?

— По предписанию врача, так как я сильно ударил себе пятку.

— Ах, бедный Пиноккио!

— Ах, бедный Фитиль!

После этих слов последовало долгое-предолгое молчание, в течение которого оба приятеля с насмешкой оглядывали друг друга.

Наконец Пиноккио пропел медовым голоском:

— Скажи мне, мой милый Фитиль, ты никогда еще не болел ушной болезнью?

— Я? Нет!..

А ты?

— Никогда!

Но вот сегодня одно мое ухо очень меня беспокоило.

— И у меня то же самое.

— И у тебя тоже?

А какое ухо у тебя болит?

— Оба.

А у тебя?

— Оба.

Значит, у нас одна и та же неприятность?

— Боюсь, что да.

— Сделай мне одно одолжение. Фитиль...

— Охотно.

От всей души!

— Не покажешь ли ты мне свои уши?

— Почему бы нет?

Но сначала я хочу увидеть твои, милый Пиноккио.

— Нет, сначала ты покажи свои.

— Нет, дорогуша!

Сначала ты, а потом я.

— Ну ладно, — сказал Деревянный Человечек, — в таком случае, заключим дружественный договор.

— Прощу огласить этот договор.

— Мы оба одновременно снимаем наши колпаки.

Согласен?

— Согласен.

— Итак, внимание!

— И Пиноккио крикнул громким голосом: — Раз!

Два!

Три!

По счету «три» оба мальчика сорвали с головы колпаки и подбросили их в воздух.

И тогда случилось нечто такое, во что нельзя было бы поверить, если бы это не было правдой.

А именно: случилось то, что Пиноккио и Фитиль вовсе не были охвачены горем и стыдом, когда увидели, что больны одной и той же болезнью, — напротив, они стали подмигивать друг другу и после многочисленных прыжков и гримас разразились неудержимым хохотом.

И так хохотали до упаду.

Но вдруг Фитиль замолчал, начал шататься, побледнел и крикнул своему другу:

— Помоги, помоги, Пиноккио!

— Что с тобой?

— Ой, я не могу прямо стоять на ногах!

— Я тоже не могу! — воскликнул Пиноккио, заплакал и зашатался.

И при этих словах они оба опустились на четвереньки и начали бегать по комнате на руках и ногах.

И, в то время как они так бегали, их руки превратились в ноги, лица вытянулись и стали мордами, а тела их покрылись светло-серой, усеянной черными крапинками шерстью.

Но знаете ли вы, какое мгновение было самым ужасным для обоих несчастных?

Мгновение, когда они заметили, что у них сзади выросли хвосты.

Охваченные горем и стыдом, они стали плакать и жаловаться на свою судьбу.

Лучше бы они промолчали! Ибо вместо плача и жалоб из их глоток раздался ослиный рев. И, громко ревя, они произнесли согласно, как дуэт:

— И-а, и-а, и-а!

В этот момент раздался стук в дверь, и с улицы послышался голос:

— Откройте!

Я Господинчик, кучер фургона, который привез вас в эту страну.

Немедленно откройте, иначе вы у меня запляшете!

33. ПОСЛЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ В НАСТОЯЩЕГО ОСЛА ПИНОККИО БЫЛ ПУЩЕН В ПРОДАЖУ И КУПЛЕН ДИРЕКТОРОМ ЦИРКА, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ НАУЧИТЬ ЕГО ТАНЦЕВАТЬ И ПРЫГАТЬ ЧЕРЕЗ ОБРУЧ. НО ОДНАЖДЫ, ОХРОМЕВ, ПИНОККИО ПОПАДАЕТ К ДРУГОМУ ПОКУПАТЕЛЮ, КОТОРЫЙ ХОЧЕТ СДЕЛАТЬ ИЗ ЕГО ШКУРЫ БАРАБАН

Увидев, что дверь не открывается. Господинчик открыл ее самолично сильным пинком ноги.

И, войдя в комнату, сказал, обращаясь к Пиноккио и Фитилю со своей обычной ухмылкой:

— Молодцы, ребята!

Вы неплохо ревели, я вас сразу же узнал по голосам. И поэтому я здесь.

При этих словах оба ослика примолкли и присмирели. Они стояли, поджав хвост, опустив голову и развесив уши.

Прежде всего Господинчик погладил и ощупал их.

Затем достал скребок и очень основательно почистил.

И, когда он их почистил так здорово, что их шкуры заблестели, как два зеркала, он надел на них узду и отвел на базар, дабы продать с хорошей прибылью.

И действительно, покупатели не заставили себя ждать.

Фитиля купил некий крестьянин, у которого за день до того подход осел, а Пиноккио был продан директору одной труппы клоунов и канатных плясунов. Директор решил выдрессировать его, чтобы он вместе с другими зверями танцевал и прыгал.

Теперь вы поняли, мои дорогие маленькие читатели, каким ремеслом занимался Господинчик?

Этот отвратительный карлик, у которого лицо было прямо-таки как молоко и мед, время от времени совершал со своим фургоном прогулку по белу свету.

По дороге он собирал при помощи обещаний и льстивых слов всех ленивых детей, которым опротивели книги и школа, грузил их в свой фургон и привозил в Страну Развлечений, с тем чтобы они там все свое время тратили на игры, возню и забавы.

Когда же бедные обманутые дети от непрерывных игр и безделья становились ослами, он их с большим удовольствием брал под уздцы и вел продавать на различные ярмарки и звериные рынки.

Таким образом он за несколько лет заработал массу денег и стал миллионером.

Что в дальнейшем произошло с Фитилем, я не могу вам сказать.

Но я знаю, что Пиноккио уже с первого дня стал вести тяжелую, суровую жизнь.

Когда его привели в стойло, новый хозяин насыпал ему в кормушку соломы. Но Пиноккио, отведав этой пищи, немедленно выплюнул все обратно.

Тогда хозяин, ворча, положил ему в кормушку сена, но и сено не понравилось начинающему ослу.

— Что, ты и сена не жрешь? — гневно воскликнул хозяин.

— Можешь не сомневаться, дорогой ослик, что дурь я из тебя выбью!

И, чтобы образумить ослика, он ударил его бичом по ногам.

Пиноккио заплакал и заревел от боли. И сказал:

— И-а, и-а, я не могу переварить солому!

— В таком случае, жри сено! — ответил хозяин, который очень хорошо понимал ослиный диалект.

— И-а, и-а, от сена у меня болит живот!

— Ты, кажется, думаешь, что я буду кормить такого осла, как ты, куриной печенкой и каплунами! — еще пуще рассердился хозяин и снова вытянул его бичом.

После второго удара Пиноккио счел за благо промолчать и не произнес больше ни звука.

Хозяин запер стойло, и Пиноккио остался один.

А так как он давно уже не ел, то начал реветь от голода.

И при этом раскрывал свою пасть широко, как печь.

Но, не находя в своей кормушке ничего другого, он наконец начал старательно жевать сено.

И, хорошо разжевав, закрыл глаза и проглотил его.

«Сено не такая уж плохая вещь, — сказал он затем сам себе, — но было бы лучше, гораздо лучше, если бы я продолжал учиться!..»

Тогда бы я сегодня вместо сена ел краюху свежего хлеба и хороший кусок колбасы к тому же!

Ох, ох, ох!..»

Проснувшись на следующее утро, он сразу же начал искать сено в кормушке.

Но ничего не нашел, ибо ночью сожрал все без остатка.

Тогда он напихал себе полный рот резаной соломы. Пережевывая эту пищу, он точно выяснил, что солома даже в отдаленной степени не напоминает миланскую рисовую бабку или неаполитанские макароны.

— Терпение! — сказал он и продолжал жевать.

— Если бы мое несчастье хотя бы могло послужить уроком всем непослушным и ленивым мальчишкам!

Терпение!..

Терпение!..

— Терпение, вот еще! — крикнул хозяин, который как раз вошел в стойло.

— Ты, наверное, думаешь, мой милый ослик, что я тебя купил только для того, чтобы ты мог жрать и пить?

Я тебя купил затем, чтобы ты работал, а я бы зарабатывал на тебе много денег.

А нука! Пойдем со мной в цирк.

Я тебя научу прыгать через обруч, пробивать головой бумажные бочки и танцевать вальс и польку на задних ногах.

Волей-неволей бедный Пиноккио должен был учиться всем этим премудростям. И в течение трех месяцев он получал уроки и бесконечное множество ударов бичом по шкуре.

Наконец настал день, когда хозяин смог объявить об этом действительно необыкновенном представлении.

На пестрых афишах, которые он велел расклеить на всех углах, было написано:

БОЛЬШОЕ ПАРАДНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ Сегодня вечером вы увидите знаменитые и удивительные прыжки и другие номера, исполненные всеми артистами и лошадьми нашей группы.

Кроме того, будет впервые представлен публике прославленный **ОСЛИК ПИНОККИО**, называемый «Звезда танца».

Театр будет ярко освещен.

Понятное дело, что цирк в этот вечер был переполнен до отказа еще за час до начала представления.

Нельзя было достать ни местечка в партере, ни приставного стула, ни ложи, даже если бы за них было уплачено чистым золотом.

Ступени цирка кишели маленькими девочками и мальчиками всех возрастов, которые жаждали увидеть, как танцует знаменитый ослик Пиноккио.

Когда первое отделение спектакля окончилось, директор предстал перед многочисленной публикой. На нем был черный фрак, белые рейтузы и пара кожаных сапог выше колен. После глубокого поклона он произнес с большой торжественностью и достоинством следующую бестолковую речь:

— Уважаемая публика, кавалеры и дамы!

Я, нижеподписавшийся, находящийся проездом в вашей блестящей столице, имею честь, так же как и удовольствие, представить сей мудрой и почтенной аудитории знаменитого ослика, который имел честь танцевать в присутствии его величества императора всех главнейших европейских дворов.

И пусть мы почувствуем ваше воодушевляющее присутствие, и просим вас оказать нам снисхождение!

Эта речь вызвала немало смеха и аплодисментов.

Но аплодисменты удвоились и дошли до ураганной силы, когда ослик Пиноккио был выведен на арену.

Он был празднично одет, его украшали новая уздечка из лакированной кожи, пряжки и подковы из меди. На ушах его висели две белые камелии, грива была заплетена красными шелковыми ленточками в маленькие косички, живот повязан серебристо-золотистым шарфом, а хвост перевит бархатными бантами амарантового и небесно-голубого цвета.

Словом, это был ослик, в которого можно было влюбиться.

Представив его публике, директор произнес еще следующую краткую речь:

— Мои многоуважаемые слушатели!

Я не собираюсь в данный момент рассказывать вам о тех великих трудностях, которые я должен был преодолеть, чтобы уразуметь, каким образом можно подчинить себе это млекопитающее, которое еще недавно свободно и беспечно прыгало с холма на холм в иссушенных солнцем тропических долинах.

Обратите внимание на то, сколько дикости в его взгляде!

Ввиду того, что все другие средства привести его в цивилизованный четырехногий вид оказывались несостоятельными, мне приходилось часто говорить с ним на проверенном языке плетки.

Но, как я ни был ласков к нему, он не любил меня, наоборот — ненавидел меня все больше.

Однако я открыл, по научной системе Галлеса, в его голове маленькую завитушку, которую даже медицинский факультет в Париже определил как знаменующую собой гениальность в искусстве танца.

И я использовал это открытие для того, чтобы научить его танцевать, а также прыгать через обруч и через бумажную бочку.

Удивляйтесь сначала! Затем судите!

Но, прежде чем я начну, разрешите мне, синьоры, пригласить вас на завтра на вечернее представление.

В случае же, если дождь окажет влияние на погоду, представление будет перенесено с вечера на одиннадцать часов пополудни.

Тут директор еще раз сделал глубокий поклон, обратился к Пиноккио и сказал:

— Вперед, Пиноккио!

Прежде чем вы покажете наилучшим образом ваше искусство, приветствуйте эту многоуважаемую публику — кавалеров, дам и детей!

Пиноккио послушно подогнул передние ноги и оставался на коленях, пока директор не щелкнул бичом и не крикнул:

— Шагом!

Тогда ослик снова встал на свои четыре ноги и пошел шагом вокруг арены.

Через минуту директор воскликнул:

— Рысью! И Пиноккио послушно перешел с шага на рысь.

— В галоп! И Пиноккио пустился в галоп.

— В карьер! И Пиноккио побежал изо всех сил.

Но вдруг директор поднял руку и выстрелил из пистолета в воздух.

При этом выстреле ослик притворился раненым и упал на землю как мертвый.

И, когда он под бурю аплодисментов снова поднялся на ноги, он, разумеется, поднял также и голову и огляделся... и увидел в одной ложе красивую даму.

На шее у нее висела тяжелая золотая цепь, а на цепи висел медальон.

А на медальоне был портрет Деревянного Человечка.

«Это мой портрет!..

Эта синьора — Фея!» сказал себе Пиноккио.

Он сразу узнал Фею и, охваченный радостью, хотел позвать:

— О моя Фея, о моя Фея!

Но вместо этих слов из его глотки вырвался такой громкий и продолжительный рев, что все зрители, а особенно дети, чуть не умерли со смеху.

Директор ударил его рукояткой кнута по носу, чтобы дать ему понять, сколь неприлично реветь в присутствии публики.

Бедный ослик вытянул язык и в течение чуть ли не пяти минут облизывал свою морду. Может быть, он думал таким путем смягчить боль.

Но велико же было его удивление, когда он, во второй раз подняв голову, увидел, что ложа пуста и Фея исчезла.

Он почувствовал себя глубоко несчастным. Его глаза наполнились слезами, и он начал горько плакать.

Но никто этого не заметил, а меньше всех — директор, который снова щелкнул бичом и закричал:

— Смелее, Пиноккио!

Теперь вы покажете этим синьорам, как прекрасно вы умеете прыгать через обручи.

Пиноккио попытался это сделать два или три раза. Но всякий раз, оказавшись перед обручем, он не прыгал через него, а гораздо охотнее пробежал под ним.

Наконец он прыгнул, но его задние ноги, по несчастливой случайности, зацепились за обруч, и он упал по другую сторону на землю, как мешок.

Когда он снова встал на ноги, оказалось, что он охромел и только с большим трудом смог добраться до своего стойла.

— Пиноккио!

Мы хотим видеть ослика!

Сюда ослика! — кричали дети в нижних рядах, полные жалости и сочувствия к маленькому животному.

Но в этот вечер они ослика больше не увидели.

На следующее утро ветеринар осмотрел его и установил, что он останется хромым на всю жизнь.

Тогда директор сказал конюху: — Что мне делать с хромым ослом? Это же будет бесполезный объедала.

Отведи-ка его на базар и продай.

На базаре они быстро нашли покупателя, который осведомился у конюха:

— Сколько ты хочешь за хромого ослика?

— Двадцать лир.

— Я даю тебе одну лиру.

Не думай, что мне нужен этот осел.

Мне нужна только его шкура.

У него такая красивая крепкая шкура, что я хочу сделать из нее барабан для деревенского оркестра.

Можете себе представить, что почувствовал Пиноккио, когда услышал, что станет барабаном!

Так или иначе, покупатель уплатил одну лиру и сразу же повел ослика к берегу моря.

Там он повесил ему на шею большой камень, привязал к его ноге веревку, другой конец которой остался у него в руке, и неожиданным сильным толчком спихнул ослика в воду.

Пиноккио с громадным камнем на шее незамедлительно погрузился на самое дно.

А покупатель, по-прежнему крепко держа в руке веревку, сел на скалу и стал терпеливо ждать, пока ослик утонет, чтобы затем снять с него шкуру.

34

В МОРЕ ПИНОККИО СЪЕДАЮТ РЫБЫ, И ОН СНОВА СТАНОВИТСЯ ДЕРЕВЯННЫМ ЧЕЛОВЕЧКОМ, КАК ПРЕЖДЕ. НО, КОГДА ОН СПАСАЕТСЯ ВПЛАВЬ, ЕГО ПРОГЛАТЫВАЕТ СТРАШНАЯ АКУЛА

Ослик находился под водой уже почти пятьдесят минут, и покупатель сказал себе:

— Теперь мой бедный хромой ослик, наверное, уже давно утонул.

Стало быть, можно его вытащить и сделать из его шкуры красивый барабан.

И он начал тянуть веревку. И он тянул и тянул, тянул и тянул, и как вы думаете, что наконец показалось на поверхности воды?

На поверхности воды показался вместо мертвого ослика живой Деревянный Человечек, который вертелся и извивался, как угорь.

Когда несчастный покупатель увидел Деревянного Человечка, он подумал, что грезит, оцепенел, рот его широко открылся, а глаза полезли на лоб.

Когда же он немного опомнился, он сказал, всхлипывая и заикаясь:

— А где ослик, которого я бросил в море?

— Этот ослик — я, — смеясь, ответил Деревянный Человечек.

— Ты?

— Я!

— Ах ты, мошенник!

Ты смеешься надо мной, что ли?

— Я смеюсь над вами?

Ничего подобного, папаша.

Я говорю совершенно серьезно.

— Но каким образом ты только недавно был осликом, а затем в воде превратился в Деревянного Человечка?

— Вероятно, это следствие влияния морской воды.

Море любит пошутить.

— Берегись, Деревянный Человечек, берегись!..

Не думай, что ты можешь веселиться на мои деньги.

Горе тебе, если мое терпение лопнет!

— Послушайте, папаша, я расскажу вам всю свою историю.

Развяжите мне ногу, и я вам все расскажу.

Покупатель, полный любопытства, отвязал веревку, и Пиноккио, почувствовав себя снова вольным, как птица, начал свой рассказ:

— Итак, да будет вам известно, что раньше я был Деревянным Человечком, точно таким, как сейчас.

И я очень хотел стать настоящим мальчиком, каких много на этом свете. Но, так как я не имел желания учиться и поддался влиянию плохих друзей, я убежал из дому... и в один прекрасный день проснулся ослом с длинными ушами... и с длинным хвостом.

Как я стыдился этого!

Пусть блаженный святой Антоний хранит вас от такого позора.

Меня привели на ослиный рынок, где я был продан одному директору цирка, которому взбрело в голову сделать из меня великого танцора и канатного плясуна.

Но однажды вечером во время представления я неудачно упал и охромел.

Директор не знал, что ему делать с хромым ослом, и велел меня продать на базаре. И вы меня купили.

— К сожалению!

И я уплатил за тебя лиру.

А кто мне вернет обратно мои добрые денежки?

— Зачем же вы меня купили?

Вы хотели сделать из моей шкуры барабан?

Барабан! — К сожалению.

А где я возьму теперь другую шкуру?

— Не тревожьтесь, папаша.

Ослов на этом свете предостаточно.

— Скажи-ка, наглый мальчишка, ты закончил свой рассказ?

— Нет, — ответил Деревянный Человечек. — Мне осталось добавить несколько слов.

Купив меня, вы привели меня сюда, привязали весьма человеколюбиво тяжелый камень мне на шею и бросили в море.

Такое человеколюбие делает вам большую честь, и я буду вам вечно благодарен за это.

Впрочем, дорогой папаша, вы на сей раз не взяли в расчет Фею.

— Какую такую Фею?

— Это моя мать. Она такая же, как все хорошие матери, которые любят своих детей, никогда не теряют их из виду, выручают из любой беды, даже в том случае, если эти дети своим неразумием и дурным поведением, в сущности, заслуживают быть брошенными на произвол судьбы.

Когда добрая Фея увидела, что я начинаю тонуть, она немедленно послала целую стаю рыб, которые сочли меня совершеннодохлым ослом и начали меня пожирать.

И какие огромные куски они отхватывали!

Я никогда не думал, что рыбы еще прожорливее, чем маленькие мальчики... Они съели мою морду, мою шею и гриву, мою кожу на ногах, мою шкуру на спине... и нашлась даже одна отзывчивая маленькая рыбка, которая сочла возможным сожрать мой хвост.

— Отныне, — сказал покупатель с отвращением, — я, с божьей помощью, никогда не буду есть рыбы!

Это было бы слишком неприятно: найти в желудке какой-нибудь краснобородки или жареной трески ослиный хвост!

— Я вполне разделяю ваше мнение, — ответил Деревянный Человечек и засмеялся.

— Стало быть, когда рыбы съели ослиную кожу, в которую я был обернут с головы до ног, они, натурально, наткнулись на кости... или, точнее говоря, на дерево, ибо, как вы видите, я весь сделан из лучшего твердого дерева.

Но уже после первой попытки эти прожорливые рыбы заметили, что дерево им не по зубам, и, полные отвращения к этой неудобоваримой пище, бросились от меня врассыпную, ни разу не обернувшись и не сказав спасибо.

Таким образом, я вам объяснил, почему вы с помощью вашей веревки вытащили из воды Деревянного Человечка, а не осла.

— Плевать я хотел на твой рассказ! — в ярости вскричал покупатель.

— Я уплатил лиру за тебя и хочу получить обратно свои деньги.

Знаешь, что я с тобой сделаю? Я отведу тебя обратно на базар и продам, как сухое дерево для растопки.

— Конечно, продайте меня.

Я ничего не имею против, — сказал Пиноккио.

И с этими словами стремительно прыгнул в море.

Он весело поплыл от берега, все дальше и дальше, и крикнул бедному покупателю:

— Прощайте, папаша!

Когда вам понадобится шкура для барабана, вспомните обо мне!

И поплыл дальше.

А через минуту снова обернулся и крикнул еще громче:

— Прощайте, папаша!

Когда вам понадобится для растопки немного сухих дровец, вспомните обо мне!

И в мгновение ока он оказался так далеко, что его уже нельзя было различить.

На поверхности моря была видна только черная точка, которая время от времени высывалась из воды и подскакивала, как играющий дельфин.

Плывя в открытое море наудачу, Пиноккио увидел скалу из белого мрамора.

А на вершине скалы стояла милая маленькая Козочка, которая нежно блеяла и делала ему знаки, чтобы он подплыл ближе.

Самое удивительное было то, что ее шкурка была не белая, или черная, или пятнистая, как у всех других коз, — она была лазурного цвета, причем такая блестящая, как волосы маленькой Красивой Девочки.

Можете догадаться, как застучало сердце Пиноккио!

Он удвоил свои усилия и поплыл со всей возможной быстротой к белой скале.

Он проплыл уже половину расстояния, когда из воды вдруг поднялась ужасная голова морского чудовища. Она приближалась к нему. Широко открытая пасть была как пропасть, и в ней виднелось три ряда зубов, таких страшных, что если даже их только нарисовать, и то они могли бы смертельно напугать человека.

И знаете, что это было за морское чудовище?

Это морское чудовище было той самой гигантской Акулой, о которой уже не раз упоминалось в нашей истории: она производила такие опустошения и была столь ненасытно-прожорлива, что по справедливости слыла пугалом рыб и рыбаков.

Представьте себе, как испугался Пиноккио при виде этого чудовища.

Он хотел вывернуться, удрать, хотел поплыть в другом направлении. Но огромная открытая пасть все время оказывалась у него на пути.

— Скорее, Пиноккио, во что бы то ни стало скорее! — проблеяла красивая Козочка.

И Пиноккио отчаянно работал руками, грудью, ногами.

— Быстрее, Пиноккио! Чудище приближается к тебе!

И Пиноккио собрал все свои силы и поплыл вдвое быстрее.

— Берегись, Пиноккио!..

Чудище хватает тебя!..

Вот оно!..

Скорее, скорее, иначе ты пропал!

И Пиноккио не плыл, а прямо-таки летел, словно пуля.

Вот он уже достиг утеса, и Козочка наклонилась над морем и протянула ему свое копытце, чтобы помочь вылезти из воды...

Но было слишком поздно!

Чудовище схватило его. Оно втянуло в себя воду — почти так, как втягивают куриное яйцо, — и сглотнуло бедного Деревянного Человечка.

Сглотнуло с такой жадностью и силой, что Пиноккио, скатываясь в желудок Акулы, сильно захлебнулся и четверть часа пролежал без сознания.

Когда он пришел в себя, он не знал, где, собственно, находится.

Вокруг царил такая глубокая и всеобъемлющая тьма, что ему казалось, что он окунулся с головой в бочку чернил.

Пиноккио прислушался, но не услышал ни малейшего шума.

Время от времени он чувствовал на лице сильные порывы ветра.

Вначале он не мог понять, откуда здесь ветер, но потом заметил, что эти порывы идут из легких чудовища.

Дело в том, что Акула страдала сильной астмой, и, когда она дышала, в ее нутре подымался вроде как бы северный ветер.

Сперва Пиноккио бодрился. Но, когда он окончательно убедился, что заключен в теле морского чудовища, он начал плакать и жаловаться и, рыдая, воскликнул:

— Помогите!

Помогите!

О я несчастный!

Неужели здесь нет никого, кто бы мог мне помочь?

— Кто может тебе помочь, горемыка? — послышался из темноты голос, низкий, надтреснутый, как расстроенная гитара.

— Кто здесь говорит? — спросил Пиноккио, у которого спина похолодела от страха.

— Это я, бедный Тунец, который был вместе с тобой проглочен Акулой.

А ты что за рыба?

— Я ничего не имею общего с рыбами.

Я Деревянный Человечек.

— Если ты не рыба, зачем же ты дал себя проглотить чудовищу?

— Я вовсе не дал себя проглотить.

Оно само меня проглотило!

А что мы сейчас будем делать в темноте?

— Мы будем сидеть и ждать, пока Акула нас не переварит.

— Но я не желаю быть переваренным! — закричал Пиноккио и опять начал плакать.

— Я тоже не хочу быть переваренным, — возразил Тунец, — но я философ и утешаю себя мыслью, что, ежели ты уж родился на свет тунцом, то лучше тебе кончить свои дни в воде, чем на сковородке.

— Чепуха! — воскликнул Пиноккио.

— Это мое личное мнение, — возразил Тунец, — а личное мнение, как утверждают тунцы-политики, следует уважать.

— Во всяком случае, я хочу уйти отсюда... я хочу бежать...

— Беги, если можешь.

— А эта Акула, которая нас проглотила, велика? — спросил Деревянный Человечек.

— Представь себе, что ее тело без хвоста составляет километр в длину.

В то время как они беседовали в темноте, Пиноккио вдруг показалось, что он видит вдали слабый свет.

— Что это может быть за свет вон там, вдалеке? — удивился Пиноккио.

— Вероятно, наш товарищ по несчастью, который тоже ждет, чтобы его переварили.

— Я хочу к нему.

Может быть, он какая-нибудь старая рыба, которая сможет мне сказать, как уйти отсюда.

— Желаю тебе от всего сердца, мой дорогой Деревянный Человечек, чтобы так оно и было.

— До свидания. Тунец!

— До свидания. Деревянный Человечек. Желаю удачи!

— Встретимся ли мы когда-нибудь!

— Кто может знать?..

Лучше всего не думать об этом.

35. ПИНОККИО НАХОДИТ В ТЕЛЕ АКУЛЫ... КОГО? ПРОЧИТАЙТЕ ЭТУ ГЛАВУ И ВЫ УЗНАЕТЕ

Пиноккио, простившись таким образом со своим добрым другом Тунцом, пошел, пошатываясь, во тьму.

Он двигался в теле Акулы на ощупь, шаг за шагом, по направлению к светящейся точке, которую видел вдали.

Чем дальше он шел, тем явственнее и определеннее становилось светящееся пятно.

И после долгой ходьбы он наконец пришел. И, когда он пришел... что же он увидел там? Вы никогда не отгадаете!

Он увидел столик с горящей свечой на нем. Свеча торчала в зеленой бутылке. Возле стола сидел старик, белый как лунь или как сбитые сливки, и жевал живых рыбок.

А рыбки были такие живые, что то и дело выскакивали у него изо рта.

При виде всего этого Пиноккио охватила столь бурная и непосредственная радость, что он чуть с ума не сошел.

Ему хотелось смеяться, ему хотелось плакать, ему хотелось говорить без конца. Но он мог только произнести, заикаясь, несколько отрывочных, бессвязных слов.

Наконец ему удалось все-таки испустить возглас радости, и он бросился к старику на шею с криком:

— Ах, мой дорогой отец!

Наконец я вас разыскал!

Теперь я вас никогда, никогда не оставлю!

— Значит, я не ошибся? — ответил старик, протирая глаза.

— Значит, ты действительно мой милый Пиноккио?

— Да, да, это я, я самый!

И вы мне все простили, не правда ли?

Ах, дорогой отец, вы такой добрый!..

А я наоборот... Ах, если бы вы знали, сколько несчастий я пережил и сколько зла испытал!

Представьте себе, мой бедный отец: в тот день, когда вы продали свою куртку и купили мне букварь, чтобы я мог пойти в школу, я на все наплевал ради кукольного театра, и хозяин театра хотел меня бросить в огонь, чтобы его барашек изжарился, и потом он дал мне пять золотых монет для вас, но я повстречал Лису и Кота, которые привели меня в таверну

«Красного Рака», где они жрали, как волки, а я один-одинешенек снова пошел в ночь и встретил грабителей, которые побежали вслед за мной, а я впереди, и они за мной, и я все время впереди, и они все время за мной, и я впереди, пока они меня не повесили на ветке Большого Дуба, где Красивая Девочка с лазурными волосами велела отвезти меня в карете, и, когда меня врачи осмотрели, они сразу же сказали:

«Если он еще не мертв, значит, он еще жив», и тогда я не выдержал и соврал, и мой нос стал расти.

И я не мог пройти через дверь.

И поэтому я затем вместе с Лисой и Котом закопал четыре золотые монеты, потому что одну я потратил в таверне.

И попугай начал смеяться, и вместо двух тысяч монет я вообще ничего не нашел.

И когда судья услышал, что меня ограбили, он немедленно посадил меня в тюрьму, чтобы воры были довольны, и оттуда я попал в виноградник и увидел там красивые гроздья и оказался в капкане.

И крестьянин имел все основания надеть на меня собачий ошейник, чтобы я охранял его курятник.

Но потом он понял мою невиновность и снова отпустил меня на свободу, и змея с дымящимся хвостом начала смеяться, и жила лопнула у нее в груди, и так я снова пошел домой к Красивой Девочке, которая умерла. И Голубь увидел, что я плачу и сказал:

«Я видел, как твой отец мастерил себе маленькую лодочку, чтобы тебя искать», и я ему сказал:

«Если бы я имел крылья, как ты!», и он сказал мне:

«Ты хотел бы увидеть своего отца?», и я ему сказал:

«Очень хотел бы, если бы смог», и он мне сказал: «Я тебя отвезу», и я спросил: «Как?», и он сказал:

«Влезай ко мне на спину», и так мы летели всю ночь, и потом мне утром сказали рыбаки, которые глядели на море:

«Там бедный рыбак в маленькой лодке, и она тонет», и я сразу вас узнал издали, потому что мне мое сердце сказалось, и я вам делал знаки, чтобы вы вернулись на берег.

— Я тоже узнал тебя, — сказал Джеппетто, — и мне очень хотелось вернуться. Но как?

Море было бурное, и большая волна опрокинула мою лодочку.

Тут меня заметила страшная Акула, которая как раз находилась поблизости. Она бросилась на меня, высунула язык и проглотила меня, как таблетку.

— И давно вы здесь в заключении? — спросил Пиноккио.

— С того самого дня. Уже скоро два года. Два года, мой дорогой Пиноккио, которые показались мне двумя столетиями.

— А как же вы здесь жили?

И где вы достали свечку?

И кто вам дал спички?

— Я тебе все расскажу. Представь себе, та же самая буря, которая перевернула мою маленькую лодочку, опрокинула также одно торговое судно.

Всем матросам удалось спастись, но само судно утонуло, и та же Акула, в тот день очень голодная, проглотила корабль.

— Как!

Проглотила корабль одним глотком? — поразился Пиноккио.

— Да, одним глотком.

Только мачту она выплюнула обратно, потому что мачта застряла у нее между зубов, как рыбья кость.

На мое великое счастье, на корабле было мясо, сухари в коробках, поджаренный хлеб, вино в бутылках, изюм, швейцарский сыр, кофе, сахар, а также стеариновые свечи и коробки спичек.

Этим я поддерживал свою жизнь два года.

Но теперь склад пуст, и вот эта свеча, которую ты здесь видишь, — последняя.

— А потом?..

— А потом, мой милый, мы оба останемся в темноте.

— В таком случае, мой дорогой отец, — сказал Пиноккио, — мы не должны терять время.

Мы должны немедленно подумать о бегстве.

— О бегстве?

Каким образом?

— Мы должны пробраться через пасть Акулы и выпрыгнуть в море.

— Это легко сказать, мой милый Пиноккио. Дело в том, что я не умею плавать.

— Неважно!..

Вы сядете мне на плечи. Я хороший пловец и смогу доставить вас на берег невредимым.

— Это тебе кажется, мой милый мальчик, — возразил Джеппетто, покачав головой и горько усмехаясь.

— Неужели ты думаешь, что такому маленькому Деревянному Человечку, как ты, хватит сил нести меня на плечах?

— Попробуйте, и вы увидите!

А если нам суждено умереть, то мы, по крайней мере, умрем вместе.

И, не теряя лишнего времени, Пиноккио пошел вперед, сказав своему отцу:

— Идите за мной и не бойтесь!

Так они прошли немалое расстояние, миновали весь желудок и все туловище Акулы.

Но, когда они достигли места, где начиналась глотка чудовища, они сочли нужным остановиться, осмотреться и выбрать наиболее подходящий момент для бегства.

Следует сказать, что Акула была очень старая, страдала астмой и сердечной недостаточностью и по этой причине вынуждена была спать с открытым ртом.

Поэтому Пиноккио, стоявший внизу, возле глотки, и ведший наблюдение, смог увидеть добрый кусок звездного неба и сияние лунного света.

— Вот удобный момент для бегства, — прошептал он отцу на ухо.

— Акула спит, как сурок, а море спокойное и светлое.

Следуйте за мной, отец! Мы скоро будем спасены.

Сказано — сделано.

Они влезли по глотке морского чудовища наверх и, очутившись в огромной пасти, прошли на носках по языку — язык был широк и длинен, как садовая дорожка.

Но в тот момент, когда они совсем уже приготовились броситься в море. Акула расчихалась. И, чихая, она с такой силой откинулась назад, что Пиноккио и Джеппетто снова слетели в желудок чудовища.

Стремительный толчок погасил свечу, и отец с сыном остались в темноте.

— Что же теперь делать? — спросил Пиноккио очень серьезно.

— Теперь мы пропали, мой мальчик.

— Почему пропали?

Дайте мне руку, отец, и постарайтесь не поскользнуться.

— Куда ты хочешь меня повести?

— Мы должны еще раз попытаться.

Идемте со мной и не бойтесь.

Пиноккио взял отца за руку, и они опять на цыпочках поднялись по глотке чудовища вверх, прошли весь язык и перелезли через все три ряда огромных зубов.

Перед тем как совершить гигантский прыжок.

Деревянный Человечек сказал своему отцу:

— Садитесь ко мне на плечи и держитесь крепче.

Все остальное — мое дело.

Джеппетто крепко уселся на плечи Пиноккио, и Деревянный Человечек, полный уверенности в себе, прыгнул в море и поплыл.

Море было спокойное, как масло, луна сияла вовсю, а Акула продолжала спать, и ее сон был так глубок и крепок, что даже гром пушек не мог бы ее разбудить.

36. ПИНОККИО НАКОНЕЦ ПЕРЕСТАЕТ БЫТЬ ДЕРЕВЯННЫМ ЧЕЛОВЕЧКОМ И СТАНОВИТСЯ НАСТОЯЩИМ МАЛЬЧИКОМ

Пиноккио, сильно взмахивая руками, плыл вперед и вперед, и вскоре заметил, что отец, сидевший у него на плечах, погрузив ноги наполовину в воду, начал сильно дрожать, словно в перемежающейся лихорадке.

От холода или от страха?

Неизвестно... Может быть, от того и другого вместе.

Пиноккио решил, что старик дрожит от страха, и начал его успокаивать:

— Держитесь, отец!

Через несколько минут мы будем, здоровые и бодрые, стоять на твердой земле.

— Но где же твой хваленый берег? — спросил старик, все больше тревожась и напрягая зрение, как портной, вдевающий нитку в иголку.

— Я оглядываюсь во все стороны и ничего не вижу, кроме неба и моря.

— Но я вижу берег, — сказал Деревянный Человечек, — а вы уж будьте уверены, глаза у меня, как у кошки, и ночью я вижу лучше, чем днем.

Добряк Пиноккио притворялся, что он полон уверенности, а в действительности его мужество все слабело.

Силы его иссякли, он дышал отрывисто и тяжело.

Он чувствовал, что не может больше плыть, а берега не было видно.

Он плыл, покуда ему хватало дыхания.

Затем он обернулся к Джеппетто и сказал, задыхаясь:

— Дорогой отец... помогите мне... я умираю!

Отец с сыном уже приготовились к смерти, но в этот момент услышали хриплый голос, звучавший, как

расстроенная гитара:

— Кто здесь умирает?

— Я и мой бедный отец.

— Этот голос мне знаком.

Ты Пиноккио!

— Совершенно верно.

А ты?

— Я Тунец, твой товарищ по несчастью в брюхе Акулы.

— Как же ты сумел убежать?

— Я последовал твоему примеру.

Ты показал мне, как это делается, и я тоже убежал вслед за тобой.

— Мой милый Тунец, ты появился вовремя.

Молю тебя именем той любви, которую ты питаешь к маленьким тунцам, твоим деткам: помоги нам, иначе мы пропали.

— Охотно, от всей души!

Возьмитесь за мой хвост, и я вас потащу.

Через четыре минуты вы будете на берегу.

Пиноккио и Джеppetто, как вы сами понимаете, немедленно приняли это приглашение. Но, вместо того чтобы взяться за хвост, они сели к Тунцу на спину, решив, что так удобнее.

— Не тяжело тебе? — спросил Пиноккио.

— Тяжело?

Ни капли!

Мне кажется, что на моей спине лежат две раковины, — успокоил их Тунец, который был силен, как двухгодовалый теленок.

Достигнув берега, Пиноккио спрыгнул сам, а затем помог сойти отцу.

После этого он обратился к Тунцу и сказал взволнованно:

— Друг мой, ты спас моего отца. И поэтому у меня не хватает слов... Позволь мне, по крайней мере, поцеловать тебя в знак моей вечной благодарности.

Тунец высунул свою морду из воды. Пиноккио встал на колени и запечатлел сердечнейший поцелуй в самую серединку рыбьего рта.

При этом взрыве непритворной нежности бедный Тунец, не привыкший к такому обращению, был так растроган, что быстро нырнул и исчез, дабы никто не видел, что он плачет.

Между тем наступил день.

Пиноккио протянул руку своему отцу Джеppetто, который еле стоял на ногах, и сказал:

— Обопритесь на мою руку, дорогой отец, и двинемся в путь.

Мы пойдем очень медленно, как муравьи, а если устанем, то отдохнем у обочины дороги.

— А куда мы пойдем? — спросил Джеппетто.

— Пойдем искать дом или хижину, где нам из жалости дадут кусок хлеба, чтобы насытиться, и охапку соломы, чтобы выспаться.

Они не прошли и ста шагов, как увидели на обочине дороги две отвратительные рожи, просившие милостыню.

Это оказались Кот и Лиса, но их трудно было узнать.

Представьте себе, что Кот, притворяясь слепым, из-за этого со временем действительно ослеп.

А постаревшая, совершенно облезлая и облысевшая Лиса лишилась хвоста.

Это случилось таким образом: сия несчастная воровка попала в большую нужду и в один прекрасный день вынуждена была продать свой великолепный хвост бродячему торговцу, который смастерил из него печную метелку.

— Ах, Пиноккио! — воскликнула Лиса страдальческим голосом.

— Подай нам, бедным калекам, маленькую милостыньку!

— ...милостыньку! — повторил Кот.

— Прощайте, лицемеры! — ответил Деревянный Человечек.

— Вы меня раз обманули, во второй раз вам это не удастся.

— Поверь нам, Пиноккио, теперь мы действительно бедны и несчастны.

— ...несчастны! — повторил Кот.

— Если вы бедны, то по заслугам.

Вспомните пословицу:

«Ворованным добром не выстроишь дом».

Прощайте, лицемеры!

— Пожалейте нас!

— ...нас!

— Прощайте, лицемеры!

Вспомните пословицу:

«Краденая пшеница в еду не годится».

— Имейте снисхождение!

— ...ение! — повторил Кот.

— Прощайте, лицемеры!

Вспомните пословицу:

«Кто куртку ближнего загреб, тот без рубахи ляжет в гроб».

И после этих слов Пиноккио и Джеппетто спокойно пошли дальше.

Пройдя еще сто шагов, они увидели в конце тропинки, посреди поля, красивую соломенную хижину с черепичной крышей.

— В этой хижине кто-то живет, — сказал Пиноккио, — подойдем и постучимся.

Они подошли и постучались в дверь.

— Кто там? — раздался голосок изнутри.

— Бедный отец и бедный сын, которые не имеют ни хлеба, ни крыши над головой, — ответил Деревянный Человечек.

— Поверните ключ, и дверь откроется, — произнес голосок.

Пиноккио повернул ключ, и дверь открылась.

Войдя в хижину, они посмотрели во все стороны, но никого не увидели.

— Где же хозяин этого дома? — удивился Пиноккио.

— Я здесь, наверху!

Отец и сын подняли головы к потолку и увидели на балке Говорящего Сверчка.

— О, мой милый маленький Сверчок! — приветствовал его Пиноккио с изысканной вежливостью.

— Теперь я твой милый маленький Сверчок, не так ли? А помнишь, как ты бросил в меня деревянным молотком, чтобы выгнать «милого маленького Сверчка» из своего дома?

— Ты прав, мой милый маленький Сверчок!

Выгони меня тоже... Кинь в меня тоже деревянным молотком!

Но сжался над моим бедным отцом!

— Я сжалюсь над отцом и также над сыном.

Но сперва я хотел напомнить тебе твое недружелюбие, чтобы ты понял, что на этом свете нужно, по возможности, ко всем относиться дружелюбно, и тогда в плохие времена все отнесутся дружелюбно к тебе.

— Ты прав, мой милый маленький Сверчок, ты тысячу раз прав, и я приму близко к сердцу урок, который ты преподал мне.

Но не скажешь ли ты мне, каким образом ты смог заполучить такую прекрасную хижину?

— Эту хижину подарила мне вчера одна прелестная Коза, у которой чудесная лазурно-голубая шерстка.

— А где теперь эта Коза? — спросил Пиноккио, очень взволнованный.

— Не знаю.

— А когда она придет сюда?

— Она никогда не придет сюда.

Она ушла отсюда и, уходя, грустно сказала:

«Бедный Пиноккио! Я его никогда больше не увижу. Акула его проглотила!»

— Она так действительно сказала?..

Значит, это была несомненно она!.. Это была она!.. Моя любимая, дорогая Фея! — всхлипнул Пиноккио, и слезы хлынули у него из глаз.

Выплакавшись, он соорудил удобную постель из соломы для старого Джеппетто.

Затем он спросил у Говорящего Сверчка:

— Скажи мне, маленький Сверчок, где бы я мог раздобыть стакан молока для моего бедного отца?

— Через три поля отсюда живет огородник Джанджо, у которого имеются три молочные коровы.

Иди к нему, и ты там сможешь получить все, что тебе нужно.

Пиноккио побежал к дому огородника Джанджо.

Огородник спросил:

— Сколько тебе нужно молока?

— Полный стакан.

— Стакан молока стоит один сольдо.

Дай мне раньше этот сольдо.

— Но у меня нет даже чентезимо, — ответил Пиноккио смутившись.

— Плохо твое дело. Деревянный Человечек, — проговорил огородник.

— Если у тебя нет даже чентезимо, я не могу тебе дать даже наперстка молока.

— Ничего не поделаешь, — сказал Пиноккио и собрался уходить.

— Подожди минутку, — промолвил Джанджо.

— Пожалуй, мы сможем столкнуться.

Ты согласен крутить ворот?

— Что значит «ворот»?

— Это такое устройство, при помощи которого достают воду из колодца для поливки овощей.

— Я попробую.

— Хорошо. В таком случае, вытяни из колодца сто ведер воды, и ты получишь стакан молока.

— Согласен.

Джанджо повел Деревянного Человечка на огород и показал ему, как надо вертеть ворот.

Пиноккио сразу же приступил к делу. Но, пока он вытащил сто ведер воды, он облился потом с головы до ног.

За всю свою жизнь он никогда так не трудился.

— До сих пор, — сказал огородник, — эту работу исполнял мой ослик. Но теперь бедное животное лежит при смерти.

— Можно мне посмотреть на него? — спросил Деревянный Человечек.

— Пожалуйста.

В конюшне Пиноккио увидел на соломе милого ослика, который умирал от голода и непосильного труда.

Внимательно осмотрев его, Пиноккио печально сказал про себя:

«Этот ослик мне знаком.

Его лицо я когда-то видел».

И он наклонился над осликом и спросил на ослином наречии:

— Кто ты такой?

Услышав вопрос, умирающий ослик открыл глаза и пробормотал на том же наречии:

— Я... Фи... и... ти... иль...

После чего он снова закрыл глаза и умер.

— Ах, бедный Фитиль! — пробормотал Пиноккио. Он взял горсть соломы и вытер слезу, скатившуюся по его лицу.

— Почему ты так горюешь над ослом, который тебе не стоил денег? — удивился огородник.

— Что тогда остается делать мне, купившему его за наличные?

— Я вам объясню... Он был моим другом.

— Твоим другом?

— Моим школьным товарищем.

— Что? — вскричал Джанджо и громко захохотал.

— Что ты городишь?

Ты ходил с ослами в школу?..

Надо думать, что ты там изучал интересные предметы!

Деревянный Человечек, сконфуженный этими словами, ничего не ответил, только взял стакан парного молока и вернулся обратно в хижину.

И, начиная с этого дня, он пять месяцев подряд каждый день вставал на рассвете и шел вертеть ворот, чтобы заработать стакан молока для больного отца.

Мало того: в течение этого времени он научился плести маленькие и большие корзины из камыша.

И деньги, полученные от продажи корзин, он тратил весьма разумно.

Между прочим, он самостоятельно смастерил изящное кресло на колесиках, и в этом кресле вывозил своего отца в хорошую погоду на гулянье, чтобы старик мог дышать свежим воздухом.

По вечерам он упражнялся в чтении и письме.

В ближней деревне он купил за несколько сольдо толстую книгу, не имевшую начала и конца, и по этой книге занимался чтением.

А для письма он употреблял заостренную соломинку.

А так как у него не было ни чернил, ни чернильницы, то он обмакивал соломинку в горшочек, в который выжимал сок черники и вишни.

Таким образом ему удалось не только устроить своему больному отцу безбедное житье, но и отложить еще сорок сольдо себе на новый костюм.

Однажды утром он сказал отцу:

— Пойду-ка я на ближайший рынок и куплю себе куртку, колпак и пару ботинок.

А когда я вернусь домой, — добавил он, смеясь, — я буду так хорошо одет, что вы меня примете за важного синьора.

И он ушел из дому и на радостях побежал вприпрыжку.

Вдруг он услышал, как кто-то зовет его по имени. Он обернулся и увидел красивую Улитку, которая вылезла из-под куста.

— Ты меня уже не узнаешь? — спросила Улитка.

— Да... нет... не знаю!

— Разве ты не помнишь ту Улитку, которая была служанкой у Феи с лазурными волосами?

Разве ты уже забыл, как я со свечкой спускалась по лестнице и как ты торчал одной ногой в двери?

— Разве я мог это забыть! — вскричал Пиноккио.

— Скажи скорее, красивая маленькая Улитка: где ты оставила мою добрую Фею?

Как она живет?

Простила ли она меня?

Думает ли она обо мне?

Любит ли она меня еще?

Могу ли я ее увидеть?

На все эти вопросы, которые Пиноккио выпалил единым духом. Улитка ответила с привычной медлительностью:

— Милый Пиноккио, бедная Фея лежит в больнице неподалеку отсюда.

— В больнице?

— Да, к сожалению!

Она так много пережила, теперь она очень больна и не может купить себе даже куска хлеба.

— Неужели это правда?..

Как мне больно!

Ах, моя бедная Фея, моя бедная Фея!..

Если бы я имел миллион, я бы ей немедленно отнес... Но у меня только сорок сольдо... Вот они.

Я хотел как раз купить себе на них новый костюм.

Возьми их, Улитка, и отнеси немедленно моей доброй Фее!

— А твой новый костюм?

— К чему мне сейчас новый костюм!

Я с удовольствием продам и вот эти старые отрепья, которые на мне, только бы ей помочь!

Иди, Улитка, и поторопись!

А через два дня снова возвращайся сюда, тогда я, пожалуй, смогу добавить еще пару сольдо.

До сих пор я работал, чтобы поддержать моего отца.

С сегодняшнего дня я буду работать на пять часов больше, чтобы поддержать и мою добрую мать.

До свидания. Улитка. Через два дня я жду тебя!

Улитка, вопреки всем своим привычкам, убежала так быстро, словно ящерица в самую жаркую августовскую пору.

Когда Пиноккио вернулся домой, отец спросил его:

— А твой новый костюм?

— Я не мог подыскать ничего подходящего.

Попробую в следующий раз.

В этот вечер Пиноккио лег спать не в десять часов, а в полночь. И он сплел не восемь корзин из камыша, а шестнадцать.

После этого он лег в постель и уснул.

И во сне он увидел Фею. Она была ослепительно прекрасна. Она с улыбкой поцеловала его и сказала:

— Молодец, Пиноккио!

Так как у тебя доброе сердце, я прощаю тебе все твои проделки до нынешнего дня.

Дети, которые помогают родителям в нужде и болезни, заслуживают великой похвалы и великого уважения, даже если они не являются образцами послушания и хорошего поведения.

Будь разумным человеком в будущем, и ты будешь счастлив!

В это мгновение сон окончился, и Пиноккио проснулся.

Представьте же себе его изумление, когда, проснувшись, он заметил, что он уже больше не Деревянный Человечек, а настоящий мальчик, как все мальчики!

Он осмотрелся и вместо привычных стен соломенной хижины увидел красивую светлую комнатку.

Он соскочил с кровати и увидел красивый новый костюм, новый колпак и пару кожаных сапожек точно по его мерке.

Он быстро оделся и, разумеется, прежде всего сунул руки в карманы. Оттуда он вытащил маленький кошелек из слоновой кости, и на кошельке было написано:

«Фея с лазурными волосами возвращает своему милому Пиноккио сорок сольдо и благодарит его за доброе сердце».

Он открыл кошелек и вместо сорока медных сольдо ему в глаза сверкнули сорок новеньких золотых цехинов.

Потом он посмотрел в зеркало и не узнал себя.

Он не увидел больше прежнего деревянного человечка, куклу, а увидел живого, умного, красивого мальчика с каштановыми волосами и голубыми глазами, с веселым, радостным лицом.

Во время всех этих чудесных событий, следовавших одно за другим, Пиноккио уже толком не знал, бодрствует он или спит с открытыми глазами.

«А где же мой отец?» — вдруг подумал он.

Он пошел в соседнюю комнату и нашел старого Джеппетто здоровым, бодрым и в добром расположении духа, как некогда.

Старик опять держал в руках свой инструмент и в это время как раз вырезал великолепную раму с листьями, цветами и всевозможными звериными головами.

— Скажите мне, пожалуйста, дорогой отец, как вы объясните это внезапное превращение? — спросил Пиноккио, обнял Джеппетто и сердечно его поцеловал.

— Это внезапное превращение в нашем доме — исключительно твоя заслуга, — ответил Джеппетто.

— Почему моя?

— Потому что скверные дети, становясь хорошими детьми, обретают способность делать все вокруг себя новым и прекрасным.

— А куда девался старый деревянный Пиноккио?

— Вот он стоит, — ответил Джеппетто.

И он показал на большую деревянную куклу — деревянного человечка, прислоненного к стулу. Голова его была свернута набок, руки безжизненно висели, а скрещенные ноги так сильно подогнулись, что нельзя было понять, каким образом он вообще может держаться в вертикальном положении.

Пиноккио обернулся и пристально осмотрел его. И, после того как он его минуту пристально осматривал, он произнес с глубоким вздохом:

— Какой я был смешной, когда был Деревянным Человечком!

И как я счастлив, что теперь я настоящий мальчик!